

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Байкальский государственный университет

А. В. ШАЛАК

**ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Учебное пособие

Иркутск
Научное издательство БГУ
2020

УДК 327(075.8)
ББК 66.4я7
Ш18

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Рецензенты д-р полит. наук, проф. А. В. Козлова
д-р филос. наук, проф. В. А. Туев

Шалак А. В.

Ш18 Прикладной анализ международных отношений : учеб. пособие /
А. В. Шалак. – Иркутск : Науч. изд-во БГУ, 2020. – 102 с.

ISBN 978-5-7253-3025-0

Последовательно излагаются методология и методика политического исследования международных отношений. Анализируются типы политических субъектов и уровни их анализа, понятие и процедуры политической борьбы, целеполагание внешнеполитических программ, регулирование международных политических процессов и переговоров. Особое внимание уделяется формам нормативно-политического анализа. Вопросы для повторения дают возможность углубить знания в процессе самостоятельной работы.

Для студентов магистратуры и бакалавриата направления подготовки «Международные отношения», а также для тех, кто интересуется проблемами мировой политики и международных отношений.

УДК 327(075.8)
ББК 66.4я7

ISBN 978-5-7253-3025-0

© Шалак А. В., 2020
© Научное издательство БГУ, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Раздел 1. Методология нормативного политического анализа	6
1.1. Политика как предмет анализа	6
1.2. Типы политических субъектов и уровни анализа	8
1.3. Эволюция этносистем и структура их анализа	11
1.4. Конфессиональные социально-политические субъекты	20
1.5. Социально-классовые субъекты политики	23
1.6. Институциональные и персональные субъекты политики	26
Раздел 2. Методика политического анализа	29
2.1. Значение и формы нормативного политического анализа	29
2.2. Теоретический подход и роль метода в прикладном анализе	44
2.3. Информационно-аналитические методики	47
2.4. Методика проведения экспертного исследования	51
Раздел 3. Политическая борьба и политические процедуры	58
3.1. Типология политических режимов	58
3.2. Политическая ситуация и процесс политической борьбы	64
3.3. Политический анализ вооруженных конфликтов	69
Раздел 4. Анализ системы международных отношений	76
4.1. Генезис мировой системы международных отношений и ее регулирование	76
4.2. Внешнеполитическая программа: анализ целеполагания	80
4.3. Анализ международных политических процессов и взаимодействий	88
4.4. Методология исследования переговоров	92
Список рекомендуемой литературы	100

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вплоть до конца 1960-х гг. различные варианты теории международных отношений в СССР официально не изучались, поскольку считалось, что международно-политическая ситуация развивалась в соответствии с логикой классовой борьбы, а ее неизбежным результатом будет торжество новых общественных отношений в планетарном масштабе.

В 1970 г. теория международных отношений появилась в виде спецкурса на факультете международных отношений МГИМО. С этого момента стали оформляться две школы изучения международных отношений. Одна из них формировалась в ИМЭМО и строилась на критике «буржуазных теорий», а на практике подробно излагала основные положения западных теоретических концепций. Взгляды и подходы этой школы особенно наглядно отразились в монографии «Современные буржуазные теории международных отношений», опубликованной в 1975 г. Данная монография была полезной, так как знакомила отечественных специалистов-международников с состоянием теории международных отношений на Западе.

Школа в МГИМО занималась разработкой практических наработок в интересах МИД и других органов власти. От исследователей, работавших в МГИМО, требовалось обеспечить научное обоснование процесса принятия внешнеполитических решений. Соответственно, вся их работа была ориентирована на превращение теории международных отношений в прикладную теорию, позволяющую осуществить аналитико-прогностическое исследование широкого спектра политических ситуаций, включая внутренние.

Методология прикладного анализа международных отношений постепенно стала оформляться в 1960-е гг. Именно тогда развернулась деятельность советских и американских «мозговых центров», в которых наряду с традиционными методами анализа все шире стали использоваться методы, заимствованные из точных наук. Эта деятельность приобрела достаточно масштабный характер. Ожидалось, что в обозримой перспективе будет создана соответствующая компьютерная программа, и это станет залогом решения всех проблем. Однако иллюзии в отношении того, что машина вскоре заменит человеческий интеллект, развеялись достаточно быстро. Основная проблема этого в том, что мышление лиц, принимающих решения, работает ассиметрично, интуитивно, и по этой причине его невозможно смоделировать. Моделирование может выступать лишь как важное и необходимое дополнение к логико-интуитивному методу.

В стенах МГИМО была создана Проблемная научно-исследовательская лаборатория системного анализа международных отношений (ПРОНИЛ), в которой впервые была разработана экспертная методика анализа международных отношений. Огромный вклад в работу Проблемной лаборатории внес ее руководитель И. Г. Тюлин (*Тюлин Иван Георгиевич* (1947–2007) – доктор политических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, первый проректор МГИМО МИД России, руководитель Проблемной лаборатории в 1976–1990 гг.). Школа быстро развивалась, количество заказов росло, а сами работы

делались все разнообразнее. Постепенно в лаборатории стали внедрять компьютерную модель исследования международных отношений. Одним из основателей школы системно-структурного анализа (матричный метод) стал М. А. Хрусталеv (совместно с академиком Е. М. Примаковым). Большой практический опыт аналитической работы он получил в КГБ СССР, где в качестве аналитика разрабатывал сценарии развития ситуации и поведения сторон, а затем на основе этого обосновывал прогноз. С 1966 г. М. А. Хрусталеv перешел на работу в МГИМО, а в 1990 г. возглавил Проблемную лабораторию.

В 2006 г. создается кафедра прикладного анализа международных проблем, в рамках которой разрабатываются такие курсы, как «Введение в прикладной анализ международных ситуаций», «Основы системного подхода к международным отношениям», «Анализ международных ситуаций», «Политический анализ», «Практикум анализа международных ситуаций», «Моделирование международных ситуаций», «Современные информационные технологии в дипломатической практике». Постепенно сложились определенные структура и содержание прикладного анализа международных отношений, основанные на определенных методологических и методических приемах.

РАЗДЕЛ 1. МЕТОДОЛОГИЯ НОРМАТИВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

1.1. Политика как предмет анализа

Методология анализа международных отношений включает методы политической науки. Поэтому прикладной анализ системы международных отношений невозможен без предметного анализа самой политики. Подобный анализ осложняется тем, что в самой науке нет единства мнений по поводу сущности политики. Существуют разные точки зрения на предмет понимания ее содержания. Согласно одному мнению, политика – это «борьба за власть», следовательно, политика была даже в первобытном обществе. При таком подходе политика сводится только к властвованию, которое лежит в основе любого процесса управления, причем не только в человеческом обществе, но и в животном мире. С этих позиций многие положения этологии (науки о поведении животных) используются при анализе индивидуального и социального поведения. В частности, в манипулировании массовым политическим сознанием иногда используются архетипы животных предков (физиологические инстинкты).

В соответствии с другим подходом, политика есть «борьба за власть и собственность», следовательно, возникает с появлением собственности и государства. Вторая формула является более адекватной, поскольку на протяжении всей истории государственно-организованного общества фундаментальной проблемой политической борьбы было и остается соотношение государственной и частной собственности, а также концентрация последней.

На протяжении всей докапиталистической эры порядок распределения собственности был произведен от порядка распределения власти. Действовала формула «богатство через власть». Накопление собственности в руках отдельных частных лиц, не связанных с государственной властью, было весьма ненадежным. Экономическая деятельность, где происходит первичное, стихийное распределение собственности, находилась под мощным налоговым прессом, периодически осуществлялись разного рода экспроприации и реквизиции. К этому следует добавить бесконечные войны, которые сопровождались массовым грабежом. Исключения были достаточно редки и исторически недолговечны (купеческие республики). В целом отношение между властью и собственностью очень образно и строго выражено в русской пословице: «Не всяк имущий власть имущий, всяк власть имущий – имущий».

В процессе становления капитализма порядок распределения собственности получил более строгое правовое оформление. Завершение данного процесса означало оформление альтернативного пути приобретения власти через богатство. В принципе, данный вариант должен был полностью вытеснить свою предшественницу. Однако утверждать, что это уже произошло, нет достаточных оснований. Даже на Западе в большинстве случаев этого не случилось. Что касается России, то здесь процесс смены одной формулы другой представляет собой лейтмотив политической борьбы.

Не вдаваясь в детальное рассмотрение данной проблематики, нельзя не заметить, что обе эти формулы, отображающие определенные исторические за-

кономерности, далеко не оптимальны применительно к будущему человеческой цивилизации.

Человеческая деятельность в целом и социальная в частности является целенаправленной. Как явствует из приведенного определения, политика отличается известным дуализмом, т. е. может быть направлена на сохранение или изменение социального порядка или миропорядка. Наличие этих двух альтернативных векторов политической деятельности изначально вносит в ее содержание конфликтный потенциал, который актуализируется в форме борьбы.

Хотя по мере развития человеческой цивилизации все большую силу набирает тенденция регламентации («игры по правилам») и ограничения политической борьбы, и прежде всего в плане недопущения вооруженного конфликта (войны), однако пока успехи в этом направлении достаточно скромны. При этом внутри страны правила политической борьбы регламентированы в целом значительно больше, чем на международном. В частности, в так называемых цивилизованных странах внутривнутриполитическая борьба в принципе может быть квалифицирована как конвенциональная, т. е. происходит с соблюдением общепринятых морально-этических и правовых норм. Вместе с тем есть множество случаев, когда некоторые из этих стран легко пренебрегают этими нормами в своей международной деятельности. В сущности, это возврат к «праву сильного», проявлению которого данные нормы призваны противостоять.

В качестве сфер политической деятельности выступают государственно-организованное общество и мировое сообщество. Соответственно, принято выделять внутреннюю и внешнюю политику. Представляется необходимым остановиться на их соотношении и взаимовлиянии, что является предметом научных дискуссий уже не одно десятилетие. Следует заметить, что данная проблема имеет не только чисто теоретическое, но и немалое практическое значение, учитывая растущую наукоемкость политической практики.

В ходе политологических дискуссий при всем разнообразии точек зрения выделились два принципиально отличных друг от друга подхода. Один предполагает паритетность этих двух видов политики, а другой – приоритетность внутренней. Симптоматично, что сторонниками этого последнего являются такие крупные фигуры, как Г. Моргентау и Г. Киссинджер. Социологические опросы показывают, что его разделяет и большая часть правящих кругов США.

Действительно, если подойти к внешнеполитической деятельности с точки зрения поглощения ею ресурсов, то чем она активнее, тем подобного рода показатель выше, особенно если внешнеполитическая деятельность сопровождается войнами. Отвлечение крупных материальных ресурсов в течение длительного времени рано или поздно ведет к социально-экономическому кризису, который, в свою очередь, может привести к дезинтеграции государственно-организованного общества и, как следствие, к распаду государства.

Вместе с тем, как показывает исторический опыт, правящая политическая элита может пренебречь перспективой опасности ресурсного дефицита и вести активную, а то и агрессивную внешнюю политику, не особенно считаясь с неблагоприятным для нее внутривнутриполитическим положением. Соответственно, внешняя политика становится на некоторый период приоритетной. Резюмируя

сказанное, можно констатировать, что доминанта внутренней политики относительна и далеко не всегда надежна.

Вопросы для самоконтроля

1. Объясните необходимость нормативно-политического метода при анализе системы международных отношений.
2. В чем проявляется дуализм политической деятельности?
3. Обоснуйте соотношение внешней и внутренней политики с точки зрения ресурсозатратности.

1.2. Типы политических субъектов и уровни анализа

Целенаправленная политическая деятельность включает наличие ее субъекта. Вопрос о роли субъекта в современной науке не решен. Эта проблема представлена двумя основными учениями – марксизмом и элитизмом.

Согласно марксизму, основными субъектами политики являются классы, а история человеческой цивилизации есть история классово-борьбы.

Элитизм же обосновывает, что основными политическими субъектами выступают политические элиты (государственные деятели, лидеры и пр.), а все остальные – это объект манипулирования со стороны элиты. Как утверждал В. Парето, история есть «кладбище элит».

Политическая практика наглядно продемонстрировала обоснованность некоторых положений этих подходов, а также их взаимопроникновение. Реализация марксистской концепции диктатуры пролетариата привела к диктатуре вождя (вождизм). В свою очередь, элитизм столкнулся с фактом политической самоорганизации массы в форме политических и общественно-политических движений, имеющих так называемую сетевую структуру. Итоги выборов зачастую демонстрируют способность массы эффективно блокировать влияние политического манипулирования, особенно когда решаются судьбоносные проблемы. Таким образом, нетрудно заметить, что марксизм абсолютизирует роль всеобщего, а элитизм – единичного.

Выходом из данного положения стала разработка институционального подхода, согласно которому к категории относительно самостоятельных институциональных субъектов политики отнесены все организации, начиная от государства и кончая общественно-политическими движениями. Таким образом, произошло оформление трехчленной типологии политических субъектов: персональные, институциональные и социальные (социально-политические). В целом данная типология представляется научно корректной и может использоваться при проведении нормативного политического анализа.

Критерием выделения социально-политических субъектов является политическая активность. Они должны отличаться высокой и постоянной степенью политической активности. Политическая деятельность – это всегда борьба за власть, вплоть до вооруженного противостояния. Такого рода конфликтные взаимоотношения характерны только для трех типов групповых социальных общностей: этнических, конфессиональных и социально-классовых. В отличие

от групповых социальных общностей, все остальные не обладают подобного рода конфликтностью. Сама их конфликтность не связана с политикой (например, постоянные столкновения футбольных фанатов). Они могут политически активизироваться в определенной политической ситуации. В целом они в лучшем случае являются потенциальными социально-политическими субъектами, которыми в абсолютном большинстве случаев можно пренебречь. Статичность социально-политической ориентации уступает место динамике тогда, когда доминирование одного типа не является подавляющим, а другие или другой обладают достаточной конкурентоспособностью, а следовательно, налицо возможность переориентации. Она может быть как естественной, стихийной, обусловленной внутренним социально-экономическим воздействием или мощным внешним воздействием, так и искусственной, сознательно осуществляемой государственной властью.

Наглядный пример такого рода сознательной переориентации продемонстрировала фашистская Германия, где гитлеровское руководство смогло в течение нескольких лет заменить социально-классовую ориентацию общества на этническую («арийская раса»). Эта переориентация оказалась успешной в силу чрезвычайно благоприятного стечения внутренних и внешних обстоятельств, а также эффективной пропаганды.

В качестве примера неудачной попытки сознательной переориентации иногда приводят политику Народной демократической партии в Афганистане после ее прихода к власти в результате военного переворота. Руководители этой партии попытались, опираясь на советский опыт, сделать доминирующей социально-классовую ориентацию, хотя в социально-политической структуре афганского общества ее значимость была весьма невелика. Попытка навязать соответствующую идеологию сопровождалась давлением на мусульманскую религию и привела к выдвиганию на первый план конфессиональной ориентации, которая временно оттеснила ранее доминирующую – этническую. Однако при оценке подобных ситуаций всегда нужно учитывать внешние обстоятельства, которые часто играют определяющую роль при подобной переориентации.

Социально-политические субъекты, в отличие от институциональных и персональных, представляют собой сочетание стихийных (спонтанных) и организованных действий. Первые представляют собой непосредственную массовую реакцию членов групповой социальной общности на действия других социально-политических или политических субъектов, и прежде всего государства. Она может быть как позитивной, так и негативной. Позитивная, как правило, не отличается особой массовостью и интенсивностью, чего нельзя сказать о протестной, которая вызывается реальным или мнимым ущемлением интересов данной общности или угрозой такого ущемления. Интенсивность протестной реакции может быть чрезвычайно высокой, при которой политический протест перерастает в вооруженную конфронтацию (бунты, восстания и даже революции). Нередко подобного рода перерастание вызывается совершенно спонтанно так называемым триггерным эффектом, когда малозначительное событие, которое обычно происходит незамеченным, вызывает серьезные массовые волнения. Например, Февральская революция в России началась с пробле-

мы хлебного снабжения, которая носила ситуационный характер (весенняя распутица). Механизм подобного эффекта срабатывает только тогда, когда социально-политическая напряженность достигает максимального значения.

Другой пример: публикация карикатур на пророка Мухаммеда в одной из заштатных датских газет вызвала серьезные массовые волнения в целом ряде мусульманских государств, которые сопровождались нападениями на дипломатические представительства некоторых западноевропейских государств.

При благоприятных условиях в процессе волнений начинается самоорганизация членов этой общности в общественно-политическое или политическое движение. В составе движения выделяются лидеры, т. е. персональные политические субъекты. Этот институциональный субъект берет на себя руководство политической активностью соответствующей социальной общности, что и делает ее организованной и управляемой. Возможность стихийной активности минимизируется.

Вышеописанный вариант развития политической активности групповой социальной общности квалифицируется как инициативный, но чаще она использует другой – адаптивный, при котором из имеющегося спектра институциональных и персональных субъектов ее члены в своем большинстве выбирают «своих», иными словами, тех, кто в наибольшей степени отражает их интересы. Аналогичным образом поступают и последние, т. е. подобного рода выбор является обоюдным.

Возвращаясь к типологии субъектов политики в целом, можно на ее основе выделить три уровня политической борьбы и, как следствие, три уровня ее анализа:

- микроуровень – персональные политические субъекты (микроуровень политического анализа);
- макроуровень – институциональные (макрополитика);
- социально-политический уровень – социально-политические субъекты (социальная политика).

Взаимодействие субъектов на каждом из этих уровней образует структуру процесса политической борьбы. Это взаимодействие может быть конфронтационным, кооперативным или нейтральным. Соотношение этих трех видов взаимосвязей в некоторый момент времени детерминирует политическую ситуацию. В свою очередь, данное соотношение относительно автономно на каждом уровне, что, однако, не исключает вероятностно детерминированное воздействие одного уровня на другой как сверху вниз, так и снизу вверх. В каждом конкретном случае эффективность такого воздействия различна, а потому достаточно вариативно и доминирование субъектов определенного уровня. В конечном счете определяющим является их состояние. Исходя из этого, представляется целесообразным начать с анализа их состояния, причем снизу вверх, т. е. от социальных к институциональным, а затем персональным.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем различие между марксистским, элитистским и институциональным подходами к определению субъектов политической деятельности?

2. Назовите основные типы социально-политических общностей.
3. Сформулируйте основные уровни анализа политической борьбы.
4. В чем особенность актуализации политической деятельности социально-политических субъектов?
5. Какую роль в актуализации политической деятельности играет «триггерный эффект»?

1.3. Эволюция этносистем и структура их анализа

Исходным моментом нормативного политического анализа при исследовании политической ситуации в стране является определение социально-политической ориентации ее населения, поскольку именно это определяет зону политического выбора институциональных и персональных политических субъектов внутри страны.

В исторической ретроспективе динамика ориентаций населения представлена последовательной сменой этнической ориентации (принцип крови) на конфессиональную (принцип веры), а затем и социально-классовую (принцип общих социально-экономических интересов).

Теоретическое осмысление этнической проблематики осуществляется с начала XX в. На место этнографии, которая являлась описательной дисциплиной, пришла этнология. В ее основу был положен теоретический подход, который получил название примордиалистского (изначального). В соответствии с ним этнос – это биосоциальное явление, обеспечившее переход человечества от животного состояния в социальное. Данный феномен весьма глубоко был разработан в работе академика Ю. Бромлея «Очерки истории этноса», изданной еще в 1982 г. Согласно примордиалистскому подходу, в эволюции этноса выделяют три стадии, каждая из которых характеризуется определенным типом этнической общности (племя – народность – нация). Племя соответствует догосударственному обществу, а народность и нация – государственно-организованному. Но племя может иметь место и в государственном образовании, в которое оно включается принудительно.

Крупное племя обладает самодостаточностью: собственная территория, автономное хозяйство, собственная администрация и вооруженная сила (племенное ополчение). Естественным результатом самодостаточности является племенной сепаратизм, который характерен для большинства африканских и целого ряда азиатских государств. Во многих из них подчинение племен государственной власти сугубо номинально, а ее попытки превратить его в реальное, как правило, встречают вооруженное сопротивление (горские племена). В Пакистане армия не способна обеспечить контроль правительства за северо-западной провинцией, населенной пуштунскими племенами. В ряде мест племена вошли в состав мирового организованного преступного сообщества, занимаясь производством и сбытом наркотиков. Поэтому в ряде случаев архаика весьма успешно адаптируется к современности.

Переход от родо-племенного к государственно-организованному обществу везде сопровождался процессом детрибализации (ликвидация племенной

дифференциации и замена ее на административно-территориальную). Ее введение всегда носило принудительный характер, зачастую с применением вооруженного насилия. Детрибализация была и остается обязательным условием политической стабильности. В этом случае на базе племенной группы формировалась народность, оформление которой стимулировалось урбанизацией. В крупных городах с развитым ремеслом и торговлей интенсивно шел процесс смешения племен. Вне этой экономической составляющей племена сохранялись, в этом случае сохранялась и возможность ретрибализации. Даже советская власть, несмотря на интенсивную модернизаторскую стратегию, лишь несколько интенсифицировала процесс этнической эволюции, и только. Например, на гербе и флаге Туркменистана отображено наличие основных племенных групп в виде соответствующего числа звездочек.

Таким образом, состояние протонародности может существовать не одно столетие. В настоящее время они продолжают в ряде случаев сохраняться, причем не только в Черной Африке, но и в Азии (например, курдский этнос). С известной долей условности столь длительное существование этноса в состоянии протонародности можно квалифицировать как попадание его в социально-экономический (эволюционный) тупик.

Когда детрибализация проходила успешно, этнос достаточно быстро (по историческим меркам) достигал стадии народности. В результате место рода занимал клан. Инициаторами обособления, а затем и отчуждения от племени становились аристократические роды (четыре – семь поколений), члены которых стремились сакрализовать свой привилегированный статус. Некоторые из них, оформившись в кланы, стали правящими королевскими и княжескими династиями.

В рамках достаточно крупной народности место племени заняли региональные поселенческие общности, формировавшиеся вокруг крупных городов. Городская коммунальная община группирует вокруг себя окружающие ее сельские и тем самым формирует регион, население которого представляет собой землячество. В случае самодостаточности такая земляческая общность тяготеет к автономии и даже созданию собственного микрогосударства (античный полис, средневековые города-государства).

Возникновение земляческих общностей и достижение ими самодостаточности становилось предпосылкой дробления этноса на субэтноты (субнародности), которые в результате длительного автономного существования приобретали специфические свойства (диалект, особенности быта и т. п.).

Переход от народности к нации сопровождался почти полной ликвидацией клановости и нивелировкой субэтнических различий. Как и при переходе от племени к народности, и здесь нельзя не отметить наличие достаточно длительной маргинальной стадии, когда процесс еще окончательно не завершён. В политическом контексте это обстоятельство стимулирует в большей или меньшей степени так называемый регионализм (политическую автономизацию). В качестве примера бытия нации в подобного рода переходном состоянии могут служить немецкая и итальянская. В основном длительность их перехода была обусловлена тем обстоятельством, что их становление происходило в условиях политической раздробленности.

Следует заметить, что государственная власть стимулирует процесс этнической эволюции, поскольку само государство есть в известном смысле ее продукт, т. е. создается определенным этносом (народностью или нацией). Иначе говоря, оно имеет этническую основу, которая формируется в результате разложения родо-племенного общества. Если родо-племенное общество не вступило в завершающую фазу своего существования, то возникающая государственная власть оказывалась недолговечной. Однако вторая половина XX в. характеризовалась возникновением нескольких десятков новых государств в зоне зрелого родо-племенного общества. Эти государства являлись продуктами колониальной политической инженерии, т. е. представляют собой искусственные образования. В них, как правило, отсутствует государствообразующий этнос в строгом смысле слова. В естественных условиях таковой всегда налично.

В процессе формирования государства возникает этносистема. Поддержание определенного состояния этносистемы и регулирование ее эволюции – одна из важнейших задач государственной власти (национальная политика). Она относительно проста, если доминирующий этнос по своей численности и уровню развития обладает абсолютным превосходством. Такого рода этносистема, в сущности, не имеет потенциала для различных конфликтов и политически стабильна.

Гораздо более сложной данная задача становится тогда, когда этническая система полицентрична, т. е. когда наряду с доминирующим этносом в нее входят и другие крупные и достаточно развитые. В значительной степени их конкурентоспособность зависит от характера расселения. При ареальном и особенно еще и приграничном расселении она особенно велика и, наоборот, при дисперсном гораздо более ограничена. Во избежание неправильного понимания следует подчеркнуть, что речь идет о политической конкуренции.

В целом полицентрическая этносистема всегда содержит потенциал для различного рода конфликтов, актуализация которого во многом зависит от того, насколько умело государственная власть может его нейтрализовать, что требует поддержания этнического баланса. Этнический баланс представляет собой комплексное явление, основными составляющими которого являются демографическая, миграционная, политическая и социально-экономическая. Не вдаваясь в их детальное рассмотрение, следует лишь заметить, что для современной России со времен президентства Б. Н. Ельцина характерен серьезный дисбаланс по трем из четырех составляющих. Исключением, да и то условно, является политическая составляющая.

Вместе с тем в рамках этносистемы объективно происходят процессы взаимодействия этносов между собой, которые государственная власть призвана регулировать, поскольку именно они определяют тенденции эволюции этносистемы. Типология этих процессов имеет вид, представленный в табл. 1.1.

Вся совокупность включенных в табл. 1.1 процессов наблюдается только в полицентрических этносистемах. В моноцентрических этносистемах межэтническое взаимодействие практически отсутствует, хотя по мере усиления мировых интеграционных процессов данное обстоятельство будет изменяться. На племенной стадии этнической эволюции доминируют дивергентные процессы

на внутриэтническом уровне, когда от разросшегося племени обособляется его часть (сепарация) или оно разделяется на несколько частей (партиация), которые оформляются в самостоятельные племена, и возникает племенная группа. К ней иногда примыкали и неродственные племена. Конвергентные процессы были выражены слабо и на внутриэтническом уровне. Как правило, лишь остатки вымирающего племени добровольно включилась в более сильное (добровольная ассимиляция).

Таблица 1.1

Типы этнических процессов

Рамки	Направленность	
	I Конвергентный	II Дивергентный
A – внутриэтнический	Консолидация	Дифференциация Сепарация Партиация
B – межэтнический	Интеграция Ассимиляция Миксация (смешение)	Диверсификация

На стадии народности наблюдался своего рода асимметричный баланс конвергенции и дивергенции. С одной стороны, проходила консолидация народности путем ликвидации племенной дифференциации, но, с другой стороны, у крупных народностей достаточно интенсивно шла сепарация (разделение, отделение) и партиация (объединение). Первая в основном выражалась в формировании субэтнотосов при сохранении основного этнического массива, а вторая приводила к дроблению этнического массива на субэтнотосы, которые тяготели к преобразованию в новые этносы (народности). Хотя, в принципе, как сепарация, так и партиация были результатом внутриэтнического развития, но нельзя не видеть, что они закреплялись внешним завоеванием.

Негативная оценка результатов партиации вызывает к жизни панэтнические политические движения (пангерманизм, панарабизм, пантюркизм, панславянизм и т. д.). Участники этих движений квалифицируют факт партиации сугубо негативно, считая его в лучшем случае «исторической ошибкой», а в худшем – «исторической несправедливостью», вина за которую возлагается на иноэтнические силы, представляемые в виде извечного этнического врага. Соответственно, целью панэтнического движения является или устранение «исторической ошибки», или ликвидация «исторической несправедливости», причем последнее предполагает использование военной силы против этнического врага.

Каких-либо заметных политических успехов данные движения не добились, но зачастую оказывают немалое влияние на внешнеполитический курс отдельных государств в плане поддержки и даже материальной помощи «этническим родственникам», хотя в большинстве случаев от этого родства остались лишь рудименты в виде близости языков. Сама по себе «этническая родственность» отнюдь не гарантирует «братские» отношения. Они могут быть и враждебными, и доходить даже до геноцида (например, хорваты и сербы).

В сущности, эти движения стремятся повернуть историю вспять, искусственно блокировать процесс диверсификации и стимулировать процесс интеграции (сближения) чисто политическим путем, т. е. созданием некоего конфедеративного государства.

Формирование нации обычно проходит на базе одной народности, но зачастую сопровождается включением в ее состав небольших других или их частей, что происходит в результате доминирования конвергентных процессов. На уровне базовой народности, которая, как правило, является и государствообразующей, абсолютно доминирует консолидация, в ходе которой происходит ликвидация субэтнических различий и минимизация земляческих (региональных). Как следствие, нация – это более целостное образование по сравнению с народностью. Она в большей степени тяготеет к политическому единству в форме самостоятельной государственности, если она крупная, или широкой автономии, если небольшая. Попытки политического дробления нации всегда вызывают решительное сопротивление, что у народности наблюдается отнюдь не всегда.

Вместе с тем данное различие между ними нельзя возводить в абсолют. Например, немецкая нация даже после ликвидации ГДР остается политически раздробленной (до сих пор сохраняются австрийские немцы, швейцарские немцы и некоторые другие). В значительной степени такое положение может быть объяснено трудностями преодоления исторического наследия, с одной стороны, и резким падением значимости этнической социально-политической ориентации – с другой. Это последнее обстоятельство связано с ее дискредитацией нацистской политической практикой, которая привела к национальной катастрофе.

Идея консолидации и формирования целостного этического образования получала самое широкое признание у народностей и даже протонародностей, в политическом же лексиконе лидеров чаще используется только термин «нация», хотя до стадии нации их этносам было или еще остается достаточно далеко.

В рамках полицентрической этносистемы государственная власть стремится ликвидировать почву для сепаратизма, чтобы предотвратить политическую дестабилизацию. С этой целью она стимулирует объединительные процессы на внутриэтническом и на межэтническом уровне. В последнем случае трансформация полицентричности в моноцентричность осуществляется на основе государствообразующего этноса, при котором доминирующий этнос «поглощает» другой (другие), не изменяя сколько-нибудь существенно своих свойств (ассимиляция).

Ассимиляция может быть добровольной, принудительной или насильственной. При добровольной ассимиляции данный процесс осуществляется самим ассимилируемым этносом, как правило, через брачность. Присутствие в этом процессе государственной власти минимально.

При принудительной ассимиляции акцент делается на создание социальных условий, побуждающих к ассимиляции (дискриминация в различных формах).

Насильственная ассимиляция сопровождается репрессиями (этнические чистки, геноцид) или угрозой таковых при отказе от ассимиляции.

В полицентрической системе в качестве ассимилятора зачастую выступает не только государствообразующий этнос, но и другие достаточно крупные, но только на региональном уровне и при условии их компактного расселения. Объектами их ассимиляции, как правило добровольной, являются мелкие этносы, переживающие стадию упадка. Таким образом, в полицентричной этносистеме ассимиляционные процессы становятся в известном смысле многоуровневыми (иерархическими).

При этом следует отметить, что у одних этносов потенциал для ассимиляции достаточно значителен (русский, французский), а у других – крайне невелик (японский). Этносистема США долгое время рассматривалась в качестве своего рода эталонного ассимиляционного механизма крупных масс разнородных мигрантов (концепция «плавильного котла»). Предполагалось, что в результате сформируется американская нация, поскольку государствообразующий англо-американский диаспоральный субэтнос обладает высоким абсорбционным (поглощающим) потенциалом. Однако ожидаемого результата не получилось. Исследование, проведенное в конце 1990-х гг. Советом по расовым и этническим проблемам при президенте США, констатировало: «Сегодняшняя ситуация такова, что вести разговор о единой дружной американской нации – значит вступать в противоречие с реальными фактами и событиями».

Дисгармоничность этносистемы США обусловлена высокой степенью разнородности входящих в ее состав этносов. При массовых контактах эта разнородность создает предпосылки негативного восприятия и непонимания, что, в свою очередь, порождает чувство враждебности. Немалую роль в усилении чувства враждебности играют и конфессиональные различия. В этом случае дисгармония приобретает комплексный характер, что всегда ведет к политической конфронтации.

На основе нормативного политического анализа выделяют следующие критерии, по которым определяется степень этнической разнородности: физический тип, психический склад, быт, язык и самосознание.

Физический тип – особенности телесной организации, которые присущи основной массе членов этноса (исходный визуальный индикатор диспозиции «свой – чужой»). Серьезные отклонения от исходного физического типа вызывают сомнения в этнической принадлежности и ведут к делению членов этноса на «чистокровных» и «нечистокровных» («неполноценных»).

Психический склад включает три компонента: темперамент, характер и менталитет (тип мышления). Темперамент имеет биологическую природу и передается на генном уровне из поколения в поколение без сколько-нибудь существенных изменений, если брать массовый уровень. Не случайно его типология, разработанная еще во времена Античности, несмотря на все попытки ее ревизии, благополучно дожила до настоящего времени.

Что касается этнического характера, то при нормативном политическом анализе выделяют три его базовых типа: патриальный (преобладание мужских черт), матриальный (преобладание женских черт) и амбивалентный (комбинация мужских и женских черт). При патриальном характере преобладают такие черты, как воля, рациональность, дисциплинированность и т. п. В экстремаль-

ном варианте это агрессивность и неприятие компромисса. И, наоборот, матриальный ориентирован на адаптацию и компромисс. Его рациональность вариативна, а не прямолинейна, как у патриального. Агрессивность ему не присуща, а в экстремальном виде для него характерно миролюбие.

Принципиальное различие этих двух типов характеров особенно наглядно просматривается во время войны. Если взять только первую половину прошлого века, то четко просматривается патриальный характер немцев и матриальный – итальянцев. Этнический характер итальянцев оказался препятствием на пути развития милитаризма и индоктринации нацистской идеологии. И наоборот, этнический характер немцев явился благодатной почвой, на которой развился германский милитаризм и эффективная индоктринация нацистской идеологии. Симптоматично, что, хотя оба фашистских режима в своей пропаганде широко использовали культ мужчины-воина, древнегерманский воин-варвар пришелся ко двору, а римский легионер – нет.

Третий тип этнического характера – амбивалентный. Он не имеет постоянного и четко выраженного преобладания мужских или женских черт. Данный тип этнического характера обычно возникает ситуативно, что и дает основание квалифицировать его в качестве «непредсказуемого» («загадочная русская душа»). Именно в силу этого он представляет собой удобный объект политического манипулирования со стороны прежде всего государственной власти.

Понятие менталитета отражает специфику стиля мышления, присущую каждому этносу. Его принято рассматривать в качестве составляющей интеллекта, но если последний, взятый в целом, развивается под влиянием образования, то менталитет в основном сохраняется, а точнее, конечно, изменяется крайне медленно.

Быт – это потребительная сторона жизнедеятельности людей. Принято выделять три типа быта: домашний, семейный и общественный.

Домашний быт включает в себя особенности пищи, одежды, жилища, а также правила санитарии и гигиены, которые обусловлены биологической организацией человека. Их несоблюдение формирует негативный образ этноса («грязные»), и, соответственно, общение с его членами становится нежелательным. Глобализация в принципе ведет к нивелировке домашнего быта и его стандартизации по европейскому эталону вплоть до отказа от большей части этнической специфики. Вестернизация домашнего быта, несомненно, будет продолжаться и усиливаться, так как повышает его комфортность.

Семейный быт включает в себя взаимоотношения полов и возрастов в семье. Его ключевым моментом является положение женщины (моногамия – полигамия), а также отношение к детям и пожилым людям. Поскольку в рамках семьи происходит воспроизводство человека не только в биологическом, но и в социальном смысле, то никак нельзя недооценивать значимость семейного быта. Его стабильность обеспечивает сохранение семьи, а значит, и самосохранение этноса. Именно через семью проходит разграничительная линия между эгоизмом и альтруизмом. Исходной формой альтруизма является забота о детях, без чего любой этнос обречен на вымирание (депопуляцию).

Общественный быт – это внесемейное общение членов этноса между собой, регулируемое сводом неформальных правил. Их совокупность образует

этикет, соблюдение которого обязательно, а нарушение ведет к отказу от общения и осуждению. Этикет хотя и имеет некоторое число общечеловеческих правил, вместе с тем весьма вариативен. У одних этносов он весьма прост и в чем-то может быть даже вульгарен (например, у русских), а у других – сложен и церемониален (японцы).

Язык. Состояние языка достаточно четко коррелируется со стадиями этнической эволюции. Племя – бесписьменный язык, народность – письменный язык плюс его региональные диалекты, нация – письменный литературный язык. Следует заметить, что появление письменного языка самым непосредственным образом связано с возникновением государства. В этом отношении появление кириллицы представляет собой весьма наглядный пример.

В полицентрических этносистемах объективно возникает феномен двуязычия, так как язык государствообразующего этноса становится языком межэтнического общения (язык-посредник). Наличие такого языка-посредника в глобальном масштабе можно рассматривать как свидетельство формирования мирового сообщества в строгом смысле слова. В настоящее время таковым является английский, параллельно с которым продолжают существовать и другие языки-посредники меньшей степени общности, представляющие собой в сущности имперское наследие.

Когда в результате двуязычия ослабевают позиции собственного языка, то зачастую это воспринимается как исходная точка ассимиляции, что далеко не всегда верно. Тем не менее лозунг защиты собственного языка всегда является одним из ключевых положений националистических движений.

Самосознание. Его формирование происходит на стадии этногенеза, когда возникает диспозиция «мы – они», «свои – чужие», т. е. когда этнос обособляется от этносреды. Процесс такого обособления всегда носит в той или иной степени обоюдный характер. В его ходе возникает этносознание, включающее как образ себя, т. е. самосознание, так и образ этносреды. Как ментальная система этническое самосознание имеет следующий вид (табл. 1.2).

Таблица 1.2

Структура национального самосознания

Содержание	Форма	
	I Рациональная (представления)	II Эмоциональная (чувства)
А – самоидентификация	Демотическая (свойственная народу) Территориальная Символическая	Патриотизм Солидарность
В – самооценка	Исключительность Полноценность Неполноценность	Гордость Достоинство Униженность

В рамках самосознания исходным моментом выступает самоидентификация, определение тех свойств, которые отделяют «своих» от «чужих». Таковы-

ми являются уже упомянутые ранее четыре. На их основе происходит демотическая самоидентификация. Фиксация различия этих свойств происходит автоматически и не требует каких-либо интеллектуальных усилий.

Параллельно с демотической происходит территориальная, т. е. этнос присваивает себе территорию своего обитания. Легитимность такого присвоения оформляется в виде топонима («этнос такой-то земли»). Наличие топонима делает этнос титульным, обладающим естественным правом на данную территорию. Потеря части территории воспринимается как историческая трагедия. В этом контексте формируется негативное отношение к диаспорам, отношение к ним строится на принципе «хозяева – гости» («гастарбайтеры»). Последние находятся на данной территории по воле «хозяина-собственника» и никаких прав на нее не имеют. Таковые они приобретают в случае инкорпорации в титульный этнос. Государство в большинстве случаев противопоставляет подобного рода этническому территориальному суверенитету свой государственный суверенитет, снимающий привилегию титульности.

В ходе истории этноса вырабатывается мифологизированная символика, призванная подкрепить, повысить уровень его самооценки. Можно выделить три вида этой символики: природные, монументальные и персональные символы.

Природная символика: выдающиеся природные объекты (гора Арарат у армян, гора Фудзи у японцев, река Волга у русских и т. п.).

Монументальная символика – искусственные сооружения особой значимости (Великая Китайская стена, Кремль, Вестминстер и т. п.).

Персональная символика – выдающиеся люди этноса («народные герои» в широком смысле), олицетворяющие собой его успехи и достижения, а следовательно, и его вклад в историю человечества (Чингисхан, Александр Македонский, Микеланджело).

Самоидентификация на рациональном уровне всегда сочетается с ее эмоциональным выражением в виде чувств патриотизма и солидарности.

Патриотизм – это чувство любви к своему этносу, а любовь предполагает идеализацию своего объекта. Исключительность всегда подразумевает историческое мессианство. Не случайно этнос ведет борьбу против формирования комплекса неполноценности. В организованное русло эта враждебная активность входит в результате появления националистической идеологии (бытовой национализм трансформируется в политический). Создатели националистических идеологических доктрин, как правило, решают двуединую задачу: с одной стороны, возвеличить свой этнос, с другой – «просветить» этническую массу по поводу намерений этнического врага. Соответственно, удаленность от этнического врага объявляется самоцелью, достижение которой должно кардинальным образом изменить всю историческую судьбу этноса.

Политический национализм представляет собой серьезную угрозу целостности полиэтнической этносистемы, иначе говоря, многонациональному государству. Националистические умонастроения могут возникать и у государствообразующего этноса, как правило в отношении диаспор, деятельность которых воспринимается как наносящая ущерб его интересам. В своей борьбе с национализмом государства прибегают к различным способам (репрессии, ма-

нипулирование массовым сознанием). Наиболее распространены манипулятивные приемы «замалчивание» и «замещение».

При «замалчивании» многонациональное государство объявляется национальным, т. е. полицентрическая этносистема квалифицируется как моноцентрическая. Например, согласно Конституции Турции, все ее граждане являются турками. По существу, это декларация курса на принудительную ассимиляцию других этносов, среди которых наиболее крупный – курдский. Во Франции запрещено в официальных документах и материалах указывать этническую принадлежность граждан (национальность). «Замещение» направлено на замену этнического самосознания политическим (гражданственным), что находит свое выражение в замене этнонима на политоним (например, не русские, а россияне, в СССР – советский народ).

Идея «замещения» получила в зарубежной науке теоретическое обоснование в этнологии (конструктивизм и инструментализм), в соответствии с которыми этничность представляется «иллюзорной конструкцией», т. е. фантомом массового сознания. Соответственно, задача борьбы с национализмом предельно упрощается и становится сугубо пропагандистской. Не отрицая значимости политической пропаганды, которая действительно становится эффективной, в то же время нельзя не отметить, что многочисленные сепаратистские движения имеют очевидную тенденцию к усилению (в Западной Европе, как неизбежное следствие роста численности афро-азиатских диаспор).

Вопросы для самоконтроля

1. Объясните роль примордиалистского подхода в осмыслении этнической проблематики.
2. Почему детрибализация является обязательным условием политической стабильности при переходе к государственно-организованному обществу?
- 3 Сформулируйте причины, обуславливающие конфликтогенность этнической системы.
4. Чем различаются конвергентный и дивергентный типы этнических процессов?
5. По каким критериям определяют степень этнической разнородности на основе нормативно-политического анализа?
6. Приведите примеры патриальных, матриальных и амбивалентных черт этнического характера.

1.4. Конфессиональные социально-политические субъекты

Конфессиональные общности стали выступать в качестве самостоятельных социально-политических субъектов только после появления мировых (универсальных) религий, которые в силу своей универсальной (интернациональной) природы ориентированы на замену этнической самоидентификации конфессиональной. В политическом контексте они должны подавлять этнический сепаратизм.

Секуляризация поставила перед традиционными религиями проблему самосохранения, что не могло не вызвать с их стороны адекватной реакции, кото-

рая получила название «религиозного ренессанса». Можно выделить два ее основных варианта – адаптивный и агрессивный. Первый ориентирован на модернизацию и политическое маневрирование, а второй – на отказ от любой модернизации, вплоть до обскурантизма, и на вооруженную борьбу со своими противниками. Сторонники второго варианта образовали фундаменталистские движения, которые по существу являются политическими и военно-политическими. Их цель – восстановление ликвидированного в ходе секуляризации симбиоза религии и государства насильственным путем. Наибольших политических успехов фундаменталисты добились в зоне распространения ислама. В зоне распространения христианства их влияние проявляется в протестантизме и православии, в то время как католическая церковь официально осудила фундаментализм. В буддизме влияние фундаментализма практически незаметно.

Важнейшим результатом секуляризации стало появление закрепленного в международном праве «принципа свободы совести», который ликвидировал обязательность конфессиональной принадлежности. Если в Западной Европе секуляризация представляла собой процесс, обусловленный внутренним развитием, то в целом ряде развивающихся государств она происходила под мощным влиянием вестернизации, и прежде всего в форме колониализма. Иначе говоря, она в известном смысле была искусственной, но вместе с тем необходимой, в частности для поддержания политической стабильности поликонфессионального общества.

Освоение религиозной философии как в традиционном, так и в модернизированном варианте, который характерен в основном для христианства, удел весьма немногих, посвящающих этому всю свою жизнь. Все остальные обходятся достаточно ограниченным объемом теологических знаний, а также знанием символики: монументальной (храмы, святилища, алтари и т. п.), атрибутивной (священные тексты, иконы, знамена и различного рода утварь), маркировочная (эмблемы, значки, детали одежды и т. д.). Все эти виды символики у каждой из трех мировых религий весьма различны. Своя символика воспринимается как высшая сакральная ценность, любой конфессиональный конфликт часто начинается с ее уничтожения или осквернения.

Различия в символике, как правило, сочетаются с таковыми в ритуалистике. Их диспозиция имеет следующий вид (табл. 1.3).

Таблица 1.3

Сравнение ритуальной структуры основных религиозных систем

Религия	Ритуал			
	Обряд	Молитва	Проповедь	Исповедь
Племенная	+	–	–	–
Этническая	+	+	–	–
Буддизм	+	+	–	–
Христианство	+	+	+	+
Ислам	+	+	+	–

Проповедь достаточно эффективный способ информирования мирян об отношении духовенства к тем или иным социально-политическим проблемам, а также их мобилизации для проведения массовых действий. Наличие проповеди в составе ритуалистики есть свидетельство политизации религии.

Содержание исповеди составляют не столько социальные, сколько личностно-бытовые мотивы. Важнейшей особенностью исповеди является то, что исповедующийся сообщает священнику не только о своих «деяниях», но и «помыслах» (намерениях). Фактически это дает священнику возможность контролировать мысли верующего, «отвращая его от греховных помыслов». Хотя в христианстве был изначально введен принцип тайны исповеди, но далеко не всегда он соблюдается. В частности, в России Петр I запретил своим указом соблюдение тайны исповеди во всем, что касается безопасности государства. И сейчас это положение остается в силе.

Буддизм не знает ни проповеди, ни исповеди, что сближает его в этом, да и не только в этом, с этническими религиями. Что касается ислама, то отсутствие в нем исповеди вполне естественно, ибо нет самого понятия отпущения (прощения) грехов. Исповедь заменяет шариатский суд, который милосердием не отличается.

Социальная догматика любой религии представляет собой идеологию. Это подметил еще К. Маркс, считавший, что «религия есть идеология, ее самая ранняя исторически первичная форма». На основе сформулированного социального идеала и образа действий по его реализации создается социальная доктрина. При сопоставлении социальных доктрин мировых религий наряду с рядом общечеловеческих ценностей видны и немалые специфические, малосовместимые с первыми. По-разному в каждой из них трактуется и оптимальный образ действий, иначе говоря, путь достижения идеала. Буддизм ориентирует на индивидуальное совершенствование человека, а ислам – общества. Для христианства характерен своего рода дуализм с некоторым перевесом в пользу общества, хотя он оформился далеко не сразу.

Ставка на совершенствование общества неизбежно ведет к политизации, следствием которой является разработка и оформление политической доктрины. Мощным стимулятором в этом отношении стало также превращение христианства и буддизма в государственные религии. Ислам был таковым изначально. В истории каждой из мировых религий были эпохи, когда им удавалось добиться реализации политического идеала в первом приближении, однако в исламе он был освящен авторством пророка, а следовательно, сакрален. В христианстве таким идеалом представлялось папское государство, которое лишь дискредитировало католическую церковь. Что касается буддизма, то там ламаистские государства в Тибете и Монголии возникли вне рамок его основных конфессий хиньяны (тхероведы) и махаяны, т. е. они представляли собой своего рода побочное явление.

«Религиозный ренессанс» реанимировал конфессиональное мессианство в экстремистской форме в исламе и в умеренной – в христианстве. Данное различие в значительной степени обусловлено специфическими особенностями морально-этического кодекса каждой из них.

В то же время следует отметить, что в морально-этических кодексах всех религий есть ряд нравственных норм, которые являются универсальными и основополагающими (например, заповедь «Не убей»).

Вопросы для самоконтроля

1. Какова роль мировых религий в консолидации государственных образований и противостоянии этническому сепаратизму?
2. Чем отличается ритуальная структура основных религиозных систем?
3. В чем проявляется роль «принципа свободы совести», закрепленного в международном праве?
4. Что общего между религией и политической идеологией?

1.5. Социально-классовые субъекты политики

Термин «социально-классовые» призван подчеркнуть тот факт, что не только классы, но и другие социальные общности играют немалую политическую роль. Например, студенчество, пенсионеры.

Идея политической роли классов и классовой борьбы развита в теории марксизма. Согласно ей, вся история государственно-организованного общества есть борьба класса эксплуататоров и класса эксплуатируемых (рабы – рабовладельцы, крестьяне – помещики, пролетариат – буржуазия). Марксистская теория стала достаточно быстро демонстрировать свою ограниченность при исследовании азиатских обществ. Это стимулировало появление теории социальной стратификации, которая, по мысли ее авторов, должна была заменить теорию классовой дифференциации («классовой структуры»). Генезис теории социальной стратификации восходит к статистической методике, используемой для оценки распределения национального дохода. Взятые за 100 % все его получатели подразделяются на пять страт по 20 %: высшую, вышесреднюю, среднюю, нижесреднюю и низкую. Вне количественной оценки по существу остались такие явления, как теневая экономика, натуральное хозяйство и ряд других. Но основной недостаток в том, что выделенные страты есть сугубо статистические общности, в реальности не существующие. Оперирование искусственными социальными общностями оказалось удобным для решения финансовых проблем, государственного управления. К подобного рода практике прибегали уже на заре существования государства. Например, афинский государственный деятель Солон для того, чтобы упорядочить состав ополчения, разделил всех граждан Афин по размеру дохода на четыре категории – страты. Обоснование: «Политическая власть должна распределяться пропорционально изымаемым богатствам». Все население делилось на четыре разряда по уровню богатства (мера измерения богатства 1 медимн – 39 литров масла или вина либо 52 литра зерна). К первому разряду относились граждане, имеющие свыше 500 медимнов (только из них могли избираться архонты, стратеги и т. д.). Ко второму – свыше 300 (избирались высшие чиновники, судьи). К третьему – свыше 200 медимнов (избирались члены «Совета 500»). К четвертому – меньше 200 медимнов (имели право участвовать в народных собраниях, выступать в поход легковооруженными воинами и т. д.).

Теория социальной стратификации достаточно прочно вошла в политический лексикон, поскольку снимала положения о классовой борьбе в принципе, т. е. таким образом решала сугубо политическую задачу.

В марксизме сформулировано наиболее научно корректное определение классов. Оно принадлежит В. И. Ленину, который, как известно, писал, что классы – это «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают».

Классовая структура есть продукт определенной стадии социально-экономического развития государственно-организованного общества, и, соответственно, можно выделить два ее основных варианта. Один присущ докапиталистическому (аграрному), а второй – капиталистическому (индустриальному) обществу. Объединенные в общую модель, они имеют следующий вид (табл. 1.4).

Таблица 1.4

Социально-классовые субъекты политики

Власть	Собственность		
	Классы-собственники		Классы – не собственники
<i>А – докапиталистическое общество</i>			
Высшие классы	Купечество	Землевладельческая аристократия	Бюрократия
Средние классы	Ремесленники и торговцы	Крестьянство	Служащие
Низшие классы	–		Пролетариат
<i>В – капиталистическое общество</i>			
Высшие классы	Буржуазия		Бюрократия
Средние классы	Мелкая буржуазия		Интеллигенция
Низшие классы	–		Рабочие Служащие

Проблема бюрократии в отечественной и зарубежной научной литературе остается слабо разработанной. Наряду с классами в качестве социально-политических субъектов выступают и внеклассовые социальные слои. В упорядоченном виде данный конгломерат может быть представлен в виде табл. 1.5.

Таблица 1.5

Внеклассовые социальные слои

Характер	Аффиляция	
	Аффилированные	Неаффилированные
А – domesticкие	Домохозяйки	Пенсионеры, ренты
В – иждивенческие	Безработные	Студенчество
С – паразитарные	Люмпены	Криминалы

Термин «доместические» означает занятость в домашнем хозяйстве, а «аффиляция» – более или менее постоянное участие в народном хозяйстве (подработка).

Если проанализировать политическую активность внеклассовых социальных слоев, то получится достаточно определенная картина. Доместические слои, как правило, принимают участие в электоральной политической борьбе, ограничиваясь в основном участием в голосовании.

Наибольшей политической активностью, причем всегда протестной, отличаются безработные и студенчество. Нигилистическое отношение к существующему социальному порядку создает весьма благоприятную почву для индоктринации в эти слои радикальных политических идеологий. У студенчества она в целом менее глубока, так как оно имеет вполне определенную социальную перспективу. У безработных социальная перспектива неопределенна, что усиливает тенденцию к люмпенизации и даже криминализации, т. е. переходу в состав паразитарных слоев. Сами по себе люмпены и криминалы аполитичны, но охотно включаются в протестные массовые выступления с одинаковой целью превращения их в погромы, чтобы иметь благоприятные возможности для грабежа. В электоральной борьбе они, как правило, не участвуют.

Вместе с тем, когда говорится об аполитичности криминала, следует сделать оговорку в отношении организованных преступных группировок. В докапиталистическом обществе это были разбойничьи банды. Наиболее крупные из них играли политическую роль. Иногда власть использовала их в своих целях. Например, Англия стала «владычицей морей» в немалой степени благодаря пиратам (морские разбойники). Следует заметить в этой связи, что тогда война и грабежи шли рука об руку.

Утверждение капитализма и установление строгого правопорядка сопровождалось уничтожением всех паразитарных слоев (криминалов и люмпенов). В Англии повесили несколько десятков тысяч «неисправимых бродяг». Но криминал полностью ликвидировать не удалось, более того, начался своего рода «криминальный ренессанс» (формирование организованных преступных группировок, специализирующихся на наркобизнесе, торговле людьми и оружием). Концентрируя в своих руках огромные финансовые ресурсы, эти группировки стали претендовать на контроль над государственной властью (итальянская мафия). Теперь, в отличие от прошлого, уже не криминал на службе политики, а политика в ряде случаев оказывается на службе криминала.

Вопросы для самоконтроля

1. Чем отличается теория социальной стратификации от классовой?
2. Назовите социально-классовых субъектов политики докапиталистического общества.
3. Назовите внеклассовые социально-политических субъектов капиталистического общества.
4. Чем объясняется протестная политическая активность неаффилированных социальных слоев?

1.6. Институциональные и персональные субъекты политики

Все групповые социальные общности обладают способностью к самоорганизации. Из трех ранее выделенных социальных общностей исходными были этнические, которые в процессе самоорганизации породили государство (первичный институциональный субъект политики). В настоящее время государство все в большей степени претендует на тотальный контроль над обществом. Симптоматично, что тоталитарная тенденция с наибольшей силой проявляется в развитых странах, несмотря на господство либеральной идеологии. Основой ее являются информационно-технические возможности. В силу неразвитости в развивающихся государствах данная тенденция проявляется гораздо слабее, там продолжают действовать традиционные формы регулирования семейно-бытовых отношений, не связанные с государством (религия, клановость и т. п.).

Публичность государственной власти обеспечивается обособлением государственного аппарата от общества. Вместе с тем само это обособление в сочетании с верховенством власти обеспечивает государственному аппарату достаточно высокую степень автономности от общества и потенциально содержит возможность превращения автономии в независимость. Если это происходит, то корпоративные интересы государственного аппарата (а точнее, чиновничества), а зачастую и личные интересы его руководителей (государственный аппарат – система моноцентрическая) могут становиться приоритетными по отношению к интересам общества, а тем более отдельных социальных общностей. Возникающее противоречие интересов государственная власть стремится разрешить в свою пользу. Сопrotивление этому она подавляет с помощью вооруженного насилия. Если это становится нормой, то налицо уже не обособление, а отчуждение. Государственный аппарат приобретает паразитарные черты (паразитарное государство). Он уже не организует жизнедеятельность общества, а все больше дезорганизует ее, создавая реальную угрозу его существованию. Паразитарность государственного аппарата находит свое выражение в двух основных формах – коррупции (взяточничестве) и казнокрадстве. Ограничение паразитарного строя возможно только через систему общественного контроля. Если структуры гражданского общества не способны в той или иной степени к контролю за государственным аппаратом, то в обществе доминируют интересы паразитарного слоя чиновников.

Приведенная в табл. 1.6 типология элементов подсистемы общественного регулирования, не претендуя на полноту, позволяет составить достаточно адекватное представление об основных стадиях эволюции политического строя.

К категории общественно-политических относятся все те, для которых политическая деятельность хотя и не является основной, но в то же время ей уделяется весьма значимое внимание. Что касается криминально-политических группировок, то под ними имеются в виду те организованные криминальные группировки, которые интенсивно задействованы в политике, стремятся установить свой контроль над государственной властью, как правило, на региональном и гораздо реже на общегосударственном уровне.

Типология политических институтов

Содержание деятельности	Форма деятельности	
	Публичные (легальные)	Латентные (нелегальные, полулегальные)
А – политические	Партии, движения, клубы, ордена	Кланы, клики, клиентелы
В – общественно-политические	Церковь, профсоюзы, бизнес-ассоциации	Секты, криминально-политические группировки (мафии)

Все элементы подсистемы общественного регулирования являются институциональными политическими субъектами, представляя собой некие организации. Вместе с тем нельзя не отметить, что латентные можно квалифицировать в качестве организаций весьма условно, т. е. это скорее псевдоорганизации (квазиинституциональные политические субъекты). Они неформальны, строятся на межличностных отношениях.

Клиентела – это объединение вокруг лидера-патрона, от воли которого входящие в ее состав лица полностью зависят. Без него они не обладают сколько-нибудь значимым политическим статусом. Квазиинституциональные политические субъекты обычно переплетаются между собой, образуя сложную иерархическую структуру.

В зависимости от соотношения публичных и латентных институциональных субъектов можно выделить четыре основные фазы их эволюции, а следовательно, и четыре типа политического строя.

Первая фаза – рудиментарный политический строй. В нем фактически отсутствует публичная составляющая. Он возникает на стадии перехода от родоплеменного к государственно-организованному обществу. В политике господствует племенной и клановый фаворитизм и непотизм (кумовство, продвижение близких). В настоящее время рудиментарный политический строй присущ большинству стран Африки.

Вторая фаза – примитивный политический строй, для которого характерно доминирование кланов, клик и клиентел. Публичная политическая деятельность не выходила за рамки конъюнктурных движений. Вместе с тем в рамках этого строя в качестве общественно-политических институциональных субъектов появляются церковь и секты.

Третья фаза – развитый политический строй, который формируется на стадии перехода от докапиталистического к капиталистическому обществу. Государственный аппарат окончательно теряет монополию на публичную политическую деятельность. Возникает своего рода баланс между публичными и латентными институциональными субъектами политики, который постепенно начинает изменяться в пользу первых, хотя последние еще сохраняют серьезные позиции.

Четвертая фаза – высокоразвитый политический строй: латентные институциональные политические субъекты теряют свою традиционную значимость

перед лицом мощной и разнообразной системы публичных политических и общественно-политических институциональных субъектов.

Если теперь, в свете вышесказанного, посмотреть на процесс эволюции политического строя в целом, то нетрудно заметить, что доминирующей тенденцией было усиление и диверсификация публичности за счет потери значимости латентных субъектов.

Исходной точкой эволюции государственного строя была унитарная абсолютная монархия, где по существу отсутствовало какое-либо разделение властей. Функциональное разделение властей произошло с появлением республик, причем уже в Античности оно обрело достаточно четкие формы. Там она получила и теоретическое обоснование, в частности в работах Аристотеля. В новое время эта теоретическая концепция была дополнена идеей равновесия властей и детальной разработкой вариантов федерализма.

Государственный строй, как правило, имеет правовое оформление, которое отнюдь не всегда соответствует реальности. В частности, в правовом плане Великобритания – конституционная монархия, а фактически – парламентская республика. СССР считался федеративным государством, а на практике был унитарным, и т. д. Подобного рода противоречие между политико-правовой формой и реальным политическим содержанием разрешается понятием «политический режим».

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите основные этапы эволюции институциональных субъектов политики.
2. Чем отличаются публичные субъекты политической деятельности от латентных?
3. Почему клиентела является квазиинституциональным политическим субъектом?
4. Сформулируйте основные условия, при которых государство как институциональный субъект способно согласовывать интересы различных социальных групп в целях обеспечения социально-политической стабильности.
5. При каких условиях латентные политические субъекты являются доминирующими?

РАЗДЕЛ 2. МЕТОДИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

2.1. Значение и формы нормативного политического анализа

К числу основных политологических методов относят *нормативный анализ* – процесс познания конкретных политических реалий на основе теоретического знания. Его альтернативой является эмпирический политический анализ, базирующийся на опыте и здравом смысле.

В чем значение нормативного политического анализа? Нормативный политический анализ – это, в сущности, применение политологии и теории международных отношений для проведения прикладного исследования, объектом которого являются существующие реалии политической жизни государственно-организованного общества или мирового сообщества. Причем данное исследование принципиально ориентировано на получение практически полезных результатов. Последнее положение не следует понимать излишне упрощенно, хотя бы в силу того, что практическая полезность может быть не только непосредственной, но и косвенной, причем первая далеко не всегда больше второй.

До второй половины XX в. эволюция научного знания проходила под знаком господства дифференцирующей тенденции, которая находила свое конкретное выражение в выделении все большего числа предметных областей и субобластей и вела к быстрому росту числа научных дисциплин и субдисциплин (от 3 до 5 тыс. в настоящее время). Каждая из них имеет свою парадигму исследования. Методологическое влияние общенаучных теорий на исследования в предметных областях может быть значительным.

Значение теоретического знания определяется уровнем его строгости. Наиболее строгими принято считать естественные науки. Общественные же науки квалифицируются как «неточные», т. е. нестрогие (об этом писал еще Огюст Конт). Строгость гуманитарным знаниям пытались предать с помощью математической науки. Однако попытки математизации гуманитарного знания исчерпали себя еще в конце 1980-х гг. Они дали научно значимые результаты только в исследовании электоральных проблем.

Становление теории международных отношений начинается со второй половины XX в., и в настоящее время этот процесс не завершен. Родиной же политической истории была Древняя Греция. Там оформились два принципиально различных подхода к изучению истории: описательный (нарративный) и аналитический.

Геродот, называемый нередко отцом истории, считается родоначальником «нарративной» ориентации. Данный исследовательский подход основан на констатации исторических фактов и событий. В его подходе к историческому материалу доминировал поиск ответа на вопрос «Что?».

Принципиально других установок придерживался Фукидид, которому приписывается приоритет в разработке аналитической ориентации. Мыслителя прежде всего волновал вопрос, почему те или иные события вообще имели место. Его основополагающей работой была «История Пелопоннесской войны». В своем освещении Фукидид стремился предложить свое объяснение ее происхождения, побудительным мотивам и стратегии лиц, принимающих решения в каждом из противоборствующих лагерей.

В связи с формированием аналитической ориентации нельзя не упомянуть и имя Аристотеля, который в ряде своих сочинений, и в частности в «Политике», анализирует проблемы конфликтогенности, причем не только внутри государства, но и на межгосударственном уровне.

Гибель античной цивилизации привела к утрате аналитической ориентации. Ее возрождение в исторических исследованиях началось лишь с Нового времени. Именно аналитический подход к осмыслению исторического материала стал особенно ценным для формирования теории международных отношений, ибо содержал ряд теоретических положений, касающихся международных отношений, в особенности проблематики войны и мира. В первую очередь внимание концентрировалось на выявлении причин вооруженных конфликтов, их онтологической природы. Этот фокус анализа международной политики породил представление об исключительной конфронтационности международных отношений. Весьма популярным было выражение: «Мир – это перерыв между войнами». Подобный взгляд на политическую историю как на историю военного противостояния не лишен оснований и сегодня. С момента возникновения государств в мире велось, по подсчетам отечественных военных исследователей, более 5 тыс. войн. Вся история человечества – это история бесконечных войн. Россия за тысячу с небольшим лет провела 550 войн. Только после Второй мировой войны до начала XXI в. в мире отгремело около 300 войн. Их среднегодовая численность возросла на 30 % и составляла примерно 30 войн ежегодно (Власть. 2002. № 8. С. 14). Устранение идеологических разногласий после окончания холодной войны не сделало мир более миролюбивым. Военные расходы в мире с 1992 по 2016 г. выросли на 45 % – с 1 136 до 1 699 млрд дол. (Миронюк М., Толокнев К., Мальцев А. Военная мощь в мировой политике // Международные процессы. 2018. Т. 16, № 2 (53). С. 26–48).

Две различные ориентации, наметившиеся в древнегреческой политической истории, сохраняются и сейчас.

Второй компонент генезиса теории международных отношений начал оформляться с приходом эпохи Возрождения. Если Фукидид занимался анализом имевших место событий, то в эпоху Возрождения ориентировались на построение идеального через сравнение его с реальным. Тут на смену истории приходит международное право, основоположником теоретической рефлексии которого был Гуго Гроций, написавший фундаментальный труд «О праве войны и мира».

Третья составляющая генезиса теории международных отношений возникла на основе исследований военных теоретиков, в частности книги «О войне» К. Клаузевица, в которой он сформулировал тезис о том, что «война есть продолжение политики другими средствами». Иначе говоря, война исполняет по отношению к политике инструментальную, вспомогательную функцию. Цели ее при этом все равно лежат в плоскости политики. В работе Клаузевица содержится и интересное предвидение о том, что в будущем война может принять «абсолютный облик», оторваться от политики и приобрести самодовлеющее значение. Вероятно, Клаузевиц интуитивно угадывал роль технологического фактора в мировых делах XX в.

Первый развернутый вариант теории международных отношений был сформулирован в США в начале XX в. В этот период в американских академических кругах оформилась *школа политического идеализма*, восходящая к юридической школе в целом, поскольку в ней трактовалась проблема того, какими должны быть международные отношения. Одним из ведущих представителей данного направления был тогдашний президент США Вудро Вильсон. В январе 1918 г. он обратился к конгрессу США с посланием, в котором излагал свой взгляд на новый мировой порядок. Это обращение благодаря его композиционной структуре получило наименование «Четырнадцать пунктов В. Вильсона». Новая архитектура мировой политики должна была строиться на юридических и морально-этических принципах. Однако в тот период в международных отношениях по-прежнему действовало «право сильного», и идеалистическим представлениям американского президента в них было мало места. Вместе с тем в концептуальном плане идеи Вильсона были серьезной заявкой на создание теории. На базе идеализма была создана теория международных режимов, предусматривающая, что новый международный порядок формируется все в большей степени в результате сознательного введения четких норм и правил поведения в сфере международных отношений (не как производная от применения военной и экономической силы). Появилось даже понятие «цивилизованные страны», т. е. те, которые соблюдают эти нормы и правила. Однако пример США весьма наглядно показывает, что при необходимости они легко нарушаются.

Параллельно с этим оформлялись геополитический и марксистский подходы. Они не отрицали желательности соблюдения некоего морального кодекса в поведении государств, но при этом подчеркивали роль материальных факторов (силовых или экономических) мировой политики.

Среди идеологов марксизма следует отметить В. И. Ленина и его работу «Империализм как высшая стадия капитализма». В указанной публикации делался вывод о неизбежности новой мировой войны, начало которой предопределялось внутренней логикой эволюции капитала. Последняя по необходимости должна была привести к тому, что мировые олигархические монополии схлестнутся в глобальном конфликте. Опираясь на данный вывод, В. И. Ленин предлагал социалистам всех стран использовать войну для продвижения дела пролетарской революции.

Если концепция международных отношений марксизма-ленинизма была по преимуществу связана с экономической составляющей, то геополитика основывалась на особенностях физической карты мира. В геополитике ставился и решался вопрос о мировом господстве через политическое присвоение мирового пространства, что в конечном итоге обеспечивало и контроль за планетарными ресурсами.

В рамках геополитического подхода государства делились на морские и континентальные. Американский адмирал и ученый А. Мэхен полагал, что морские государства будут способны контролировать мировое политическое пространство только в том случае, если установят контроль над морскими коммуникациями. Английский исследователь Х. Маккиндер концепцию мирового господства связал с европейской частью света. По мнению Маккиндера, суще-

ствуется географический центр мира – heartland, который примерно совпадает с историческими границами России начала XX в. до Байкала. Ключ к этой естественной крепости мира лежит в руках тех, кто контролирует Восточную Европу. Позднее американский исследователь Н. Спикмен в качестве такой ключевой зоны предложил считать rimland, периферийную зону Евразии. Господство над центром дает власть над окраинами вплоть до обретения контроля над всем миром. Концепции Мэхена, Маккиндера, Спикмена оказались достаточно живучими. В 30-е гг. XX в. немецкая школа геополитики, возглавляемая К. Хаусхоффера, стала трактовать межгосударственные отношения как борьбу за жизненное пространство – Lebensraum, рассматривая ее как основную причину войн. Справедливости ради следует отметить, что эти положения нашли отражение в «органической» школе геополитики, классиками которой считаются Ф. Ратцель и Р. Челлен.

Нетрудно заметить, что если сторонники политического идеализма делали упор на проблематику установления мира, то последователи марксизма-ленинизма и геополитики – на неизбежность и вечность войны.

Современным вариантом геополитических взглядов можно считать науку полемологию, активно развиваемую во Франции. В ее русле трактуются вопросы о причинах войн, каковые можно объединить в три блока:

– *демографический*, предполагающий, что войны начинаются между соседними государствами, в одном из которых наблюдается демографический взрыв и следующая за ним демографическая экспансия;

– *природно-климатический*, выводящий войны из стремления государств занять наиболее благоприятные территории с точки зрения рельефных и погодных условий (Россия в этом смысле малопривлекательна для вооруженных захватов, так как от 60 до 70 % территории ее непригодны для обитания);

– *ресурсный*, связывающий войны с конкуренцией за обладание ресурсами, причем недопустима редукция к одним энергоносителям. Рассматриваются, к примеру, и запасы пресной воды.

Названные причины действительно оказывают немалое влияние на состояние международных отношений, в том числе и в настоящее время, но далеко не всегда ведут к войнам.

После Второй мировой войны наиболее успешно эту тему разрабатывала *школа политического реализма* (Ганс Моргентау, Генри Киссинджер). По мнению Г. Моргентау, международные отношения представляют поле ожесточенной борьбы государств за власть. В борьбе за власть между государствами ведущая роль принадлежит силе (военная мощь, экономическая мощь, культурная привлекательность). Эти основы канонической парадигмы школы политического реализма в дальнейшем только совершенствовались.

Реализм довольно скоро уступил место *неореализму*, который, в отличие от школы политического реализма, излагает более детальную характеристику борьбы за власть с меньшим упором на военную силу. Кроме того, неореализм не ограничивает список субъектов международных отношений государствами, имея в виду возросшую активность на мировой арене различных политических и общественно-политических организаций и движений (церкви, профсоюзов и др.).

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. происходит интервенция естественных наук в обществоведение, т. е. интенсивное внедрение их достижений в гуманитарное знание. Олицетворением их синтеза становится американская школа «модернистов», отражавшая общенаучную тенденцию операционализации теоретического знания. Их ключевой тезис заключался в том, что любая научная дисциплина теоретического плана должна быть прикладной. Она должна быть доведена до такого уровня, когда ее можно использовать для анализа и прогноза реально происходящих процессов.

Основной упор «модернисты» делали на проблемы *квантификации* (выражение качественных свойств объекта в количественной форме). Увлечение количественными методами в международных отношениях началось с появления в 1940-х гг. теории игр. Ее возникновение было вызвано попытками математического моделирования игры как процесса, в который вовлечены один или несколько участников. Предтечей модернистов можно считать английского ученого Л. Ричардсона, работавшего в межвоенный период. Он исследовал феномен гонки вооружений в преддверии Второй мировой войны и вывел ее формулу. В процессе наращивания арсеналов наступает такой момент, когда государство вынуждено начать войну. В противном случае его постигнет тяжелый экономический кризис. Этот момент количественно выражается в доле ВВП, расходуемой на оборону (10 %), и в части населения, занятой в вооруженных силах и иных военизированных формированиях (1 %). В США в настоящее время расходы на оборону составляют 3,5 % ВВП. В период холодной войны эта цифра достигала 7 %, в то время как в СССР, по мнению ряда экспертов, аналогичный показатель доходил до 20–22 %. Другими словами, речь шла об экономическом перенапряжении, которое не могло продолжаться долго, так как рассчитанный Ричардсоном порог был кратно преодолен. Очевидно, что чем дольше такая ситуация сохраняется, тем глубже последствия и неизбежнее коллапс экономики.

Все, что не может быть измерено, с точки зрения «модернистов» не является научным. Руководствуясь этой идеей, «модернисты» отсекали ту информацию или те гипотезы, которые принципиально не поддавались исчислению.

Впрочем, достаточно быстро «модернисты» столкнулись с серьезными вызовами, поскольку от них потребовали дать прогностические оценки существующих конфликтов и определить потенциальные, но успехов тут было меньше, чем неудач. Стало ясно, что эта школа, изначально ориентировавшаяся на практический выход для принятия оптимальных внешнеполитических решений, оказалась существенно ограниченной в своих возможностях в силу специфики теории международных отношений. Тем не менее полезность «модернизма» заключается в том, что им был разработан и успешно апробирован целый ряд информационно-аналитических методик, использование которых повысило операциональный потенциал теории международных отношений.

Поскольку так называемые количественные методики продолжают навязываться в гуманитарных исследованиях, остановимся на этой теме более подробно.

Сторонники количественных методов в изучении международных отношений обычно приводят в обосновании их объективности три аргумента: во-первых, любая наука требует стандартизации и точности; во-вторых, только математические данные подлежат верификации; в-третьих, математические методы заставляют исследователей подкреплять выводы «объективными» (количественными) доказательствами. Однако в гуманитарном знании преобладание количественных методов создает опасную иллюзию «кваситочности». Большинство исторических примеров находится в вопиющем противоречии с «индексными» моделями международных отношений, где на первом месте стоят материальные ресурсы, территория и население страны. По этой логике материальные ресурсы, измеряемые количественными методами, являются более важными, чем ресурсы нематериальные: дух и менталитет народа, стратегическая культура страны, качество и мировоззрение политических элит. Эти факторы невозможно рассчитать никакими количественными методами, хотя именно они обеспечивали победы одних государств над другими.

Упор на количественные методы в международных исследованиях создает опасную картину механистического превосходства потенциалов. Корректное использование количественных методик возможно только при определенных условиях.

Первое условие: существующие нормы межгосударственного взаимодействия останутся неизменными на длительную временную перспективу. В противном случае прогностическая модель обнуляется любыми политическими катаклизмами.

В качестве классического примера можно привести расчеты известного французского экономиста Эдмона Тери (1854–1925). Экстраполируя демографические тенденции конца XIX в. на ближайшее будущее, он утверждал, что население Российской империи к 1948 г. составит 343,9 млн человек. Э. Тери учел все статистические данные, корреляции и зависимости, но не мог учесть выстрела в Сараево 28 июня 1914 г. и последовавшую после этого по сути 30-летнюю войну, которая перечеркнула его тщательно выверенные выводы. Таким образом, если нет уверенности в том, что в длительной временной перспективе в мире не произойдет крупных катастроф, тогда все эти выверенные цифры превращаются в мистику. Проще говоря, никто не будет рассчитывать смету на ремонт квартиры, если мы в недалеком будущем готовимся из нее съезжать.

Второе условие: использование количественных методик в международных отношениях требует заключения конвенции об общих моральных критериях и допустимых механизмах их реализации, договоренности об общих ценностных критериях.

В настоящее время в международных исследованиях невероятно популярны всевозможные индексы и показатели государств. Однако в основе любых рейтингов лежат моральные подходы. Можно бесконечно ранжировать страны по уровню валового внутреннего продукта на душу населения. Но если мы анализируем общество, в котором потребление не считается ценностью, то подобные расчеты вряд ли имеют какое-либо значение.

По-разному будет трактоваться и понятие «доброта людей» в христианстве и буддизме, в философии Платона и Маркса и т. д. Поэтому показатели различных «индексов» рушатся, если отсутствуют согласованные определения его базовых показателей.

Методологически столь же проблемными представляются расчеты индексов о степени уязвимости стран вследствие глобальных проблем вроде терроризма, нераспространения оружия массового поражения и экологии. *Во-первых*, если актер международных отношений полагает, что распространение ядерного оружия стабилизирует систему международных отношений или выгодно его стране, то сама постановка вопроса об «индексах ядерной безопасности» покажется ему некорректной. *Во-вторых*, цифры, приводимые в количественных измерениях, могут не соответствовать реальности или быть информационным вбросом. *В-третьих*, если какое-то государство стремится к ревизии существующей системы международных отношений, то вряд ли оно станет опираться на приводимые общие индексы, и данные индексы невозможно применять и к анализу политики таких государств.

Как правило, в основу различных индексов положены представления о западных странах как идеальной модели человеческого социума и включают в себя признание категорий толерантности и свободы миграции как высших ценностей; потребления как высшей ценности человеческой жизни; открытой рыночной экономики, основанной на минимальном участии государства в экономической жизни и системе иностранных инвестиций; признание превосходства современной западной культуры над национальной. Для государства, построенного на основе не либеральной идеологии, такой набор параметров вряд ли будет объективным.

Столь же интересен Индекс политической нестабильности (ИПН), рассчитываемый Economist Intelligence Unit по 12 критериям: уровень неравенства, история страны (традиции, институциональный опыт), уровень коррупции, этническая фрагментация, уровень доверия институтам (в первую очередь парламенту), статус меньшинств, история политической нестабильности, склонность рабочей силы к акциям протеста, уровень предоставления социальных услуг, внешнее окружение страны, тип режима, фракционность политического режима/элиты. Но любое определение политической стабильности – результат субъективного выбора исследователя. Консерваторы отдадут предпочтение сохранению статус-кво с минимальными изменениями, правые либералы – перманентным реформам, левые либералы заявят, что стабильность невозможна без выполнения государствами некоторого набора социальных требований. И авторитарные, и демократические режимы в истории демонстрировали одинаковую степень стабильности.

Разные социумы могут достигать одной и той же цели разными путями. Количественные методики принимают на веру постулат, что все общества стремятся к высокому уровню потребления. Между тем даже достигать уровня потребления можно по-разному. Можно богатеть, играя по установленным правилам. Можно отбирать блага у других, понижать уровень жизни других стран.

Главный парадокс математического моделирования международных отношений заключается в субъективном восприятии следующей морально-ценностной аксиомы: существующий мировой порядок (с характерной для него системой леволиберальных ценностей и соотношения силовых потенциалов) останется незыблемым на длительный исторический период. Именно поэтому в Соединенных Штатах сложился культ математических методов в международных отношениях. Американцы пытаются математически рассчитывать будущее в уверенности, что им удастся сохранить сложившийся статус-кво.

Особенно часто количественные методики применяются при расчете сил в вооруженных конфликтах. При обосновании подобных методик их сторонники ссылаются на шахматную аналогию. Она основана на сравнении действий игроков (т. е. лидеров государств) с игрой в шахматы, которая использует математический аппарат. Однако есть три отличия шахмат от реальных вооруженных сил: игровые фигуры не требуют вооружения, продовольствия и обмундирования, покорны игроку до самоубийственного исполнения его приказов и имеют установленную заранее ценность (например, конь всегда сильнее пешки, две пешки всегда сильнее одной), в то время как на реальной войне один батальон может оказаться иногда сильнее дивизии, а иногда – слабее роты. Количественные методики сложно применять как при оценке результатов военных конфликтов, так и непосредственно при оценке силовых ресурсов.

Формально Первая мировая война завершилась поражением центральных держав (Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Османской империи). Однако и победа держав Антанты была более чем условной. Ослабленной оказалась Британская империя, фактически лишившаяся своей морской гегемонии и финансового преобладания. По итогам конфликта ее доминионы вступили в Лигу Наций как самостоятельные государства. Пирровой оказалась и победа Франции, создав предпосылки ее скорого выбывания из числа великих держав. США были настолько разочарованы итогами войны, что не ратифицировали ни Версальский мирный договор, ни Статут Лиги Наций. Антанта получила глобальную внесистемную силу в лице Советской России и враждебную Германию, сохранившую военно-промышленный потенциал. Трудно сказать, какой математической методикой можно определить столь неоднозначные и спорные результаты для всех игроков: игра, где поражение практически неотделимо от победы.

Современные историки оценивают численность монгольской армии в 120–160 тыс. человек. Тем не менее за период 1211–1227 гг. армии Чингисхана нанесли поражение Китайской империи Цзинь (173-тысячная армия, 300–400 тыс. мобилизационного резерва) и Хорезму (450-тысячная армия). Оба эти государства были ликвидированы как политические субъекты. В битве на реке Калке 1223 г. передовой монгольский отряд численностью 20 тыс. человек нанес поражение русско-половецким силам численностью 25–50 тыс. человек.

Похожую картину дают Опиумные войны Китая с Великобританией и Францией 1840–1860 гг. В ходе Первой опиумной войны (1840–1842) Лондон направил в Южно-Китайское море эскадру под командованием адмирала Дж. Эллиота в составе 40 кораблей и 4 тыс. солдат экспедиционного корпуса. Китай мог противопоставить им 880-тысячную армию. Тем не менее британ-

ские силы быстро принудили Цинскую династию заключить в 1842 г. неравноправный Нанкинский мирный договор.

Другим примером стали арабо-израильские войны. Территория Израиля составляет 22 770 км, население в 1967 г. примерно 2 млн 653 тыс. человек. Ресурсы арабской коалиции были несравнимо большими, чем у Израиля. Территория Египта, например, составляет 1 млн 1 тыс. 450 км, территория Сирии – 185 180 км. Население Египта в 1967 г. составляло примерно 32,4 млн человек, население Сирии – около 5 млн 576 тыс. человек. Между тем, помимо Египта и Сирии, участниками коалиции выступали Иордания, Ирак, Саудовская Аравия. Личный состав военнослужащих Египта, Иордании и Сирии насчитывал 435 тыс. человек (с учетом Ирака – до 547 тыс.), у Израиля – 250 тыс. человек. Соотношение по танкам у арабской коалиции и Израиля было 1950 (с Ираком – 2,5 тыс.) против 1 120 у Израиля; соотношение по самолетам – 415 у арабской коалиции (957 с иракскими) против 300 израильских. Тем не менее Израиль за шесть дней (5–11 июня 1967 г.) практически полностью уничтожил силы арабской коалиции и занял территорию, в три раза превосходящую его собственную. Сирия потеряла Голанские высоты, Египет – Синайский полуостров и Сектор Газа, а Иордания – Западный берег реки Иордан.

Все эти примеры находятся в вопиющем противоречии с индексowymi моделями международных отношений, где на первое место ставится территория и население страны, материальные ресурсы.

В современных международных исследованиях утвердилась практика измерять военную мощь государства в объеме его военного бюджета с учетом паритета покупательной способности. Порочность этой методики еще в XIX в. доказал выдающийся немецкий стратег Хельмут фон Мольтке – старший (1800–1891) – автор концепции молниеносной войны (блицкрига). Крупный военный бюджет противника купируется, по наблюдениям военачальника, тремя механизмами компенсации:

- нанесение более слабым противником превентивного удара;
- реализация более слабым противником стратегии блицкрига (молниеносной войны) – быстрого уничтожения вооруженных сил противника и оккупации его жизненных центров;
- использование стратегии реализуемого превосходства (*Realisierbare überlegenheit*) – нанесение быстрого поражения более сильному противнику в уязвимой для него точке с последующим принуждением к выгодному миру.

Для достижения победы, с точки зрения Мольтке, важно не просто превосходить противника вообще, а добиваться преобладания в нужное время и в нужном месте. Более того, нужно суметь воспользоваться своим превосходством, иметь для этого политическую волю и верный расчет политической конъюнктуры. Эти факторы не оцениваются математическими методиками.

Упор на количественные методы в международных исследованиях далеко не так безобиден, как может показаться на первый взгляд. Он приучает не к интеллектуальной строгости (как утверждают их сторонники), а создает опасную картину механистического превосходства потенциалов. Последнее при этом легко блокируется скрытыми материальными или нематериальными фактора-

ми, которые достаточно сложно и даже невозможно учесть количественными методиками. Результат столкновения чаще всего оказывается не в пользу сторонников количественных методик. Аллегорическая Цусима – лучшее предупреждение от излишнего упора на механистический подсчет потенциалов.

Количественные методы важны при изучении определенных специальных отраслей, и прежде всего экономики. В то же время их роль не следует преувеличивать. Главными для международных по-прежнему остаются сравнительно-исторический и нормативный (документальный) методы. Только они при всей ограниченности могут высветить те важные тенденции, которые исчезнут в потоке внешне красивых, но зачастую пустых графиков и цифр.

Все вышеупомянутые школы возникли и развивались в рамках американской науки во время холодной войны. Вместе с тем потребность в научном сопровождении внешней политики сегодня несравненно выше, чем даже в годы холодной войны. Общемировым трендом является неуклонное повышение «наукоемкости» внешней политики. Рональд Рейган, уходя с должности президента Соединенных Штатов, подчеркнул, что при нем в мире было снято 40 диктатур. Решение о проведении целенаправленной политики по ликвидации военных диктатур было принято под влиянием разработок американских ученых, которые показали, что установление диктаторских режимов ведет к поляризации общества и в перспективе – к распространению экстремистских идей лево-радикального и коммунистического толка («распространению коммунизма»). Из этого делался вывод, что традиционный внешнеполитический курс США на поддержку военных диктатур в Латинской Америке изжил себя и не отвечает интересам Соединенных Штатов. Решение это было отнюдь не простым, ибо за военными диктатурами, как правило, стояли крупные американские ТНК.

Сегодня степень наукоемкости внешней политики США можно проиллюстрировать следующей цифрой: в США трудятся 80 % специалистов – политологов мира, из которых почти половина – международники. В стране функционируют сотни специализированных научно-исследовательских центров и институтов, между ними налажена разветвленная информационная сеть. Все это, несомненно, способствует повышению эффективности научного обеспечения внешней политики.

Как уже отмечалось выше, нормативный анализ представляет собой процесс познания конкретных политических реалий на основе теоретического знания. Нормативный политический анализ актуализуется в двух видах прикладных политических исследований: *содержательном, экспертном* (отдельные исследователи выделяют еще и *модельный тип политических исследований*). Рассмотрим данные виды более подробно.

Содержательный вид прикладных политических исследований. Его сильной стороной является принцип историзма, т. е. представление исследуемого объекта не в статике (по состоянию на некий момент времени), а в динамике (в процессе развития): этап – период – эпоха – эра.

Без достаточных знаний об эволюции объекта очень сложно сформировать адекватное представление о нем и перспективах его развития. Политика – это всегда борьба, что делает временные рамки существования ситуации доста-

точно ограниченными, хотя в зависимости от страны они могут варьироваться в большей или меньшей степени (Горбачев – Ельцин – Путин). На смену одной ситуации приходит другая, генетически связанная с предшествующей, причем различие между ними может быть существенным или несущественным. Соответственно, в первом случае налицо начало нового периода, а во втором – продолжение предыдущего. Иначе говоря, период – это ряд взаимосвязанных ситуаций, объединенных некой общей тенденцией развития.

В сферу прикладного исследования входит нынешний этап (существующая ситуация) и текущий период (незавершившийся подпроцесс). Все остальное относится к сфере исторического исследования (эпоха, эра – советская эпоха). Прикладное содержательное исследование обладает непосредственной политической полезностью, а аналитические исторические исследования – лишь косвенной. Содержательное политическое исследование как в прикладном, так и в историческом варианте имеет две основные формы – статью и монографию. Их подготовка и публикация требуют достаточно длительного периода. Для статьи это обычно месяцы, а для монографии – годы. Подобный временной промежуток между моментом заказа или возникновения замысла и выходом конечного продукта является серьезным недостатком. Особенно наглядно это проявляется в условиях политической нестабильности. За время написания монографии в таких условиях может несколько раз поменяться тенденция развития, а иногда может даже стать достоянием прошлого сам исследуемый объект (КПСС). Быстрое развитие событий переводит прикладное содержательное исследование в разряд исторических. Данный недостаток в известной степени нейтрализуется посредством экспертного политического исследования (политической экспертизы).

Экспертный вид политических исследований. В самом общем виде под *экспертизой* принято понимать опрос высококвалифицированных специалистов (экспертов) с целью получения от них вторичной информации об исследуемом объекте. Объектом политической экспертизы, как правило, выступает существующая политическая ситуация или один из ее аспектов. В подавляющем большинстве случаев она является одной из стадий процесса подготовки политического решения. Экспертиза проводится в сжатые сроки и по четко определенной ее организаторами тематике.

Экспертиза имеет свои исторические аналогии. В древности в качестве консультантов при принятии любого сколько-нибудь серьезного политического решения выступали гадалки, астрологи и прочие «эксперты» того времени. Это можно рассматривать как инструментальное использование представителями правящей элиты мнения мистиков для манипулирования настроениями масс или войска. Их услугами и сейчас достаточно широко пользуются политические и государственные деятели, причем не только в развивающихся, но и в развитых странах.

Появление профессиональных политических консультантов, т. е. экспертов в полном смысле слова, связано с появлением института постоянных советников в государственном аппарате, а затем в политических партиях и общественно-политических организациях. Однако лишь с использованием ученых в

качестве советников стало возможным говорить о возникновении экспертизы в точном значении термина, прежде всего благодаря появлению нормативного политического анализа.

Экспертиза в строгом, научном смысле слова стала развиваться во второй половине XX в., но весьма интенсивно, что привело к появлению широкого спектра ее вариантов. Существующая их типология представлена в табл. 2.1, которая требует некоторых пояснений. В ней использованы две группы критериев, обозначенных как «участие» и «регламентация». Первая характеризует количество экспертов и форму их участия в экспертизе, а вторая – степень регламентации их работы. При свободной экспертизе она минимальна, а при программируемой – максимальна. Необходимость регламентации обусловлена тем, что экспертная информация предназначена для разработки конкретного политического решения и должна быть строго целенаправленной. Перед содержательным исследованием такая задача, как правило, не стоит.

Таблица 2.1

Виды политической экспертизы

Участие	Регламентация		
	Свободная	Регулируемая	Программируемая
Индивидуальная	Консультация Интервью	Тематическая разработка	«Экспертная система»
Коллективная (очная)	Круглый стол	«Мозговой штурм», «Комиссия»	Имитационная игра
Групповая (заочная)	Анкетирование (открытые вопросы)	Анкетирование (закрытые вопросы)	«Экспертные оценки»

В табл. 2.1 включены не все существующие варианты экспертизы, а лишь основные. Из них наибольшее распространение получили коллективная свободная и регулируемая экспертиза (если исключить консультацию), поскольку именно они наиболее оперативны и не требуют большого ресурса времени на подготовку и проведение.

На второе место по степени применимости можно поставить варианты групповой экспертизы, однако ее проведение обычно связано с рядом административно-технических трудностей и требует значительно большего времени.

Разница между групповой и коллективной экспертизой заключается в том, что первая не предполагает контактов экспертов, тогда как вторая, напротив, предусматривает их тесную совместную работу, дискуссию.

Свободная и регулируемая коллективная экспертиза используется для проведения *ситуационного анализа*. Перед экспертами, участвующими в нем, могут быть поставлены четыре категории задач:

- *фактологическая* – сообщить имеющуюся у них новую информацию об объекте (ситуации);
- *аналитическая* – выделить основные особенности ситуации;
- *прогностическая* – выявить тенденции эволюции объекта, определить доминирующую;

– *операциональная* – разработать комплекс практических мер по стимулированию позитивных и блокированию негативных тенденций в развитии ситуации.

Чаще всего при организации ситуационных анализов ограничиваются решением второй и третьей задач. Фактологическая задача ставится тогда, когда ситуация характеризуется высокой степенью неопределенности, которая может быть результатом умышленных действий (дезинформация, сокрытие информации и т. п.) или возникать объективно (слаборазвитая, изолированная страна).

Оценка эффективности экспертизы зависит от того, в какой степени были реализованы те задачи, которые были перед ней поставлены. Не исключен и вариант псевдоэкспертизы, которая проводится для подкрепления авторитетом экспертов уже существующего мнения, выгодного ее организаторам. То есть это сугубо пропагандистское мероприятие.

При этом следует отметить следующее обстоятельство: увеличение числа участников экспертизы не повышает, а понижает точность результата, поскольку возрастает вероятность включения в состав экспертов лиц, которые не отвечают требованиям.

В нормативном политическом анализе очевидное предпочтение отдается коллективным формам свободной и регулируемой экспертизы, прежде всего традиционному круглому столу. Это отнюдь не случайно, поскольку их применение позволяет оптимально использовать сильные стороны логико-интуитивного метода.

При подготовке и проведении политической экспертизы особую роль играет строгий отбор экспертов. *Эксперт должен обладать следующими качествами: компетентность, профессиональный опыт, интеллект и характер.*

Компетентность – наличие большого объема специальных знаний в определенной предметной области. В силу комплексной природы политики ему необходимы также достаточно серьезные знания в ряде смежных областей (экономика, право, военное дело). Таким образом, потенциал компетентности эксперта-политолога включает две составляющие: профильную и сопряженную. Профильная составляющая является доминирующей. Однако значение сопряженной также достаточно велико, поскольку от ее состояния непосредственно зависит такое качество эксперта, как эрудированность. Недостаточный уровень эрудиции даже при наличии больших и глубоких профильных знаний резко ограничивает аналитические возможности специалиста, превращая его во многих случаях лишь в источник чисто эмпирической информации.

В рамках профильной составляющей всегда имеет место определенная специализация. В самом общем виде она выражается в подразделении политологов на специалистов в области внутренней (*политологи-страноведы*) и внешней (*политологи-международники*) политики. Если изучаемая страна большая, да еще и развитая, указанная дифференциация оказывается совершенно необходимой. Для великих держав и ее оказывается недостаточно, т. е. происходит специализация по отдельным аспектам внутренней политики, что ведет к разделению политиков-страноведов на специалистов узкого и широкого профиля. Что касается политологов-международников, то для них харак-

терна не только не меньшая, но даже большая дифференциация. Обычно выделяются четыре их основные категории: *проблемники*, *страноведы*, *регионалисты*, *глобалисты*. Кроме того, они могут быть специалистами как широкого, так и узкого профиля.

Из сказанного следует, что степень дифференциации профильной специализации достаточно велика, что ставит перед организаторами коллективных и групповых экспертиз проблему определения относительного сочетания экспертов различных категорий с тем, чтобы обеспечить всестороннее изучение исследуемого объекта.

Профессиональный опыт эксперта есть опыт самостоятельного политического анализа. Именно достаточный профессиональный опыт делает соответствующие знания прикладными в полном смысле этого слова. Профессионализм эксперта в конечном счете выражается в наличии у него оптимального сочетания знаний и навыков. Формирование данного сочетания имеет некоторые особенности, которые не следует упускать из виду.

Во-первых, отработка аналитических навыков всегда сопровождается накоплением знаний, но не наоборот, т. е. никакое накопление знаний само по себе не ведет к выработке данных навыков. Более того, накопление знаний об исследуемом объекте всегда имеет некий рациональный предел, который можно квалифицировать как «порог информационного насыщения», переход которого не повышает, а понижает аналитические возможности. Дело в том, что вполне естественное стремление получить предельно полную информацию постепенно, иногда даже вопреки воле исследователя, концентрирует его внимание на все более мелких деталях ситуации, и это достаточно часто ведет к утрате целостного представления о ней. Очень метко этот феномен выражен русской пословицей: «За деревьями леса не видно».

Во-вторых, пополнение знаний требует значительно меньшей затраты времени и усилий, чем отработка аналитических навыков. Соответственно, их утрата или ослабление могут оказаться невосполнимыми, чего никак нельзя сказать о знаниях.

Накопление профессионального опыта происходит как в ходе практической политической, так и научно-исследовательской деятельности. И хотя границы между ними по мере быстрого повышения наукоемкости практической деятельности перестают быть четкими, тем не менее между ними остаются существенные различия. Каждая из них по-своему обогащает профессиональный опыт эксперта и, соответственно, необходима. Вопрос об их пропорции решается сугубо индивидуально с учетом состояния интеллекта эксперта.

Интеллектуальный уровень эксперта. Если он недостаточно высок, то это лишь более или менее квалифицированный специалист. Вместе с тем это не исключает, а предполагает наличие качественной разнородности интеллекта. В силу того что эксперты используют логико-интуитивный метод исследования, существенные различия их интеллекта предопределяются соотношением логических способностей и интуиции. С достаточным основанием можно полагать, что природой заложено некое сбалансированное их соотношение, которое и является нормальным. Сбалансированность не следует, конечно, понимать упро-

щенно, как нечто абсолютно строгое. Известно, например, что мужчины обладают большими логическими способностями, чем женщины, а женщины – более развитой интуицией. Иначе говоря, природная норма варьирует. Выход за пределы нормы приводит к появлению людей с выдающимися логическими способностями или высокоразвитой интуицией. Исходя из этого, можно подразделить экспертов на ординарных и неординарных, и последних – на экспертов-рационалистов и экспертов-интуитивистов. Как и любое отклонение от природной нормы, неординарные эксперты представляют собой достаточно редкое явление.

Ординарный эксперт обладает хорошими аналитическими и средними (реже – хорошими) прогностическими возможностями. Эксперт-рационалист – отличными аналитическими и хорошими прогностическими возможностями, а эксперт-интуитивист – средними (реже – хорошими) аналитическими и отличными прогностическими возможностями. Таким образом, ординарные эксперты в принципе могут обеспечить надежные аналитико-прогностические результаты, а неординарные – выдающиеся. Оценивая роль экспертов-рационалистов и экспертов-интуитивистов в получении выдающихся результатов, нельзя не признать определенное превосходство первых. Дело в том, что любое серьезное политическое суждение нуждается в строгом обосновании, а самая высокоразвитая интуиция этого дать не может. Она в силу своей природы исключает ответ на вопрос «Почему?».

Специфические особенности интеллекта тесно связаны с чертами характера эксперта. Логическое обоснование своей точки зрения дается эксперту-интуитивисту, как правило, с большим трудом и далеко не всегда является убедительным. Именно по этой причине он предпочитает излагать свое мнение в устной, а не в письменной форме. Он также избегает участия в составлении тематических разработок. Он коллективист и поэтому охотно участвует в дискуссии. Дискуссия стимулирует его творческую активность, и в ее ходе у него могут рождаться наиболее удачные прогностические соображения. В отличие от него, эксперт-рационалист в большинстве случаев является ярко выраженным индивидуалистом. Необходимость участия в дискуссии зачастую порождает у него ощущение дискомфорта. Он предпочитает письменное изложение своих взглядов, и ему предпочтительнее поручать составление тематических разработок.

Что касается ординарных экспертов, то у них не наблюдается столь очевидной связи между состоянием интеллекта и отмеченными чертами характера, которые нельзя квалифицировать ни как негативные, ни как позитивные, а следует лишь учитывать при организации экспертизы, чтобы не побуждать эксперта делать то, что создает у него ощущение дискомфорта. Дискомфорт негативно влияет на эффективность работы эксперта.

При всем разнообразии характеров экспертов-политологов можно выделить ряд психологических особенностей. К наиболее четко выраженным можно отнести нонконформизм и толерантность.

Нонконформизм находит свое конкретное выражение прежде всего в скептическом отношении к официальным оценкам и мнениям, особенно если они подкрепляются широкоформатными кампаниями в средствах массовой

коммуникации. По мере развития пропагандистских технологий, и в первую очередь в электронных СМИ, противостоять их психологическому давлению становится все сложнее, так как зрительные образы воздействуют на подсознание, а следовательно, формирование отношения к объекту оказывается латентным, неподконтрольным сознанию процессом. Вместе с тем открытое выступление эксперта против подобного рода общего мнения, особенно если оно опирается на определенные идеологические императивы и политические мифологии, ничего не даст. Оптимальной тактикой для него является дозированная конструктивная критика, а это требует достаточно высокого уровня толерантности. Эффективность указанной дозированной критики во многом определяется формой ее подачи, что зачастую делает необходимым использование разного рода дипломатических приемов.

Толерантность вводит неконформизм в рациональные рамки и значительно понижает уровень эмоциональности при восприятии критики. В этой связи следует отметить, что повышенная эмоциональность представляется тем существенным недостатком, который ставит под вопрос целесообразность использования обладающего ею эксперта, причем не только в коллективных формах экспертизы.

Вопросы для самоконтроля

1. Сформулируйте содержание нормативно-политического анализа.
2. В чем разница между нарративным и аналитическим исследовательским подходом к изучению политической истории?
3. Сформулируйте основные положения школы политического идеализма.
4. Сформулируйте основные различия марксистского и геополитического подходов к анализу международных отношений.
5. Назовите различия между основными теориями международных отношений по вопросам войны и мира.
6. Каковы основные виды прикладного политического исследования?
7. На основе каких критериев должен осуществляться отбор экспертов при проведении экспертного вида прикладных исследований?

2.2. Теоретический подход и роль метода в прикладном анализе

Исследовательский метод включает три составляющие: общетеоретический подход, метод, методики (технология исследования). Рассмотрим их в указанной последовательности.

Теоретический подход представляет собой ту научную основу, исходя из которой исследователь осуществляет осмысление полученной им информации, соответственно, от нее зависит возможность адекватного формирования представления о ситуации. Как говорят ученые-физики, «самым практичным является хорошая теория». С этим трудно не согласиться.

Хронологически первым был историософский подход, вышедший из недр философии, зародившейся в Древней Греции. По существу, это была попытка истолковать историю с позиций философии, постигнуть внутреннюю логику

исторического процесса, открыть его всеобщие универсально действующие законы, а сама философия в целом претендовала на раскрытие сущности мироздания. В последующем выделился даже особый ее раздел – политическая философия, в развитии которой участвовали многие выдающиеся философы Нового времени. Сейчас в англоязычной науке для ее обозначения используется термин «политическая теория» (political theory).

Не вдаваясь в детальный анализ историософской проблематики, необходимо лишь отметить, что в ней достаточно явно выделяются две альтернативные точки зрения, получившие название материалистического и идеалистического представления о развитии человеческой цивилизации. Экстремальным выражением первой стал марксизм (экономический взгляд на мир), который сейчас трансформировался в так называемую критическую теорию.

Последним словом идеалистического представления можно считать концепцию развития цивилизаций английского исследователя А. Тойнби, лейтмотивом которой является эволюция религий (конфессиональная эволюция).

Бурное развитие теоретического знания во второй половине XIX в. и начале XX в. привело к появлению так называемых общенаучных и частнонаучных теорий. Их возникновение и развитие было обусловлено ускоряющейся дифференциацией научного знания, следствием которой стала его дезинтеграция. Ответом на нее явилось развитие интегративной концепции, выразившееся в формировании вышеуказанных теорий.

Если философия рассматривает мир во всех его аспектах, в целостности, то общенаучные теории выделяют в окружающем нас мире некое универсальное и существенное свойство и концентрируют на нем свое внимание. В 1960-х гг. американский ученый Т. Кун назвал выделение такого рода свойства парадигмой. Соответственно, все развитие науки представляет собой не что иное, как непрерывную смену парадигм. Каждая общенаучная парадигма образует определенный теоретический подход, который актуализуется в виде определенной общенаучной теории (теорий). Появление каждой новой парадигмы приводило к появлению одной или нескольких общенаучных теорий. Взятая в целом, парадигмальная эволюция может быть, как уже отмечалось, выражена в виде следующей формулы: вещество – энергия – информация – организация. Генезис парадигмальной эволюции науки относится к концу XVII – первой половине XVIII в., когда ослабло давление теологии.

Вместе с тем все общенаучные теории характеризуются предельной степенью абстрактности. Соответственно, при исследовании конкретного (единичного) они должны сочетаться с частнонаучными теориями (особенное). Как следствие, теоретический подход представляет собой комбинацию общенаучного и частнонаучного. В зависимости от того, какая из этих составляющих является доминирующей, данный подход может быть или субстанциональным (внутренне едиными и неизменными во всех аспектах саморазвития), или изоморфным (т. е. включать объекты, сходные по своей структуре). В первом случае доминирует частнонаучная теория, а во втором – общенаучная. В рамках последнего соответствующая частнонаучная теория может быть вообще отеснена на задний план другой, изучающей иную предметную область.

Метод – это тот образ действий, который используется для получения необходимого результата. Природой человеку дано два основных мыслительных инструмента познания – *интуиция* и *логика*, с их помощью человек осуществляет исследование любых объектов реальности. С изучением данного мыслительного инструментария налицо явная асимметрия. Логика изучена несравненно более полно, чем интуиция. Исследованием законов логики, как известно, занимались еще мыслители Античности и добились в этом отношении немалых успехов. Именно логика лежит в основе развития науки, ибо любая теория есть логическая конструкция.

В отличие от логики интуиция исследована пока еще достаточно слабо. Считается, что она есть результат работы подсознания. Люди с высокоразвитой интуицией иногда поразительно точно предсказывают будущее, однако они не могут, как правило, обосновать свое предсказание.

Вместе с тем нельзя не видеть, что интуиция гораздо менее надежный инструмент по сравнению с логикой, так как тяготеет к случайному выбору. Соответственно, и ошибки в этом случае становятся более частными.

Сочетание логики и интуиции определяет характер научного исследовательского метода. Он включает в себя три важнейших составляющих элемента:

1. *Логико-интуитивный*: является традиционным для общественных наук. Продуктами его применения становятся содержательные исследования (монографии, статьи, доклады и т. п.) В нем наряду с логикой немалую роль играет интуиция. Данный метод используется и при проведении экспертизы.

2. *Моделирование*: под моделью принято понимать *логическую конструкцию, отображающую определенные (как правило, существенные) свойства объекта исследования*. То есть в основе этого метода лежит доминирование логики. Модель представляет собой строгую логическую конструкцию. Путь к построению математизированных моделей, которые принято считать наиболее строгими (об этом свидетельствует опыт естественных наук), лежит через формализацию. Соответственно, любая попытка обойтись без нее заведомо обречена на неудачу.

В зависимости от того, берется ли состояние объекта в некоторый момент времени или на протяжении целого периода, модели подразделяются на модели ситуаций (статические) и модели процессов (динамические). Вместе с тем сам процесс представляет собой ряд последовательно сменяющих друг друга ситуаций, поэтому при построении модели подобного рода всегда приходится решать проблему выбора исходной ситуации, т. е. начала процесса, что не всегда легко. Серьезным преимуществом динамической модели по сравнению со статической является более высокий прогнозный потенциал, который позволяет более четко выявить тенденции развития.

Можно утверждать, что исходной точкой моделирования является вербальная (словесная, устная) концептуальная модель. Хотя некоторые зарубежные исследователи утверждают, что ими строятся так называемые эмпирические модели, т. е. исходным пунктом моделирования якобы выступает конкретная модель, однако при этом игнорируется тот очевидный факт, что в ходе получения образования, и в частности профессионального, данный исследователь получает и усваивает вполне определенную «картину мира» (определенную гло-

бальную концепцию или концептуальную модель), которая содержит не только онтологическую, но и деонтологическую (идеологическую) составляющую.

3. *Исчисление*: абсолютно доминирует логика формальная, т. е. математическая.

Таким образом, теория международных отношений характеризуется дуализмом метода, так как в ней используется как логико-интуитивный метод, пока преобладающий, так и моделирование. Метод исчисления применяется в редких случаях и серьезного значения не имеет. Мощным стимулятором развития метода моделирования является компьютеризация всей научной деятельности. Применение компьютерных технологий возможно только на модельном уровне. Логико-интуитивный метод такой возможности не предоставляет.

Вопросы для самоконтроля

1. Объясните основные составляющие исследовательского метода и его содержание.

2. Что является исходной точкой процесса моделирования в научно-исследовательском методе?

3. Сформулируйте роль компьютерных технологий в моделировании политических процессов.

4. Определите прогнозные возможности динамической и статистической модели политических процессов.

2.3. Информационно-аналитические методики

В теории международных отношений наибольшее значение приобрели информационно-аналитические методики, т. е. определенные процедуры обработки информации.

В самом общем виде можно выделить два класса используемых методик:

- информационно-аналитические;
- операциональные.

В рамках международно-политических исследований наибольшее распространение получили информационно-аналитические методики. Что касается вторых, то это в основном методики организации и проведения экспертиз. В последнее время идет интенсивная разработка методик моделирования, однако в силу ряда причин успехи в этом отношении достаточно ограничены.

Информационно-аналитическая методика – это процедура отработки информации. Она находит свое выражение, с одной стороны, в изменении ее формы, в частности в трансформации вербального текста в графическую конструкцию (формализация) или числовую (квантификация), а с другой – в «сжатии» (агрегации) текста и выделении его латентных (скрытых) элементов, которые не могут быть выделены при его чтении или прослушивании, даже неоднократно (экстрагративные).

Разработка первых информационно-аналитических методик относится к началу прошлого века, однако наиболее интенсивно она проходила в 1950–1960-х гг. В настоящее время типология используемых информационно-аналитических методик представлена в табл. 2.2.

Виды информационно-аналитических методик

Формы	Функции	
	I Агрегативные	II Экстрагративные
A – логико-лингвистические	Конспект; реферат; аннотация	Контент-анализ
B – логико-графические	Флеш-диаграммы; графы; матрицы	Ивент-анализ
C – математические	Шкалирование	Статистические процедуры

Остановимся подробнее на некоторых экстрагративных методиках, представляющих наибольший интерес.

Контент-анализ. На сегодняшний день известно более 100 вариантов контент-анализа и около 70–75 компьютерных программ, предназначенных для его машинного проведения.

Впервые контент-анализ был апробирован британскими спецслужбами в годы Второй мировой войны. Они испытывали дефицит информации о внутреннем положении в Германии и Италии. Для получения информации англичане стали анализировать материалы немецкой радиопропаганды и на этой основе сделали 108 прогностических выводов, 99 из которых подтвердились. Впоследствии эффективность контент-анализа только увеличивалась, так как стали разрабатываться все более совершенные его варианты. Не вдаваясь в их анализ, что представляет собой особую и достаточно сложную тему, следует заметить, что в общем плане суть контент-анализа может быть выражена поговоркой: «У кого что болит, тот о том и говорит», т. е. чем более значимой является проблема, тем чаще ее упоминают.

Развитие методики контент-анализа позволило решать ряд задач, в частности исследовать стиль мышления правящей политической элиты и отдельных ее представителей. В этой связи хотелось бы привести пример анализа стиля мышления советской правящей элиты в наиболее острый период холодной войны в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Информационную базу исследования составили публикации советской прессы. Было выделено четыре типа элит: политическая, военная, экономическая и научная. Предметом изучения была степень учета разными элитами факторов, в наибольшей степени влияющих на принятие внешнеполитических решений. Для достижения большей репрезентативности картины исследование советской элиты проводили не изолированно, а в сравнительном ключе – в сопоставлении с американской элитой (табл. 2.3).

Даже беглый взгляд на табл. 2.3 позволяет сделать целый ряд нетривиальных выводов. В частности, вывод о том, что среди американских элит наблюдается единодушие в ориентации на внутреннее положение в США как решающего фактора при разработке внешнеполитического курса. Обратная картина наблюдалась среди советских элит, расхождения между ними были достаточно велики. Четко просматривается принципиальное расхождение между

военной и научной элитами, а также между военной и экономической. У этой последней, как и у научной, явно просматривается обеспокоенность внутренней ситуацией.

Таблица 2.3

**Сравнительный анализ стратегических предпочтений
советских и американских элит**

Тип элиты	Фактор		
	Международная обстановка, % СССР – США	Экономика (финансовые расходы), % СССР – США	Внутренняя ситуация, % СССР – США
Политическая	45–20	20–25	35–55
Военная	70–25	10–15	20–60
Экономическая	15–5	40–35	45–60
Научная	30–15	0–20	70–65

Используется контент-анализ и для построения политико-психологического портрета государственных деятелей. Любопытны результаты контент-аналитического исследования, сделанного на материалах интервью Хрущева и Никсона. Исследователей, в частности, интересовала степень их компетентности. В качестве критериев некомпетентности были приняты три категории ответов: «аргумент на публику» (шутки, пословицы и поговорки, афоризмы и т. д.), «комплексный вопрос» (уклонение от ответа на заданный вопрос путем ссылки на якобы особую сложность проблемы, ее многогранность и т. д.), «разговор не по делу» (уход от ответа путем выдвижения некоей другой проблемы). Результаты контент-анализа представлены в табл. 2.4.

Таблица 2.4

**Результаты сравнительного контент-анализа выступлений
Н. С. Хрущева и Р. Никсона, % от общего числа высказываний**

Тип ответа	Персоналии	
	Хрущев	Никсон
I «аргумент на публику»	22,6	12,0
II «комплексный вопрос»	21,3	1,9
III «разговор не по делу»	16,8	9,6
Итого	60,7	23,5

Даже если учесть, что уход от ответа на поставленные вопросы, видимо, далеко не всегда является признаком некомпетентности, тем не менее такое их число, как у Н. С. Хрущева, слишком велико, особенно при сравнении с их величиной у Никсона. Возможно, данный разрыв объясняется чисто личностными особенностями последнего, так как по этим трем критериям различие между Н. С. Хрущевым и Дж. Кеннеди несколько меньше, не 2,5, а лишь в 2 раза. Однако и в этом случае оно достаточно велико.

Вторым наиболее часто используемым типом экстрагративных методик является ивент-анализ (событийный анализ). Если контент-анализ исследует слово, то основой ивент-анализа является деятельность. Точнее, взаимодействие, как правило, двух субъектов международных отношений. Все действия каждого из них отображаются на графике, который с известной долей условности аналогичен градуснику, отображающему степень дружелюбности или враждебности отношений (рис. 2.1).

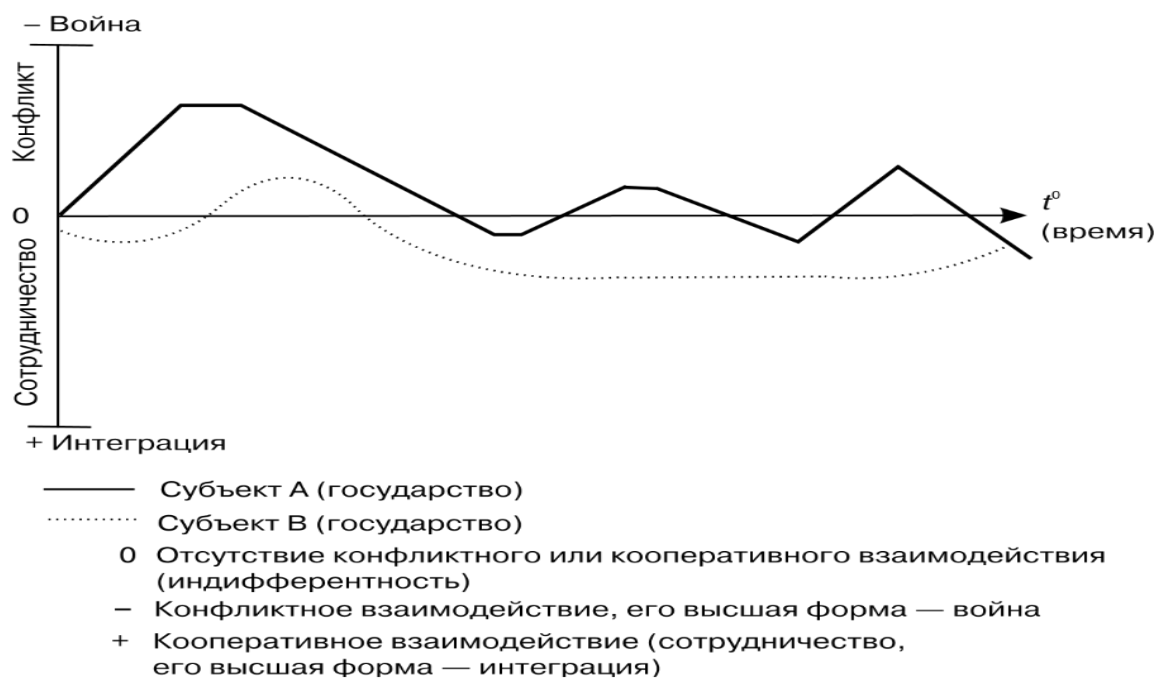

Рис. 2.1. Графическое отображение результатов ивент-анализа

По вертикали отмечаются типы действий, а по горизонтали – временные отрезки (обычно день или неделя). Путем отождествления того или иного действия с определенным типом строятся соответствующие кривые, показывающие, кто является, например, инициатором развития конфликта (эскалации), а кто стремится его урегулировать (деэскалация). Аналогичным образом обстоит дело и с сотрудничеством.

Количественный ивент-анализ предполагает сбор и обработку информации об отдельных ситуациях, иллюстрирующих в совокупной форме общее состояние некоторого явления или процесса. Например, для проведения исследования о деятельности сил коалиции западных стран на территории Афганистана на основе открытых источников была создана база данных. В ней для описания боевых действий авторы зафиксировали несколько типов событий: атаки против сил коалиции; атаки повстанцев против мирного населения; атаки повстанцев против должностных лиц; операции коалиционных и афганских сил. Таким образом, была сформирована матрица размерностью $4\ 854 \times 26$, в которой первое число – количество наблюдений по дням, второе – суммарное число ежедневно фиксируемых характеристик.

Ивент-анализ позволяет получать объективную картину политического взаимодействия и осуществлять слежение за ним. Нельзя, однако, не видеть, что данная методика весьма трудоемка, корректность метода и его выводы во многом определяются подбором сравниваемого и анализируемого материала, и не случайно основное внимание в настоящее время уделяется разработке соответствующих компьютерных программ.

Вышеописанные методики контент- и ивент-анализа зачастую квалифицируются как формализованные, поскольку они имеют строгий алгоритм. В отличие от них агрегативные методики такого рода алгоритма не имеют, базируются на понимании смысла и оставляют исследователю определенную свободу выбора. Именно в силу этого они пока не поддаются компьютеризации, хотя в перспективе в случае создания программ искусственного интеллекта данная задача может быть решена.

В заключение следует заметить, что универсальность информационно-аналитических методик, в отличие от операциональных, является относительной, так как каждый их тип в известном смысле завязан на определенном методе и теоретическом подходе. Если брать логико-интуитивный метод и традиционный исторический подход, то дальше использования агрегативных логико-лингвистических методик дело не идет. Метод исчисления по самой своей природе связан с использованием математических методик. Что касается метода моделирования, то он допускает широкий спектр информационно-аналитических методик, практически без ограничений. Тут основную роль играет специфика теоретического подхода и в ряде случаев субъективное предпочтение исследователя (там, где он обладает «свободой выбора»).

Вопросы для самоконтроля

1. Классифицируйте информационно-аналитические методики по типам.
2. В чем различие между методиками контент-анализа и ивент-анализа?
3. Какое значение при применении информационно-аналитических методик имеет подбор сравниваемого и анализируемого материала?
4. Каков диапазон применения информационно-аналитических методик при методе моделирования?

2.4. Методика проведения экспертного исследования

Экспертиза – это способ получения информации. Если экспертиза включает в себя и изучение информации, то в этом случае она называется экспертным исследованием.

Необходимость изучения экспертной информации имеет место только при коллективных и групповых формах. В отличие от индивидуальной экспертизы, где роль эксперта в известном смысле абсолютна, групповые и особенно коллективные формы нуждаются в тщательной организации. Соответственно, их успех или неудача зависят не только от экспертов, но и в немалой степени от организаторов.

Как таковое, экспертное исследование состоит из трех стадий:

1. *Стадия подготовки экспертизы.* Она включает пять фаз.

Первая фаза – оценка условий. Характер условий влияет на формулирование целей экспертизы. Это делают ее организаторы, исходя из стоящих перед ними задач, но с учетом условий. Поскольку целью экспертизы является получение вторичной информации, а она может быть фактологической, аналитической, прогностической и операциональной. Для получения фактической информации нет необходимости проводить экспертное исследование, ибо достаточно эффективной в этом случае бывает индивидуальная экспертиза (привлечение эксперта узкого профиля).

Вторая фаза – целеполагание. На практике перед экспертным исследованием выдвигаются следующие цели: информационно-аналитическая, аналитико-прогностическая и операциональная. В рамках первой цели преобладающей является аналитическая, второй – прогностическая, а третьей – операциональная информация.

Информационно-аналитическая цель ставится тогда, когда у организаторов экспертизы отсутствует достаточно четкое представление о ситуации в силу ее сложности, а также отсутствия необходимой информации. Ее получение в отсутствие экспертов или вообще невозможно, или требует больших затрат и времени, ресурс которого невелик.

Аналитико-прогностическая цель предполагает выявление основных тенденций развития ситуации и их оценку с точки зрения интересов организаторов (выделение благоприятных и неблагоприятных).

И наконец, операциональная цель ориентирована на определение тех конкретных мероприятий, которые могли бы подавить неблагоприятные и стимулировать благоприятные тенденции. Как правило, для политических руководителей (лиц, принимающих политические решения) особый интерес представляют именно операциональные рекомендации экспертов, так как именно они облегчают выбор оптимального решения.

В связи с проблематикой целеполагания нельзя не затронуть вопрос о *псевдоэкспертизе*. Она проводится отнюдь не для выяснения мнения экспертов, а для обоснования точки зрения организаторов, а иногда уже принятого политического решения. При проведении псевдоэкспертизы главную роль играет подбор экспертов, разделяющих точку зрения организаторов. В их единодушии – залог ее успеха. Цель псевдоэкспертизы сугубо инструментальна и, в сущности, противоречит самой природе экспертизы. Псевдоэкспертиза является чисто пропагандистским мероприятием, что неизбежно сказывается на ее форме. Как правило, она представляет собой свободную коллективную экспертизу (круглый стол), где заранее организованное единодушие легко маскируется дискуссией по деталям, не имеющим серьезного значения. Одним из наиболее верных признаков псевдоэкспертизы является ее открытость, а тем более публичность, так как без этого ее пропагандистский эффект теряется. Реальная политическая экспертиза всегда носит закрытый характер.

Третья фаза – выбор формы.

Четвертая фаза – отбор экспертов. Отбор экспертов проводится с учетом необходимости обеспечения их независимости, объективности и эффективности. Под независимостью имеется в виду способность эксперта противостоять

давлению внешних сил, заинтересованных в определенном исходе экспертизы. Эксперт-ученый в принципе всегда более независим, чем эксперт-практик. Последний, даже если он этого не осознает, в большей или меньшей степени связан своим должностным статусом, а также официальной точкой зрения, в особенности если она недвусмысленно выражена.

Независимость эксперта есть обязательная предпосылка его объективности, но не является ее гарантией. Следует подчеркнуть, что речь может идти лишь о неумышленной необъективности. Она порождается объективно присутствующими эксперту социальными, а также личностными свойствами. К первым относятся национальность (Нагорный Карабах), социальное происхождение и т. п. Не меньшее значение в этом плане могут иметь такие личностные особенности, как приверженность определенной идеологии.

Под приверженностью определенной идеологии имеется в виду не наличие у эксперта тех или иных идеологических предпочтений (таковые есть всегда), а их экстремальное выражение. В этом смысле существенную роль играет характер самой идеологии. Все радикальные идеологии стимулируют формирование у человека идеологического фанатизма.

В отличие от идеологической заданности, *корпоративный стиль мышления* обычно не проявляется столь ярко. Его отличительная особенность – гипертрофированное представление о роли определенного рода деятельности для государства или общества. Зачастую и сам этот род деятельности отождествляется с определенным ведомством или организацией. Как следствие, интересы данного ведомства или организации рассматриваются как жизненно важные для государства или общества. Более того, вся картина мира видится только через их призму. Наиболее опасным является милитаристический стиль мышления, который присущ не только военным, но и определенной части гражданских политологов-международников. В 1960–1970-х гг. в американской политической науке очень влиятельной была группа так называемых профессиональных стратегов, которые, будучи гражданскими, занимались разработкой проблематики ядерной войны, которую они считали в принципе допустимой.

Наряду с независимостью и объективностью отбор экспертов должен обеспечить и эффективность, т. е. достижение той цели, которая была поставлена перед экспертным исследованием. Поскольку эта цель может быть различной, то необходимо выбирать тех экспертов, профессиональные и психологические характеристики которых в наибольшей степени отвечают данной цели. Задача оптимизации отбора экспертов стоит в полном объеме только перед организаторами коллективного экспертного исследования, так как коллективная форма налагает достаточно жесткий лимит на число экспертов (не более 10–12 человек) и требует обеспечения их психологической совместимости (включая учет межличностных отношений).

При групповой экспертизе, где обычно число экспертов исчисляется несколькими десятками, причем их опрос является заочным и анонимным, вышеуказанная задача далеко не столь серьезна. Объясняется данное обстоятельство тем фактом, что при групповой экспертизе в принципе происходит своего рода жертва качеством во имя количества, ибо надежность статистического резуль-

тата напрямую зависит от числа опрошенных. Чем меньше опрошенных, тем сомнительнее большинство.

Стремление к повышению статистической надежности за счет увеличения числа опрашиваемых, восходящее к практике массовых социологических опросов, неприемлемо для политической экспертизы. Во-первых, ввиду того, что в число экспертов попадают просто специалисты, а зачастую даже дилетанты. Во-вторых, имеет место нивелировка опрашиваемых (принцип «один человек – один голос»). Профильная специализация и особенности интеллекта остаются вне зоны внимания. О каком-либо использовании потенциала неординарных экспертов не может быть и речи, в этом случае господствует тривиальное, а не оригинальное мышление. Эти проблемы экспертизы идентичны с так называемыми парадоксами демократии.

В коллективных формах, где требуется достаточно строгий отбор экспертов, перед организаторами стоит проблема формирования представления о составе экспертного корпуса, т. е. о всех тех экспертах, которые действительно являются таковыми и реально могут быть использованы. Обычно в первом приближении оно формируется на основе формальных критериев (публикации, ученые звания, должностное положение и т. п.). О психологических особенностях по этим критериям судить весьма сложно, а они, как уже отмечалось выше, играют немалую роль.

При индивидуальной экспертизе предпочтение отдается неформальным критериям (авторитет, личное знакомство и т. д.). Осознание недостаточности формальных критериев побудило начать разработку системы неформальных критериев и методик их применения (самооценка, взаимооценка, «снежный ком» и т. п.). Однако сколько-нибудь широкого применения они не получили.

Пятая фаза – разработка необходимой документации. Параллельно с отбором экспертов ведется разработка необходимой документации, которая подразделяется на две части: справочную и тематическую. К первой относятся справочные материалы об экспертизе. Иногда они дополняются мини-досье, содержащим последнюю информацию об исследуемой тематике. Все справочные материалы готовятся организаторами. Что касается второй части, то она включает в себя различные тематические разработки. Они готовятся экспертами с участием или без участия организаторов. Эти эксперты, как правило, в дальнейшей работе участия не принимают. Исключение в этом плане составляет эксперт, являющийся автором постановочного доклада для свободной коллективной экспертизы.

Стадия подготовки экспертизы является организационно наиболее сложной и трудоемкой. Допущенные на этой стадии просчеты и недоработки в дальнейшем, как правило, непоправимы.

2. Стадия проведения экспертизы. В качестве основных критериев успешного проведения экспертизы принято выделять:

- наличный ресурс времени;
- степень ответственности;
- уровень информационной обеспеченности.

Ключевым является наличный ресурс времени, так как недостаток времени практически ничем нельзя компенсировать (состояние стресса не только у

организаторов, но и у экспертов). Возможность ошибок, даже элементарных, значительно возрастает. Если ресурс времени значителен, то недостаток информации может быть устранен.

Стадия проведения представляет собой процесс получения экспертной информации. При групповых формах он представляет собой в сущности чисто техническую операцию (распространение и сбор анкет). Соответственно, сам термин «проведение» весьма условен. В строгом смысле слова он применим лишь к коллективным формам, где имеет место взаимодействие экспертов и их совместный творческий труд. Таковой, для того чтобы быть эффективным, нуждается в управлении (руководителе). При прочих равных условиях от его способностей зависит результат совместного труда экспертов.

Руководитель коллективной экспертизы управляет ее проведением по трем основным аспектам: регламентационному, содержательному и психологическому.

Соблюдение установленного *регламента* является вопросом далеко не формальным. В условиях ограниченного лимита времени обязательное соблюдение регламента есть первейшее условие сохранения элементарного порядка. Оно обеспечивает относительно равномерное распределение ресурса времени между экспертами, не допуская тем самым доминирования одних за счет других. Особенно негативное влияние на весь ход коллективной экспертизы оказывает нарушение регламента в пользу эксперта, занимающего высокое должностное положение. Как неизбежное следствие этого у остальных участников возникает обоснованное подозрение, что экспертиза организована для выяснения мнения данного должностного лица, а мнения самих экспертов организаторам малоинтересны. В этом случае эксперты теряют всякий интерес к происходящему, минимизируют свое участие и стремятся как можно быстрее завершить экспертизу. Коллективной работы, естественно, не получается.

В рамках *содержательного аспекта* управления основной задачей можно считать недопущение подмены обозначенной тематики. Она может иметь место как в результате действий одного из экспертов, так и в ходе стихийного развития дискуссии. В подавляющем большинстве случаев подобного рода подмена происходит либо путем неоправданного расширения рамок дискуссии и переключения внимания экспертов на вопросы, в лучшем случае лишь косвенно связанные с обозначенной тематикой, либо ее перевода с конкретного на абстрактный, доктринальный уровень. Если руководитель не сможет пресечь в зародыше подобного рода подмену, то экспертиза, как правило, оказывается сорванной.

Третьим по счету, но отнюдь не по значению, является *психологический аспект* управления. Едва ли не самой сложной задачей руководителя при проведении коллективной экспертизы считается (и не без оснований) поддержание нормального психологического климата среди участников дискуссии. В связи с этим организаторы экспертизы должны избегать приглашения экспертов, между которыми в силу тех или иных причин существуют неприязненные личные отношения. Сделать это не всегда удается, так как они могут быть латентными (например, скрытая ревность одного к успехам другого). Для этого нужно хорошо знать межличностные отношения экспертов, что далеко не всегда возможно.

Наряду с вышеперечисленными аспектами перед руководителем экспертизы может встать и ряд других. В частности, он должен стимулировать дискуссию в случае ее преждевременного затухания, предотвращать доминирование одного из экспертов (появление псевдолидера) и т. д. Таким образом, круг обязанностей руководителя достаточно широк и сложен, что предъявляет к его выбору весьма серьезные требования, среди которых наиболее важное значение приобретают волевые качества и жизненный опыт.

3. Стадия оценки результатов. После проведения экспертизы следует финальная стадия – оценка ее результатов. Оценка результатов проходит на двух различных уровнях: организационном (насколько качественно осуществлена подготовка и проведена экспертиза) и содержательном. В случае если выявляются очевидные ошибки и недоработки в организации, то содержательная оценка, как правило, теряет смысл. Например, при групповой экспертизе не удалось собрать значительную часть розданных анкет, а среди собранных многие заполнены небрежно или даже неправильно. Во время коллективной экспертизы возник идеологический конфликт, в который оказалось втянутым большинство ее участников. Такие грубые провалы достаточно редки, но менее значимые недостатки встречаются достаточно часто.

В том случае, когда организационная оценка положительна, за ней должна следовать содержательная, однако это может быть сделано только после изучения полученной экспертной информации. Содержательная оценка есть результат изучения организаторами экспертизы данной информации. При групповой экспертизе она представляет собой совокупность заполненных экспертами анкет, которые подвергаются статистической обработке. Полученные количественные результаты осмысливаются, и дается их развернутая интерпретация. Следует подчеркнуть, что *объектом осмысления выступает только совокупность мнений экспертов, но не тематика экспертизы*. Соответственно, и интерпретация носит преимущественно поверхностный характер, ограничиваясь в основном очевидными моментами, в частности количественным соотношением мнений. Вопрос о степени их обоснованности, как правило, не затрагивается.

При коллективной экспертизе экспертная информация представлена в виде распечатки магнитофонных записей или стенограмм. Это гораздо более «сырой» материал по сравнению с анкетой. Он нуждается как в техническом, так и в содержательном редактировании. Последнее также осуществляется организаторами. Если на этом работа с экспертной информацией заканчивается и она передается разработчикам или лицам, принимающим политическое решение, то налицо элементарное экспертное исследование. Сложным оно становится только тогда, когда отредактированная экспертная информация подвергается обработке (реферированию). Обычно сложное экспертное исследование представляет собой реферат с более или менее развернутыми комментариями.

Экспертное исследование передается разработчикам или даже непосредственно лицам, принимающим политическое решение, которые и дают содержательную оценку проведенной экспертизе. Содержательная оценка дается в зависимости от практической полезности экспертной информации, хотя в некоторых случаях на нее могут влиять и субъективные мотивы. В частности, нега-

тивная содержательная оценка может быть дана лицами, принимающими политические решения в тех случаях, когда экспертная информация противоречит ведомственным интересам, ранее высказанному им мнению и т. п.

Завершая на этом рассмотрение проблематики экспертного исследования, следует констатировать, что оно имеет ряд несомненных преимуществ перед содержательным. Вместе с тем ему присущ и весьма серьезный недостаток. Он заключается в сохранении относительно высокой степени неопределенности, что обусловлено различием мнений экспертов. Опора на мнение большинства с учетом преобладания ординарных экспертов далеко не всегда оказывается обоснованной.

Более того, когда в процессе экспертизы высказываются не два, а несколько альтернативных мнений, то неопределенность нарастает и опора на относительное большинство (если оно есть) весьма сомнительна. Зачастую бывает так, что эти мнения в общих чертах известны еще до экспертизы, а она организуется именно для выяснения степени их обоснованности (в частности, при постановке операциональной цели). Тогда отсутствие ярко выраженного большинства означает, что в целом существовавшая до экспертизы степень неопределенности осталась неизменной, т. е. значимый результат отсутствует.

Вопросы для самоконтроля

1. Охарактеризуйте основные стадии экспертного исследования.
2. Дайте характеристику основным фазам стадии подготовки экспертизы.
3. По каким признакам можно отличить подлинную экспертизу от псевдоэкспертизы?
4. Почему повышение статистической надежности за счет увеличения числа опрашиваемых специалистов неприемлемо для политической экспертизы?
5. Назовите условия, обеспечивающие успешное проведение экспертизы.

РАЗДЕЛ 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ

3.1. Типология политических режимов

Политический режим характеризуется отношениями между правящей политической элитой и населением, содержание которых определяется наличием или отсутствием у населения легальной возможности смены правящей политической элиты. В зависимости от характера вышеуказанных отношений выделяются демократические и авторитарные политические режимы.

При демократическом политическом режиме масса имеет легальную реальную возможность воздействовать на поведение правящей политической элиты вплоть до ее устранения. Публичная политическая деятельность практически не ограничена. В этой связи нельзя не обратить внимание на деятельность криминально-политических группировок, которые, умело используя возможности, предоставляемые демократией, осуществляют в ряде случаев успешную инфильтрацию своих представителей в высшие и средние эшелоны государственного аппарата и даже в состав правящей политической элиты. Там, где им удастся установить свой контроль над правящей политической элитой, демократия при сохранении всех ее атрибутов превращается в чистую декорацию.

При авторитаризме масса не имеет легальной возможности воздействовать на поведение правящей политической элиты, в руках которой сосредоточена вся полнота государственной власти. Публичная политическая деятельность или вообще запрещена, или крайне ограничена. Действия подсистемы общественного регулирования малоэффективны.

Вынужденное повиновение общества государственной власти есть результат применения вооруженного насилия, т. е. реализации «права сильного». Соответственно, можно выделить два наиболее общих типа авторитарных политических режимов: легитимный и иллегитимный. Светские авторитарные режимы (диктатуры), в отличие от сакрализованных, всегда делают основную ставку на насилие, а следовательно, потенциально тяготеют к иллегитимности. В отличие от сакрализованных авторитарных режимов, диктатуры в принципе не имеют каких-либо ограничений в применении насилия. В этой связи нельзя не вспомнить определение диктатуры, данное почти сто лет тому назад В. И. Лениным, писавшим, что «диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами».

Диктатура может быть как автократичной, так и олигархической. Олигархическая диктатура менее стабильна, чем автократическая, так как в ней рано или поздно начинается борьба за первенство между членами клики, которая принимает ожесточенную форму, вплоть до физического уничтожения. В отличие от сакрализованного автократора (императора, короля и т. п.) диктатор не обладает пожизненным властным статусом, он может его лишиться в любой момент, что во многих случаях означает его смерть. Стремясь избежать подобного рода неблагоприятного развития событий, диктаторы пытаются приобрести статус «вождя», выполняющего некую историческую миссию (политическое мессианство).

Хотя сакрализованный авторитаризм и диктатура имеют общую политическую природу, между ними существуют и определенные различия. Сакрализованный авторитаризм всегда тесно связан с соответствующим государственным строем, а диктатура в этом плане универсальна. Сакрализованный авторитаризм всегда автократичен, т. е. вся полнота государственной власти сосредоточена в руках одного лица, статус которого является пожизненным и обычно наследственным, что закреплено законодательно.

Несмотря на развитие процесса демократизации, авторитарные режимы, и прежде всего диктатуры, демонстрируют немалый потенциал выживания. Поскольку диктатура опирается на насилие, то основным источником ее реализации и сохранения является вооруженная сила, которой располагает государственная власть. Таковая включает два основных компонента: армию и полицию. Последняя в данном случае понимается в широком смысле как совокупность различного рода карательных формирований (войска безопасности, жандармерию, национальная гвардия и т. п.). Армия, будучи предназначенной для ведения войны с внешним врагом, обладает превосходящей боевой мощью по сравнению с полицией, которая имеет своей функцией борьбу с внутренним безоружным или слабо вооруженным противником. Подавить массовое вооруженное выступление она, как правило, без помощи армии оказывается не в состоянии, не говоря уже о ведении контрпартизанской войны. Армия организационно представляет собой единое целое и обладает высокой степенью автономности в рамках государственного аппарата, ее командование подчиняется только главе государства как Верховному главнокомандующему. Но де-факто эта подчиненность может быть достаточно условной или вообще номинальной. Армия слабо связана с гражданской составляющей государственного аппарата и неподконтрольна гражданским судебным органам. Все это делает ее потенциально самостоятельным институциональным политическим субъектом. Полиция ни одним из этих качеств не обладает. Организационно она разделена, отдельные ее части независимы друг от друга. Различен уровень их подчиненности, различна степень связи с гражданской администрацией и степень неподконтрольности гражданским судебным органам. В силу этих ее особенностей она не может быть самостоятельным институциональным субъектом политики, а выступает в качестве младшего партнера других (армии, партии, гражданской администрации или конфессиональной организации духовенства).

Исходя из вышесказанного, все указанные типы диктатур можно подразделить на две категории в зависимости от степени вовлеченности в них армии. В том случае, когда армия захватывает государственную власть и осуществляет диктатуру самостоятельно или совместно с полицией, выполняющей при этом вспомогательную роль, налицо военная или военно-полицейская диктатура. Здесь армия действует как вполне самостоятельный институциональный политический субъект. В противном случае армия какой-либо самостоятельной политической роли не имеет. Ее стремятся с помощью полиции «не выпускать из казарм». Иногда она бывает просто слишком слаба.

Объективной предпосылкой установления военной или военно-полицейской диктатуры является наличие серьезной внешней угрозы со стороны сильного и

агрессивного внешнего врага, для отпора которому необходимо мобилизовать «все силы нации», или внутривластная дестабилизация, ставящая общество на грань гражданской войны. Вина за это возлагается на правящую политическую элиту, которая допустила дезорганизацию государственного аппарата и общества. Соответственно, главной задачей диктатуры объявляется «наведение порядка». Нельзя, однако, не видеть, что зачастую военные диктатуры стремятся искусственно активизировать действия внешнего врага путем организации политико-пропагандистских, а иногда и военных провокаций, получая новый импульс для легитимации.

Основанием для установления административно-полицейских диктатур является наличие реальной или потенциальной внутривластной угрозы, и, соответственно, их задача заключается в «наведении порядка», т. е. в поддержании политической стабильности. По своему генезису они могут быть вполне легитимны. Что касается партийно-полицейской и клерикально-полицейской диктатур, то их установление происходит под лозунгом «нового порядка», т. е. радикальных изменений всей политической системы и существующего социального порядка. Идея «нового порядка» оформлена в виде некоей идеологической доктрины мессианского толка. Его значимость дает основание некоторым исследователям квалифицировать диктатуры этих типов в качестве идеократических. Мессианский характер этой доктрины находит свое выражение в выделении той социальной общности, на которую историей возложено построение «нового порядка», как правило, в глобальном масштабе. В качестве «избранных» выступают только основные социально-политические субъекты. Эти диктатуры могут иметь весьма широкую социальную базу.

Не вдаваясь в рассмотрение истории диктатур, нельзя вместе с тем не отметить, что открытые диктатуры были обычно недолговечны. Если в прошлом основная цель маскировки состояла в придании диктатуре формы сакрализованного авторитаризма, то в современном мире таковой является придание ей демократической формы. Последней, наиболее значимой и в чем-то успешной попыткой превращения военного диктатора в сакрализованного автократора (монарха) можно считать превращение генерала Бонапарта в императора Франции Наполеона I. Этот его шаг был направлен на легитимацию власти внутри страны и обеспечение международного признания со стороны европейских монархий.

В современном мире открытые диктатуры сохраняются в основном в наименее развитых странах. Главной зоной их существования является Африка, где военные перевороты и контрперевороты следуют с неизменным постоянством, одни военные диктаторы сменяют других, причем, как правило, проблемы легитимации их мало беспокоят. Сказываются традиции колониального прошлого, ибо колониальный политический режим – это, в сущности, открытая военная диктатура. На смену открытым диктатурам приходят маскируемые, а затем и латентные диктатуры. Для первых характерно использование имитации демократических атрибутов, и в частности выборов, референдумов и т. п. Все они проходят под жестким полицейским контролем и в той или иной степени фальсифицируются. В условиях отсутствия гражданских свобод все это является политической фикцией, причем не столько для внутреннего, сколько для

внешнего потребления, т. е. для обеспечения международной легитимации диктатуры. В большинстве случаев подобного рода маскировка особым искусством не отличается. В качестве примера можно привести референдум, проведенный Саддамом Хусейном накануне американской интервенции в Ирак. На нем он получил 100 % голосов. Другие диктаторы в подобного рода случаях предпочитали держаться в диапазоне 95–99 % голосов.

Совершенствование политической маскировки привело к появлению ее наиболее совершенного варианта – латентных диктатур, при которых формально имеется вся демократическая атрибутика, включая многопартийность и даже свободные выборы и наличие гражданских свобод. Диктатура как бы уходит в тень, сохраняя при этом всю полноту власти, используя для этого репрессии и политические технологии. Примером наиболее совершенной латентной военной диктатуры может служить режим Совета национальной безопасности в Турции, существовавший не одно десятилетие. Совет национальной безопасности состоит из высшего генералитета турецкой армии и дает рекомендации правительству, носящие по существу обязательный характер. Если правительство попытается их не выполнить, то следует или ультимативное требование о его отставке, или военный переворот. Латентная диктатура временно становится открытой, а затем вновь уходит в тень, т. е. восстанавливается демократическая атрибутика и имидж демократического государства. В качестве основного аргумента для оправдания такого положения служит утверждение о том, что армия является единственным надежным гарантом против исламизации страны и ее распада.

Однако отнюдь не все диктатуры стремятся адаптироваться к внешней среде. Одни могут даже проявлять немалую агрессивность, как, например, режим талибов в Афганистане, а другие прибегают к политике изоляционизма (режим Туркменбаши). Последнее, в принципе, более рационально, что подтверждается длительным существованием КНДР. Эталоном для ее правящей политической элиты был и остается партийно-политический режим в СССР в эпоху И. В. Сталина. Не в меньшей, а скорее в большей степени это относится к Туркменбаши. Вообще эпоха И. В. Сталина наглядно демонстрирует, как личные качества автократора влияют на содержание авторитаризма. В зависимости от того, каким методам властвования он отдает предпочтение, можно выделить следующие варианты авторитаризма. Либеральная диктатура – когда используются только выборочные репрессии, умеренная диктатура – выборочные репрессии и выборочный террор, репрессивная диктатура – массовые репрессии и выборочный террор и, наконец, террористическая, когда применяются массовые репрессии и массовый террор. Выбор того или иного стиля поведения зависит от силовых возможностей диктатуры, внутривнутриполитической ситуации и состояния международной среды, что требует от диктатуры политической гибкости, т. е. смены стилей в зависимости от конъюнктуры. Диапазон подобного рода гибкости сокращается по мере движения от либерального к террористической диктатуре. В частности, в рамках первой он начинается с высылки (изгнания) и доходит до длительного тюремного заключения. Что касается второго, то в лучшем случае это уничтожение только мужчин, а в худшем – поголовное, включая женщин и детей. При оценке массовости, естественно, необходимо

принимать во внимание количественную сторону дела. Тут можно говорить о некоторой черте допустимости, переход которой неизбежно ведет к делегитимации диктатуры. Есть достаточно веские основания полагать, что таковой чертой является 5 % от численности населения. Данную цифру не следует, однако, возводить в абсолют, так как она носит среднестатистический характер, а страны и ситуации уникальны. Достаточно вспомнить в этом плане гигантские размеры геноцида собственного народа, учиненного диктатурой «красных кхмеров». Массовые репрессии и особенно террор хотя и стимулируют делегитимацию, но в то же время, порождая страх, как правило, подавляют и оппозиционную активность. Кроме того, физическое уничтожение реальных и потенциальных лидеров оппозиции делает ее фрагментарной и слабо организованной. Опыт прошлого века наглядно демонстрирует, что именно репрессивно-террористические и террористические диктатуры демонстрировали высокую степень жизнеспособности. Как правило, только внешняя интервенция позволяет снять подобного рода диктатуры. Об этом свидетельствует целый ряд примеров, начиная с Гитлера. Именно эти два вида диктатур характеризуются ригидностью, т. е. наименьшей степенью гибкости, если исключить те случаи, когда имитируется в течение относительно небольшого времени курс на понижение уровня насилия вплоть до либерального. В частности, к такому приему прибег Мао Цзэдун, выдвинув лозунг: «Пусть расцветает сто цветов, пусть соперничают сто школ». Он был воспринят значительной частью китайской интеллигенции как отказ от политических репрессий и идеологической монополии КПК. В действительности целью данного маневра было выявление политических и идеологических оппонентов, что в целом удалось. Почти все они были выявлены, репрессированы или уничтожены. Стиль поведения диктатуры достаточно четко коррелируется с ее формой. Демократическая маскировка совершенно не сочетается с массовыми репрессиями, не говоря уже о терроре. Она предполагает переход диктатуры на уровень умеренности, а применительно к латентным диктатурам – даже на уровень либеральности, что требует отказа от выборочного террора

Само бытие диктатуры в течение продолжительного времени есть верный признак достаточно высокого уровня конфликтности соответствующего государственно-организованного общества. Как правило, она воплощается в мощный социально-политический взрыв, последствия которого далеко не всегда предсказуемы. Зачастую он воспринимается как внезапный, если перед этим диктатуре удавалось поддерживать политическую стабильность или умело создавать ее видимость с помощью сокрытия информации и разного рода фальсификаций. И к тому, и к другому прибегают все диктатуры. Это создает немалые трудности при политическом анализе, так как дефицит информации сочетается с мощным потоком дезинформации.

В целом можно предложить следующую типологию разновидностей авторитарных политических режимов:

1. Авторитарная монархия (Иордания, Марокко, Саудовская Аравия) – государственная власть находится под контролем правящей династии.

2. Военное правление (Пиночет, Пилсудский, Чан Кайши) – власть под контролем армии.

3. Религиозный (теократический) авторитарный режим (Иран, Ватикан, Афганистан) – светская власть находится под контролем духовной власти в лице церкви).

4. Конституционно-олигархический авторитарный режим. Цензы и ограничения обеспечивают богатству контроль над политической сферой. Широкое распространение имел до середины XX в. (имущественные цензы). Однако и в настоящее время рудименты данного политического режима широко вкраплены в демократические политические режимы. Зачастую здесь криминально-олигархические группы владеют огромной долей богатств, СМИ и реальной властью. Вокруг них вращается значительная доля финансовых потоков, строятся дворцы, создается система развлечений – казино, ночные клубы, выделяются спецрейсы, заповедные уголья. В их распоряжении элитная система образования, здравоохранения, информации и обслуживания, депутаты, политические партии. Все это надежно охраняется корпусом нанятых чиновников и прекрасно оснащенных собственными охранными структурами и спецслужбами.

Казалось бы, глобальный характер процесса демократизации приведет достаточно быстро к тому, что диктатуры станут рудиментами прошлого. Проблематике, связанной с тенденцией демократизации современного мира, посвящено огромное число научных и публицистических работ. Выделяется четыре волны демократизации, которые охватили уже 70 % населения мира. Об этом, в частности, говорится в одном из отчетов Программы развития ООН, который получил название «Внедрение демократии в разрозненный мир» (2002).

Не игнорируя сам факт наличия глобальной тенденции к демократизации, нельзя не заметить, что первоначально она воспринималась предельно упрощенно как некое быстрое и необратимое устранение авторитарных политических режимов. На деле это оказалось далеко не так примитивно, что побудило некоторых зарубежных исследователей выдвинуть тезис о так называемых дефектных демократиях. Глобальный процесс демократизации оказался не столь простым и легким, как это предполагалось. Вновь возникшие демократические режимы далеко не везде оказались в состоянии разрешить целый ряд социальных проблем, и в частности блокировать тенденцию к криминализации, о которой говорилось выше. Наглядным примером подобного рода уродливой демократизации может служить Россия периода президентства Б. Н. Ельцина. Стремление ускорить глобальный процесс демократизации, охватившее значительную часть политической элиты США, породило идею «внедрения» демократии, причем преимущественно военным путем. В отдельных случаях подобного рода «внедрение» действительно оказывалось успешным, а именно там, где общая социально-политическая ситуация была благоприятной, сами диктатуры находились в стадии эрозии. Однако пример Ирака наглядно продемонстрировал, к чему приводит попытка «внедрения» демократии в тех случаях, когда местное общество к ней не готово. В стране началась тяжелая гражданская война, конца которой не видно. Потери среди мирного населения страны уже значительно превысили 100 тыс. человек, а американские войска только убитыми потеряли почти 4 тыс. человек.

Идея ускоренного внедрения демократии в глобальном масштабе очень напоминает небезызвестные идеи мировой революции (пролетарской, а затем исламской). Ее сторонники всегда торопятся, не очень считаясь с социальными реалиями, ибо верят во всемогущество вооруженного насилия.

На практике демократический политический режим способен устояться, если в процессе длительного процесса демократизации успешно формируются его основы в лице большой прослойки среднего класса, развитой политической культуры, развитых структур гражданского общества, которые в совокупности способны заложить правовые основы деятельности государства как основного политического института общества.

Вопросы для самоконтроля

1. Чем определяется содержание политического режима?
2. Что лежит в основе классификации политических режимов?
3. Назовите основные разновидности авторитарных политических режимов.
4. При каких условиях армия превращается в основного субъекта политической деятельности?
5. Чем отличается демократизация от демократии?
6. При каких условиях утверждается демократический политический режим?

3.2. Политическая ситуация и процесс политической борьбы

Формирование политической ситуации происходит в процессе взаимодействия субъектов политики. В системном качестве она включает в себя три блока:

- проблемный блок (противоречия интересов участников);
- блок соотношения сил;
- блок их отношения друг к другу в диапазоне «друг – враг».

Поскольку субъекты политики разнородны, то структура их анализа включает три относительно автономных уровня: микрополитический (персональные субъекты политики), макрополитический (институциональные субъекты политики) и социально-политический (социальные субъекты политики). Все политические субъекты взаимодействуют между собой как в рамках своего уровня, так и вне его.

До тех пор, пока общество подчиняется власти государственного аппарата, политическая ситуация в стране является стабильной. В противном случае налицо политическая дестабилизация, экстремальная форма которой – политическая анархия. Обычно подобного рода паралич наступает в результате раскола внутри правящей политической элиты или деградации государственного аппарата, который становится неуправляемым. В этом случае неизбежным последствием является распад или как минимум полураспад соответствующего государственно-организованного общества. В частности, Российская империя в 1917 г. распалась на 72 государства и квазигосударства, а СССР в 1991 г. – на 15 государств (с учетом непризнанных государств – на 20).

Главной задачей государственной власти является сохранение политической стабильности. Если же дестабилизация происходит, то необходима ее ло-

кализация любыми средствами и недопущение ее распространения на всю территорию государства. Источником дестабилизации становится неудовлетворение интересов политических субъектов. Степень недовольства непосредственно зависит от значимости неудовлетворенного интереса. Если в рамках противоречия антагонистичны жизненно важные интересы (строгий антагонизм), то проблема может быть разрешена только военным путем. Компромисс невозможен, ибо ни одна из сторон не может пойти на уступки без угрозы самому ее существованию. Такая проблема или «замораживается» на некоторое время, или решается путем применения вооруженного насилия. «Замораживание» проблем, как правило, осуществляется в расчете на то, что с течением времени произойдет переоценка значимости интереса или его переосмысление, в частности в результате снятия идеологической заданности, которая является основным источником появления мнимых интересов. Разрешение проблемы военным путем, если оно не сопровождается уничтожением одной из сторон, всегда носит временный характер, так как обусловлено неблагоприятным соотношением сил. Проигравшая сторона выжидает его изменения в свою пользу. Если оно происходит, то происходит «реанимация» этой проблемы. Как свидетельствует опыт истории, подобного рода выжидательный период может длиться не одно десятилетие. Если открытое выражение недовольства не дает желаемых результатов, то оно сменяется протестным – открытыми протестными выступлениями. Хотя формы протестных выступлений весьма вариативны, тем не менее в наиболее общем виде их можно подразделить на две категории: мирные и немирные (насильственные). В свою очередь, насильственные протестные выступления могут происходить без применения или с применением оружия (боевого или небоевого). В связи с этим нельзя не затронуть некоторых новаций последнего времени, касающихся насильственных протестных выступлений, – цветные революции.

Исходя из сказанного, можно выделить четыре типа политической ситуации:

- нормальная – характеризуется слабым выражением недовольства;
- напряженная – недовольством и мирными формами протеста;
- взрывоопасная – мирными и немирными формами протеста без применения оружия;
- кризисная – применением оружия, но не боевого (использование боевого оружия в сколько-нибудь массовом масштабе – это уже гражданская война).

Приведенная типология политических ситуаций представляет собой своего рода шкалу динамики их трансформации. Соответственно, движение от нормальной ситуации есть процесс дестабилизации, а движение к ней – процесс стабилизации.

При оценке степени опасности дестабилизации целесообразно использовать пространственный критерий ее распространения и с его помощью уточнять и корректировать тип конкретной политической ситуации. В пространственном критерии существуют два аспекта:

1. *Количественный аспект*, в соответствии с которым дестабилизация может быть локальной, т. е. имеющей место в определенном достаточно крупном населенном пункте, региональной или трансрегиональной, т. е. охватыва-

ющей несколько, как правило соседних, регионов. (Теоретически можно представить и общегосударственную дестабилизацию, однако на практике это исключительное явление.)

2. *Качественный аспект*, в котором выделяют четыре зоны: столица, центральные, периферийные и пограничные провинции. Столица – это административно-политический центр государства, и политическая дестабилизация в ней всегда в той или иной степени транслируется в провинции, а обратная трансляция далеко не всегда имеет место. Эта геополитическая диспозиция прекрасно осознается политическими практиками. (В качестве примера можно привести стремление дестабилизировать Москву в конце 1990-х гг. с помощью крупномасштабных демонстративных террористических актов.) Однако далеко не каждая провокация способствует развитию дестабилизации, если политическая обстановка является нормальной.

В динамике процесса пространственной дестабилизации можно выделить три ее основных варианта:

- развитие постепенно идет от недовольства к протестным выступлениям, которые, как правило, растянуты по времени;
- дискретный вариант, когда развитие дестабилизации характеризуется непоследовательностью и даже паузами нормализации;
- взрывной вариант – характеризуется резким переходом от нормального или напряженного к кризисному состоянию или даже гражданской войне, наступление политической анархии вследствие слабой управляемости.

Кроме пространственного критерия при оценке степени опасности дестабилизации необходимо использовать и социальный, т. е. численность и состав участников массовых протестных выступлений по их принадлежности к основным социально-политическим субъектам (этническим, конфессиональным и социально-классовым). По составу участников протестных выступлений можно подразделить на два основных вида:

- социально однородные, когда участники политической ситуации являются представителями вполне определенной социальной общности и отстаивают свои специфические интересы (протест носит мирный характер, состав его участников однороден);
- социально неоднородные. При насильственной форме к нему подключаются представители паразитарных слоев в расчете на безнаказанный грабеж. Нередко именно они и представители иждивенческих внеклассовых слоев выступают в качестве инициаторов применения насилия. Возможности повышенной активности паразитарных слоев с целью превращения протестного выступления в погром достаточно четко лимитируются степенью его организованности (чем она выше, тем меньше данная возможность).

Надежную политическую стабильность может обеспечить только демократия ввиду наличия развитой структуры публичного взаимодействия между тремя уровнями. Однако эта надежность достигается отнюдь не автоматически. Вместе с тем опыт ряда развитых стран (Скандинавские страны, Швейцария) наглядно демонстрирует, что преодоление этих трудностей – задача выполнимая.

Политическая деятельность – это всегда борьба между субъектами политики, что не исключает, естественно, и сотрудничества между ними. Однако такое сотрудничество между одними, как правило, направлено против других. В зависимости от состава участников принято выделять два основных вида политической борьбы.

Первый вид – верхушечная политическая борьба. Она ведется преимущественно на микрополитическом уровне с привлечением или без привлечения политических субъектов. В сущности, это борьба за удовлетворение личных амбиций персональных политических субъектов (как правило, латентна и часто аморальна). Основными приемами являются интриги, провокации, подкупы, шантаж и даже политические убийства (авто-, авиакатастрофы и пр.). Политические убийства были весьма распространенной практикой в прошлом. На Западе убийство тщательно скрывалось (убийство президента США Дж. Кеннеди), на Востоке оно было в известной степени легитимным. В частности, при вступлении на трон новый султан Османской империи приказывал убить всех своих братьев вне зависимости от возраста. Ни клановая этика, ни законы шариата этому не препятствовали. Действовало правило «политической целесообразности».

Второй вид – принципиальная политическая борьба. Она ведется на макрополитическом и социально-политическом уровне, является открытой и массовой. Условия ее ведения и формы диктуются характером политического режима (легальна, полуполитическая, не запрещена, но и не разрешена). Принципиальной особенностью политической борьбы в условиях демократии является наличие общих правил, которые исключают использование насилия (цивилизованность).

Цивилизованная политическая борьба ведется в трех главных формах: электоральной, парламентской, публично-массовой.

Электоральная политическая борьба является основной, так как победа на выборах дает право на формирование правительства, иначе говоря, на обладание государственной властью. В случае поражения на выборах проигравшие сосредотачиваются на парламентской борьбе, подкрепляя ее при необходимости мирными протестными действиями. В условиях авторитаризма возможности ведения электоральной и парламентской борьбы или вообще исключены, или крайне ограничены.

Исход любой политической борьбы предопределяется соотношением сил противостоящих сторон. Принципиальная политическая борьба ведется преимущественно на макрополитическом и социально-политическом уровнях. На каждом из них политические субъекты делятся на сторонников государственной власти, ее противников и центристов.

Сторонники образуют на макрополитическом уровне проправительственную коалицию (формальную или неформальную). Противники образуют оппозицию, которая может быть объединена в коалицию (конструктивную и непримиримую). Для конструктивной оппозиции характерна критическая лояльность, т. е. она рассматривает существующий политический режим в качестве легитимного, но выступает против сохранения правительства. Непримиримая оппозиция не лояльна как к правительству, так и к режиму. Ее принято подразделять на два крыла: умеренное и радикальное. Умеренное крыло выступает за изме-

нение существующего политического режима, а радикальное – за кардинальное изменение всего социального порядка. Радикальная политическая оппозиция всегда выступает под лозунгом построения «нового общества», лишённого пороков существующего, что придает политической борьбе высокую степень идеологической заданности, а по этой причине и ожесточенности («Новый социализм», Н.Н. Платошкин). Далеко не все политические субъекты склонны сразу примыкать к правительственной коалиции или оппозиции. Какая-то их часть предпочитает более или менее строгий нейтралитет. Подобного рода нейтралы образуют в известном смысле стабилизирующую прослойку.

В целом общая политическая стратегия сторон сводится к расширению собственной коалиции и сокращению таковой у противоположной. Кроме того, государственная власть стремится дезорганизовать оппозиционную коалицию. Аналогичную задачу пытается решать и оппозиция, однако ее возможности в этом отношении значительно меньше. В организационном плане правительственная коалиция всегда моноцентрична и управляема. Для оппозиции достижение достаточной степени организованности, т. е. создание антиправительственной политической коалиции широкого профиля, включающей всех противников государственной власти, дело весьма сложное в силу органически присущей ей крайней разнородности и обычно полицентричности, что может серьезно затруднять управление ею. Условием достижения ею моноцентричности является наличие в ее составе институционального политического субъекта (обычно политической партии), значительно превосходящего в силах остальных участников коалиции и возглавляемого общепризнанным политическим лидером. Однако даже в этом случае добиться необходимой сплоченности сложно. Между ее участниками всегда существует не только различие целей (одни – за сохранение существующего политического режима, а другие – против), но и различия в выборе стратегии. Конструктивная оппозиция выступает за электоральную и парламентскую форму борьбы, без насилия и дестабилизации. Непримируемая придает этим формам сугубо вспомогательное значение, делая основной упор на публично-массовые выступления с использованием насилия и дестабилизации. Ее радикальное крыло, как правило, всегда делает ставку на военную силу, причем вне зависимости от их идеологической окраски.

Для демократии в большей степени характерно преобладание конструктивной оппозиции. При авторитаризме преобладает непримируемая оппозиция. Поскольку возможности конструктивной предельно ограничены (плохо организована), то она становится удобным объектом для манипулирования со стороны государственной власти, которая превращает оппозицию в конгломерат конфликтующих друг с другом персональных и институциональных политических субъектов. Но даже если политическая оппозиция уничтожена, через какое-то время происходит ее реставрация, поскольку противоречивые интересы в обществе сохраняются и являются неустранимыми.

Вопросы для самоконтроля

1. Почему основной задачей государственной власти является обеспечение политической стабильности?

2. Назовите основные формы, в рамках которых могут разрешаться антагонистические противоречия.

3. Что понимается под протестными выступлениями в форме цветных революций?

4. Охарактеризуйте степень опасности дестабилизации с точки зрения пространственного критерия.

5. Охарактеризуйте основные этапы политической дестабилизации с точки зрения динамики этого процесса.

6. Проанализируйте процессы дестабилизации, используя социальный критерий.

7. Назовите основные формы политической борьбы в условиях демократического политического режима.

3.3. Политический анализ вооруженных конфликтов

Вся история человеческой цивилизации заполнена чередой больших и малых войн. По самым приблизительным подсчетам их насчитывается до 5 тыс. Не случайно появилось утверждение, что мир – это перерыв между войнами. Фраза «Война есть продолжение политики другими, а именно насильственными средствами» принадлежит генералу К. фон Клаузевицу.

Поскольку войны ведутся с опорой на силу, то вначале нужно актуализировать внимание на самом понятии «сила». Понятие «сила» отождествляется с английским словом *power*. В настоящий момент *power* – это именно слово, а не научное понятие, категория, поскольку оно еще не обрело строго определенного значения, а главное, не превратилось в инструмент собственно *исследовательского* познания. Согласно Р. Далю, на самом базовом, фундаментальном уровне оно характеризует способность субъекта *A* заставить каким-то образом объект *B* сделать то, чего тот иначе делать не стал бы, т. е. сила означает такое воздействие *A* на *B*, которое *противоречит* интересам последнего.

До начала 1950-х гг. в международно-политических исследованиях практически безраздельно доминировал атрибутивный (ресурсоориентированный) подход к пониманию рассматриваемого феномена. Сила субъекта сводилась к совокупности его ресурсов, прежде всего материальных (площади территории, количеству и разнообразию природных богатств, количеству и плотности населения, численности армии, объемам экономики и т. д.). При этом сила выступала точно таким же атрибутом государства, как четкие границы, бюрократический аппарат, суверенитет. Просто у одних государств силы больше, у других – меньше. Для решения задачи сравнения силы двух игроков представляется необходимым сопоставить: 1) источники или (ресурсную) базу силы каждого субъекта силового взаимодействия; 2) средства или способы, с помощью которых субъекты оказывают воздействие на объект (-ы); 3) сферы реализации силового воздействия, в том числе их количество; 4) число объектов, на которые может оказать воздействие каждый из сравниваемых субъектов; 5) вероятность изменения поведения объекта (-ов). Субъект, реализуя свой ресурсный потенциал или институциональное положение, задает рамочные ограничения относи-

тельно того, какие вопросы подлежат обсуждению, какие мнения и предложения могут быть рассмотрены или вообще озвучены. Суть силового взаимодействия заключается в ограничении возможностей контрагента озвучивать собственное мнение, отстаивать свою позицию и, как следствие, в принципе вступать в конфликт с субъектом.

В конце XX в. в теории международных отношений утверждается понятие «мягкая сила». С точки зрения одного из основоположников данной концепции Дж. Найя, «мягкая сила – это способность формировать или переделывать предпочтения других, не прибегая к насилию и подкупу». Иными словами, вводимое им понятие также фокусирует внимание на возможности субъекта силового воздействия достигать своих целей путем форматирования первоначальных интересов объектов, тем самым минимизировать вероятность возникновения конфликта. Объясняя разницу между «жесткой» и «мягкой» силой, Дж. Най утверждал: «Полное определение мягкой силы таково – это способность влиять на других посредством *сотрудничества* в формировании программы действий, убеждения и оказания *позитивного* привлекательного воздействия для достижения желаемых результатов».

Таким образом, атрибутивный и поведенческий подходы строятся на принципиально разном понимании статуса силы. Атрибутивный подход наделяет силу субстанциальностью и предполагает, что она внутренне присуща субъектам вне зависимости от наличия отношений между ними, поведенческий подход исходит из того, что сила является видом социального взаимодействия между субъектом и объектом и вне его не может быть познана. Иными словами, эти подходы к определению силы по своей природе носят взаимоисключающий характер.

Анализ процесса теоретического осмысления вооруженной борьбы со времен Античности до наших дней свидетельствует, что магистральным направлением научного поиска было решение задачи, как добиться победы при неблагоприятном соотношении сил. Возможность ее решения связывалась с личностью полководца, с военным искусством. В наиболее четком виде это выражено в известном афоризме А. В. Суворова: «Удивить – значит победить».

Революция в области военных технологий, которая произошла в XX в., сделала прежнее качественное отставание слабого принципиально иным, так как возник гигантский технологический разрыв. Как следствие, слабый оказался фактически беззащитным перед сильным. В частности, аэрокосмическая мощь США позволила им вести так называемые бесконтактные войны практически без потерь и при полном сохранении собственной неуязвимости (Югославия, Афганистан). «Асимметричным ответом» на этот гигантский технологический разрыв стала диверсионно-террористическая война. Это война практически без непосредственных боевых столкновений, в этом ее принципиальное отличие от двух других типов войн (обычной и партизанской), при которых объектом ударов являются вооруженные силы. При диверсионно-террористической войне главным объектом войны выступает государственная инфраструктура противника.

Сопоставляя эти три типа войн, нельзя не заметить существенного различия между ними в военно-техническом плане. В ходе регулярной войны дости-

жение ее политических целей имеет место в результате разгрома вооруженных сил противника или нанесения им серьезного поражения. В партизанской войне они достигаются благодаря нанесению вооруженным силам противника значительных потерь. При ведении диверсионно-террористической войны этого может вообще не потребоваться, т. е. вооруженные силы сохранены, но политически война оказывается проигранной (действия против израильской армии на юге Ливана в 1982–1985 гг.).

Высокая степень вариативности диверсионно-террористической войны размывает границу между ней и партизанской войной. Диверсионно-террористическая война представляет собой в известном смысле военно-политический феномен, возникший на стыке партизанской войны и политического терроризма.

Политический террор – это явление сугубо индивидуально-избирательное, а любая война – явление массовое. Убийство государственного или политического деятеля и даже серия актов войной еще не являются.

Первая диверсионно-террористическая война в строгом смысле слова имела место в России в начале XX в. Ее на протяжении нескольких лет (1904–1907 гг.) вела партия социалистов-революционеров (эсеров) против царского правительства. О размахе этой войны можно судить по числу потерь (1901–1911 гг.): 17 тыс. человек было убито и несколько десятков тысяч ранено. Только государственных служащих (солдат и полицейских) и чиновников различного ранга было убито более 2,5 тыс.

По своей природе диверсионно-террористическая война есть война городская. Малые города для нее гораздо менее перспективны ввиду отсутствия там достаточного числа крупных объектов для диверсий. Сельская местность – это зона, наиболее благоприятная для ведения партизанской войны. Это полностью подтверждается и опытом Великой Отечественной войны. В городах действовало подполье, специализировавшееся на разведке, диверсиях и саботаже. Партизанам удавалось создавать в лесистой местности так называемые освобожденные районы, из которых были изгнаны оккупационные войска и власти. Однако даже когда партизанским отрядам удавалось освободить города, они не стремились удерживать последние.

Четкая привязка партизанской войны к сельской местности делает ее чрезвычайно зависимой от рельефно-климатических условий. В Чечне отряды боевиков-сепаратистов с наступлением лета резко интенсифицируют свои операции и заметно свертывают их с наступлением зимы. Пример Чечни, да и не только ее, показывает, что границы между партизанской и диверсионно-террористической войной могут быть размытыми, но нельзя не видеть, что первая в той или иной степени всегда включает элементы второй, а вторая, как правило, не содержит сколько-нибудь значимых элементов первой (минимум боевых столкновений).

Процесс урбанизации сужает зону партизанской войны, так как ведет к ослаблению ее социальной базы (крестьянства). В то же время рост городов ведет к расширению зоны диверсионно-террористической войны. Но что касается социальной базы, то тут дело обстоит не столь однозначно. Она может варьироваться в зависимости от типа диверсионно-террористической войны.

Диверсионно-террористические войны подразделяют на внутренние (в пределах своей страны) и внешние (на территории иностранных государств). Целью внутренней войны является свержение существующего правительства или ликвидация иностранного господства. Целью внешней войны, как правило, заключается в изменении внешнеполитического курса правительства иностранного государства.

Внутренние диверсионно-террористические войны в зависимости от пространственного распространения делятся на локальные и крупномасштабные. Первые не выходят за рамки какой-то одной части страны (провинции или региона – ряд штатов в Индии, Синцзянь в Китае, баскские сепаратисты в Испании), а вторые охватывают ее целиком.

Деятельность правительства в отношении диверсионно-террористических войн реализуется в трех основных вариантах: помощь, поддержка и попустительство. В рамках первого варианта иностранное государство является фактическим, но косвенным участником внутренней войны, снабжает их финансовыми средствами, оружием, обеспечивает убежище и т. п. (Иран – Ирак, Ливия). Совет Безопасности ООН в этой связи даже был вынужден применить санкции против Ливии (Резолюция Совета Безопасности № 748) в 1992 г.

Вторым вариантом реакции правительства является поддержка. Она выражается в том, что правительство иностранного государства полуофициально заявляет о своем сочувствии действиям террористов, но делает это в критической форме, может оказывать им финансовую помощь под видом благотворительного, гуманитарного и подобного вклада, предоставлять убежище политическим эмигрантам и пр. Одновременно предоставляется полная свобода действий тем политическим и общественным организациям, которые оказывают помощь террористам.

Третий вариант позиции – попустительство. Правительство официально осуждает действия террористов, но с оговорками. Само оно им никакой помощи не оказывает, однако не препятствует это делать политическим и общественным организациям в полулегальной форме и в ограниченных размерах. Официально убежище боевикам-террористам стремится не предоставлять, но на их нелегальное проникновение реагирует сдержанно, предпочитая не высылать, а ставить под полицейский контроль.

Все сказанное по поводу внутренних диверсионно-террористических войн в основном относится и к внешним с некоторой корректировкой масштабности. В частности, крупномасштабность выступает в двух вариантах: ограниченной и всеобъемлющей диверсионно-террористической войны. В первом варианте диверсионно-террористические удары наносятся только по объектам, находящимся на территории иностранного государства-противника. Такого рода ограниченную внешнюю войну ведут, например, пакистанские исламисты против Индии. И наоборот, во втором случае им подвергаются все объекты, принадлежащие соответствующему государству-противнику, вне зависимости от их местонахождения. Именно один из подобного рода ударов послужил поводом для оформления понятия «международный терроризм». В сентябре 1972 г. в ФРГ группа палестинских боевиков террористов захватила, а затем уничтожила спортивную ко-

манду Израиля на Олимпийских играх. 16 декабря этого же года Генеральная Ассамблея ООН приняла специальную резолюцию о борьбе с международным терроризмом (Резолюция Генеральной Ассамблеи № 3034).

В соответствии с этой резолюцией был создан специальный комитет по международному терроризму, в состав которого вошли 34 государства, а также три подкомитета. Ими было принято 11 специальных конвенций и протоколов, однако политический эффект от всей этой дипломатической активности в целом оказался минимальным. Объясняется такой неутешительный результат разногласиями между членами ООН по поводу того, что следует, а что не следует считать терроризмом.

Любая война имеет более или менее четко выраженное идеологическое обоснование. Диверсионно-террористическая война не составляет в этом плане исключения, ее ведут только добровольцы, фанатики определенной идеи. Первая мировая война продемонстрировала очевидную тенденцию к отказу от конвенциональности, что было осознано и привело к появлению целого ряда международно-правовых актов, призванных не допустить этого. Однако все усилия по сохранению конвенциональности оказались тщетными. Вторая мировая война наглядно продемонстрировала, что уничтожение мирного населения стало одной из целей боевых действий. Место конвенциональной войны заняла тотальная.

Инициатором развязывания тотальной войны стала нацистская Германия, но ее апофеозом явилась атомная бомбардировка японских городов Хиросимы и Нагасаки, где не было никаких военных объектов. Политическое и военное руководство США не скрывало, что ее целью было именно уничтожение мирного населения в максимальных масштабах. Атомная бомбардировка была своего рода переносом тотальной войны из Европы в Азию, продолжением стратегии уничтожения населения немецких городов, которой придерживалось руководство западных союзников на заключительном этапе войны.

К предельно аморальному способу ведения войны прибегли государства с диаметрально противоположными политическими идеологиями (фашизм и либерализм) и политическими режимами (диктатура и демократия). И если действия руководителей гитлеровской Германии, которые открыто демонстрировали свой аморализм, были вполне естественными, то «симметричный ответ» западных союзников был ничем иным, как возрождением обычая кровавой мести («кровь за кровь»). Обычно для оправдания подобного рода действий как раньше, так и теперь используется аргумент военной целесообразности (минимизация собственных потерь). Данный аргумент не выдерживает никакой критики даже с военной точки зрения, не говоря уже о политической. В этой связи нельзя не отметить, что советское руководство во главе с И. В. Сталиным не пошло по этому пути, несмотря на очень серьезные основания (чудовищные зверства гитлеровцев на оккупированной территории). Сталин: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается».

Предельный аморализм, продемонстрированный в ходе Второй мировой войны, самым непосредственным образом повлиял на формирование представления о допустимости и даже эффективности уничтожения мирного населения как способа достижения военных и политических целей. Это не могло не ока-

зать влияния на умонастроение организаторов и руководителей диверсионно-террористических войн, а через них – и на массу боевиков-террористов.

В 1960-е гг. оформилось два подхода к уничтожению мирного (гражданского) населения: узкой и широкой избирательности (опыт итальянских «красных бригад», которые стали осуществлять диверсии против пассажирских поездов, так называемый слепой террор против гражданского населения с целью поднять на борьбу с правительством «инертную и несознательную массу»). Об избирательности речи не могло быть).

В этом плане противоположный пример продемонстрировало палестинское движение сопротивления, которое начало диверсионно-террористическую войну с Израилем, имея четко сформулированную концепцию ее ведения. Эта война с самого начала мыслилась как тотальная война на истощение (датой ее рождения можно считать 1965 г.). Для нее характерна достаточно строгая логика: целью войны является не военный разгром Израиля, а его демографическое истощение (блокировать приток эмигрантов, стимулировать отток еврейского населения из Израиля). В рамках этой концепции удары по военным и административным объектам были, в сущности, вспомогательными.

Всеобъемлющая диверсионно-террористическая война против Израиля стала перерастать в ограниченную войну против ряда западноевропейских государств (Франции, Германии, Италии), а также США. Ее целью было заставить их изменить свою позицию в арабо-израильском конфликте. Применительно к западноевропейским государствам эта цель была в основном достигнута. Что касается США, то тут результат оказался не столь однозначным, хотя определенная подвижка в их позиции произошла.

Само по себе использование диверсантов-смертников не есть нечто принципиально новое. Достаточно вспомнить знаменитых японских камикадзе. Были случаи использования их и для осуществления актов индивидуального политического террора. Идейным базисом их массовой подготовки стала конфессиональная идеология. Ни классовые, ни даже националистические идеологии не смогли стать таковыми.

Из трех мировых религий пока только ислам выдвинул идеологическую доктрину, обосновывающую диверсионно-террористическую войну. В первом приближении ее необходимость была сформулирована еще в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в работах руководителей организации «Братья-мусульмане». На этой идейной основе в 1970-е гг. происходило развитие движения исламских фундаменталистов (исламистов), которое с самого начала взяло на вооружение политический террор, а затем и диверсионно-террористическую войну. В глазах исламистов США стали не просто пособником «сионистских банд» (Израиля), а врагом, без серьезного ослабления которого Израиль не может быть уничтожен. Более того, в трактовке крайних исламистов власть в США находится в руках евреев, от которых они должны избавить американский народ.

Критерий потерь более надежен при оценке степени эффективности, однако в основном военной, но не политической. Применительно к последней особую значимость приобретают крупные акции и операции, поскольку именно они оказывают наибольшее воздействие на умонастроение политической элиты

и общественное мнение, даже если число потерь оказывается не очень большим. Пример «Норд-Оста» в этом отношении достаточно характерен.

Они порождают атмосферу недоверия к способности государственной власти обеспечить элементарный уровень безопасности. К мелким диверсиям и террористическим актам общественное мнение обычно привыкает, как привыкает к дорожно-транспортным происшествиям. Они начинают восприниматься как некое неизбежное зло, даже если потери при этом будут немалыми.

До тех пор, пока число мелких диверсий и террористических актов не достигает некой «критической массы», их воздействие на политический курс правительства незначительно, а следовательно, и степень политической эффективности диверсионно-террористической войны может быть квалифицирована как низкая. И наоборот, крупные акции и операции зачастую приводили к корректировке и даже полной смене этого курса. Примером подобного рода можно считать рейд Ш. Басаева на Буденновск, представлявший собой комбинацию партизанских и террористических действий. Российское правительство, по существу, в этом случае пошло на капитуляцию.

Борьба с исламистами является делом сложным и длительным, поскольку их движение интернационально. Оно имеет достаточно прочные позиции не только в мусульманском мире, но и в ряде западноевропейских государств. Это движение хорошо замаскировано, обладает мощной легальной инфраструктурой, которая действует, опираясь на один из основополагающих принципов прав человека (принцип свободы совести).

Несмотря на достаточно высокую автономию его национальных отрядов, движение обладает мощным финансовым спонсором и идеологическим лидером в лице Саудовской Аравии. Таким образом, диверсионно-террористическая война исламистов с США органично вписывается в идейную конфронтацию американского и исламского мессианства. Каждое из них претендует на роль «спасителя» человечества.

Вопросы для самоконтроля

1. Объясните понятия «жесткая сила» и «мягкая сила», применяемые в прикладном анализе международных отношений.

2. Дайте определение понятию «война» и назовите основные типы войн.

3. Сформулируйте специфику диверсионно-террористических войн.

4. Назовите основные декларации ООН по противодействию международному терроризму.

5. Какая из мировых религий выдвигает доктрину обоснования диверсионно-террористической войны?

РАЗДЕЛ 4. АНАЛИЗ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

4.1. Генезис мировой системы международных отношений и ее регулирование

Генезис системы международных отношений можно отнести ко времени перехода человечества от родо-племенного общества к государственно-организованному. Тогда система международных отношений носила трансконтинентальный, а не мировой характер и была окружена племенной средой. Трансконтинентальная система международных отношений оставалась простой в том смысле, что ее системообразующий элемент (государство) был единственным.

Усложнение состава системы международных отношений произошло в результате появления мировых религий и церкви как самостоятельного институционального субъекта международных отношений. Наряду с межгосударственным взаимодействием стало развиваться и взаимодействие между церквями. Католическая церковь претендовала на власть над государствами Западной Европы, но все же оставалась второстепенным элементом системы международных отношений. Вслед за ней появились политические партии и общественно-политические организации.

Доминирующей тенденцией эволюции состава системы международных отношений стала все большая *диверсификация второстепенных элементов в сочетании с быстрым ростом их численности*. Апогеем развития данной тенденции можно считать XX в. и особенно его вторую половину, когда имел место еще и бурный рост числа государств.

Тенденция роста численности государств вела к дифференциации состава системы международных отношений. Одновременно ей противостояла и противостоит интегративная тенденция, выразителями которой выступали «мировые империи» (Ассирийская империя, Арабский халифат, империя Наполеона, Персидская империя, империя Чингисхана, Великогерманская империя Гитлера, империя Александра Великого, империя Тамерлана, «империя» СССР, Римская империя, Османская империя, «империя» США). Создание «мировых империй» происходило в результате военной экспансии, а также экономической мощи, культурного, идеологического влияния.

После Второй мировой войны интенсивно стала развиваться добровольная интеграция, которую олицетворяет огромная сеть правительственных и неправительственных международных организаций. В рамках системы международных отношений структурообразующую связь обеспечивают политические отношения. По мере интенсификации интегративного процесса другие типы связей приобретают все большее значение.

Процесс глобализации трансформирует мировой рынок в мирохозяйственный комплекс и способствует увеличению значимости кооперативных экономических связей. В связи с переходом человеческой цивилизации с индустриальной на постиндустриальную стадию нарастает влияние научно-технических и культурных связей. Диверсификация и интенсификация взаимосвязей элементов системы международных отношений делали ее все более це-

лостной. Исключением в этом смысле было и остается военное конфронтационное взаимодействие в форме вооруженных конфликтов (войн).

Доминирующей составляющей международных отношений является внешняя политика государств, и прежде всего великих держав. С известной долей условности можно считать их носителями верховной власти в системе международных отношений. Следовательно, в системе международных отношений существует некий порядок распределения власти и собственности. В этой связи неизбежно встает вопрос о мере деструктивности войн. Действительно деструктивными являются лишь войны между великими державами, а также между ними и крупными государствами. К данной категории в строгом смысле слова может быть отнесена Первая и Вторая мировые войны и с известной долей условности Наполеоновские войны.

Системный подход означает рассмотрение международных отношений как организованного целого, отграниченного от своего окружения (среды). (Система – устойчивая совокупность взаимосвязанных элементов, образующих некоторую целостность.) Выделяют три уровня системного анализа: 1) состав – элементы; 2) внутренняя структура и ее взаимосвязи; 3) внешняя структура и взаимосвязи со средой. Изменение состава и структуры свидетельствует об эволюции системы международных отношений. Изменение внешней структуры также оказывает влияние на поведение системы. Применительно к системе международных отношений о ее внешней структуре можно говорить весьма условно, так как ее средой является природная оболочка. Социальная среда в точном смысле слова у нее отсутствует.

Исследование системы международных отношений может осуществляться на уровне ее элементов и их взаимодействия между собой. Именно их состояние характеризует качественную определенность любой системы. Если система не является простой (однородной), то разнородность ее состава находит свое выражение в дифференциации элементов на главные (системообразующие) и второстепенные. Второстепенные элементы могут меняться, а системообразующий элемент не может, так как он определяет содержание системы. Смена системообразующих элементов свидетельствует о качественном преобразовании системы.

Инвариантом системы международных отношений является государство. До тех пор, пока оно остается системообразующим элементом, природа системы (государствоцентричная) остается неизменной. Если государство перестанет быть таковым, уйдет в прошлое и система международных отношений в ее нынешнем виде. Представители мондиалистов считают, что на смену национальному государству придет мировое государство. Антиглобалисты утверждают, что до этого еще достаточно далеко.

Регулирование международных отношений не предполагает однозначной детерминации поведения субъекта (т. е. управления), иными словами, сохраняет за ним свободу воли. Применительно к государству это означает сохранение его суверенитета.

Можно выделить три уровня регулирования системы международных отношений: морально-этическое; правовое; институциональное.

Морально-этическое регулирование является исторически первым, исходным, которое возникло еще до оформления межгосударственных отношений. Морально-этические нормы складывались на протяжении длительного периода. Еще межплеменным отношениям было свойственно соблюдение определенных принципов взаимодействия, прежде всего, естественно, между родственными и дружественными племенами. Базируется на неписаных, но общепризнанных в качестве императивных нормах и правилах, которых в своем поведении на международной арене должны придерживаться как государства, так и другие участники международных отношений. В противном случае они будут подвергнуты осуждению, бойкоту и даже санкциям. Некоторая часть этих неписаных правил была уже в XX в. инкорпорирована в международное право в качестве основополагающих принципов. Слабость морально-этического регулирования в том, что в мире существовали и продолжают существовать различия в трактовке принципов морали и нравственности. Это связано с межцивилизационными различиями между государствами.

Правовое регулирование подразумевает наличие юридически обязывающих норм, вытекающих из международно-признанных соглашений. Корпус этих норм именуется международным правом. Международно-правовое регулирование также складывалось исторически постепенно. В Древней Греции культивировалась идея мира или временного перемирия на период важных общенациональных событий (например, Олимпийские игры). Позднее эти идеи были подхвачены католической церковью, время от времени провозглашавшей божье перемирие для организации вселенских соборов либо по случаю значимых религиозных праздников.

Регулировать можно состояние или поведение. Первоначально речь шла о регулировании внешнеполитической деятельности государств, прежде всего использования военной силы. Однако введение концепции универсальной защиты прав человека ознаменовало переход от регулирования поведения к регулированию состояния, т. е. характера политического режима, что в принципе означает замену авторитарных режимов демократическими.

Стратегическая линия Запада предусматривает формирование единого мирового правового пространства, в котором регулирование распространялось бы не только на межгосударственные отношения, но и на внутрисударственные процессы, иначе говоря, на отношения между населением и режимом. Примером этого служит Страсбургский суд по правам человека. Нетрудно заметить, что формирование единого правового пространства происходит на основе прав человека и курса на демократизацию мира. Для современного международно-правового сознания характерен примат международного права над внутренним законодательством. Вместе с тем концепция прав человека объективно противостоит концепции суверенитета, ведет к отказу от принципа «невмешательства во внутренние дела» в межгосударственных отношениях, что провоцирует основание для иностранной интервенции.

Институциональное регулирование тесно связано с правовым регулированием. Эффективность правового регулирования зависит от возможности применения санкций в отношении нарушителей норм, в противном случае оно

оказывается еще менее действенным, чем морально-этическое регулирование, обладающее лишь инструментом осуждения. Вопрос о санкциях напрямую увязан с вопросом о легитимности принимаемых по этому поводу решений и отсюда – с учреждением соответствующих институтов. Такова логика возникновения институционализма как формы регулирования, которая в основном сложилась в XX в. Первые попытки проложить дорогу этому виду регулирования были предприняты в Европе на Венском конгрессе и последующих посольских конференциях пяти великих держав, призванных регулировать отношения между европейскими государствами на принципах недопустимости революции и поддержки монархического строя.

Подлинно глобальной институциональной формой была Лига Наций, но ее опыт был неудачным, поскольку она долгое время не включала такие ведущие державы, как СССР и США (США так и не вступили в Лигу Наций), а система санкций была прописана весьма условно (карательный механизм был снабжен многими оговорками). На этом фоне ООН выглядит несравненно более совершенным институциональным институтом. Однако в условиях холодной войны ее деятельность на основных уставных направлениях (поддержание мира и безопасности) была крайне затруднена. Но тогда же, в разгар биполярной конфронтации, заработал новый центр глобального регулирования – «Группа семи». Первоначально группа была создана как временный форум для обсуждения путей преодоления последствий нефтяного кризиса 1973 г., однако в ее повестку дня довольно скоро вошли и политические вопросы. В отличие от Совета Безопасности ООН, который работает в режиме оперативного реагирования на обострение конкретных политических и военно-политических ситуаций, «Семерка» стремится выработать долгосрочные параметры развития мира, охватывая всю структуру системы международных отношений. Решения «Группы семи» представляют важные сигналы всему остальному миру, поскольку представляют позицию наиболее могущественных держав.

Таким образом, можно констатировать факт поступательного развития системы международных отношений, достигшего максимальной интенсивности в XX в., что нашло свое выражение прежде всего в формировании постоянного институционального компонента регулирования. Ничего подобного история системы международных отношений ранее не знала. Альтернативой данной тенденции были «мировые» империи, создатели которых претендовали на власть над миром, т. е. на управление им авторитарными методами. Сегодня данный идеал носит название «однополярный мир», возглавляемый США. Эта авторитарная тенденция неизбежно ведет к отрицанию идеи регулирования, побуждает правящие круги США прибегать к вооруженному насилию, игнорируя нормы международного права и действуя в обход ООН (Югославия, Ирак, Ливан, Афганистан).

Вопросы для самоконтроля

1. Выделите основные этапы генезиса международных отношений.
2. Назовите основные уровни системного анализа международных отношений.

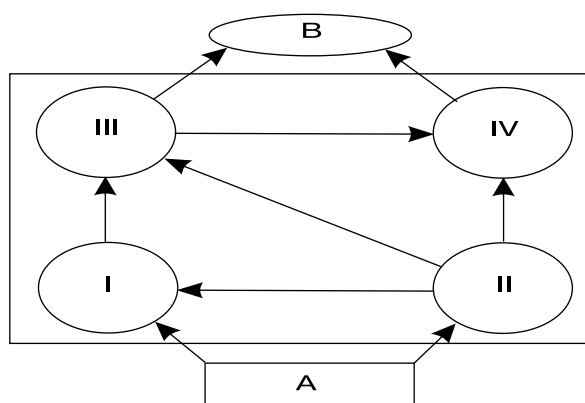
3. Назовите основные уровни регулирования системы международных отношений.

4. Сформулируйте основные тенденции развития современной системы международных отношений.

4.2. Внешнеполитическая программа: анализ целеполагания

Мировые политические процессы реализуются в результате взаимодействия участников международных отношений, причем главным образом государств. Внешнеполитическая деятельность (внешнеполитический курс) государства в основном носит планомерный характер. Недостаточная разработанность внешнеполитической программы делает внешнеполитический курс непоследовательным и создает государству имидж «непредсказуемого».

В программу вносятся и должны вноситься коррективы по мере изменения состояния самого государства и его международной среды. Однако подобного рода коррекция не должна затрагивать базовых положений программы. В противном случае программа является неадекватной, а внешнеполитический курс государства ведет к большим проблемам в области национальной безопасности. Как ментальная система внешнеполитическая программа имеет следующий вид (рис. 4.1).

I – интересы; II – ресурсы; III – цели; IV – образ действий

A – субъект международных отношений (государство); B – внешнеполитический курс

Рис. 4.1. Модель внешнеполитической программы

Приведенная на рис. 4.1 схема дает лишь общее представление о внешнеполитической программе и ее составляющих и в силу этого нуждается в пояснениях и уточнениях, необходимых для того, чтобы избежать неправильной интерпретации. Перейдем к рассмотрению ее составляющих в указанном порядке.

Исходным мотивом любой жизнедеятельности является потребность, однако, в отличие от животных, человек осознает свои потребности и в известных пределах может регулировать их удовлетворение. Соответственно, *осознанная потребность выступает как интерес*. Как следствие, интерес имеет дуалисти-

ческую природу: объективную в виде потребности и субъективную в виде ее осознания. Поскольку познавательные (когнитивные) возможности сознания всегда ограничены (невозможно познать абсолютную истину), то в процессе осознания всегда имеются ошибки и недостатки.

Несовершенство осознания сказывается тем сильнее, чем дальше социальные потребности удаляются от биологически детерминированных (материальных потребностей индивида). Соответственно, возрастает значимость их адекватного осознания. Потребность населения страны в продуктах питания, воде, энергии и т. п. осознается автоматически, и наоборот, внешнеполитические потребности требуют немалых интеллектуальных усилий для своего осознания (за исключением потребности защиты от сильного и агрессивного врага).

Политическое сознание, через которое происходит процесс осмысления потребности, имеет трехчленную композицию: психология – идеология – наука. Причем наука включена в политическое сознание относительно недавно и далеко не везде. Пока это удел великих держав и крупных государств.

Роль науки находит свое выражение в развитии все более плотной системы научно-исследовательских институтов и центров. Тем не менее именно идеология формулирует тот политический идеал, достижение которого становится самоцелью (самоценностью). Политический идеал представляет собой синтез соответствующих ценностей. Политический идеал отнесен к предельно отдаленному будущему и характеризуется временной неопределенностью. В результате возникает широкое поле для спекуляций и утопий.

Следствием несовершенства сознания и идеологической заданности становится возникновение трех типов интересов:

- действительные интересы, которые представляют адекватно осознанные потребности;
- мнимые интересы, представляющие осознание несуществующих потребностей;
- неосознанные интересы, при которых отсутствуют или неадекватно осознаются существующие потребности.

По рангу значимости интересы подразделяют на жизненно видные (главные), приоритетные (основные) и неприоритетные (второстепенные). В качестве общих тенденций выступают:

- стремление завышать ранг значимости своих интересов и понижать его у партнеров и оппонентов;
- высокий ранг значимости мнимых интересов, если они связаны с идеологической заданностью.

Внешняя политика является монопольной прерогативой государства, поэтому и внешнеполитический интерес формулируется в рамках государственного аппарата. Как правило, это происходит в процессе взаимодействия трех основных внешнеполитических ведомств: министерства иностранных дел, министерства обороны и спецслужб. Другие органы исполнительной и законодательной власти в подавляющем большинстве случаев лишь вотируют сформулированный внешнеполитический интерес.

Члены указанной «триады» (МИД, МО и спецслужбы) выполняют различные функции (МИД – кооперативные, а министерство обороны и спецслужбы – конфронтационные связи), поэтому перед главой государства и его аппаратом стоит задача поддержания баланса между ними (межведомственного баланса). Если доминируют представления военного ведомства, то это приводит к гипертрофии внешней угрозы, и тем самым внешнеполитический интерес сводится к военно-стратегическому («Мир есть перерыв между войнами»).

На оформление внешнеполитического курса оказывают влияние министерства финансов и экономики, а также различные политические и экономические силы, которые ведут постоянную борьбу за включение своих интересов в состав государственных. В случае успеха последних может происходить подмена государственного интереса частным (партийным, корпоративным и т. п.).

Интересы государства и общества в большей или меньшей степени совпадают, но не тождественны. Во-первых, государственный аппарат обособлен от общества и представляет собой корпорацию со своими интересами (весьма коррупционными). Во-вторых, само общество в силу его дифференциации может иметь противоположные интересы. Особенно опасным при формулировании государственного интереса является его подмена экономическими интересами бизнес-корпораций, которые в соответствии с логикой рыночных отношений стремятся к максимальной прибыли (олигархический капитализм, интересы «Газпрома»).

Негативное влияние отмеченных обстоятельств могла бы нейтрализовать четко артикулированная политическая идеология (нельзя путать с идеологической заданностью). Пока у России такой идеологии нет. Однако для крупных государств, а тем более великих держав наличие собственной внешнеполитической идеологии обязательно.

Как ментальная система внешнеполитическая (и политическая в целом) идеология содержит четыре основных аспекта:

1. *Селективный аспект* – выбор идеала. В самом общем виде принято выделять два альтернативных типа политического идеала: авторитарный (автократический или олигархический) и демократический. В рамках системы международных отношений авторитарный идеал – это мировая гегемония одного государства или даже «мировая» империя, окруженная сателлитами, а олигархический – мировая гегемония партнерской коалиции (возможно, даже вассальной). Несложно заметить, что политическая элита США после окончания холодной войны сделала выбор в пользу авторитарного идеала, причем республиканцы – авторитарного, а демократы – олигархического. Налицо своего рода политический парадокс, когда во внутренней политике государство демократическое, а во внешней – авторитарно ориентированное. Демократический внешнеполитический идеал представлен в Уставе ООН.

2. *Компаративный аспект* – соотношение идеала с реальностью. В сущности, это оценка существующего состояния системы международных отношений как удовлетворительного (приемлемого) или неудовлетворительного (неприемлемого). Первая предполагает постепенное улучшение на пути к идеалу, а вторая – кардинальное изменение. В последнем случае это неизбежно приводит к радикализации идеологии.

3. *Релятивный аспект* – выбор субъекта реализации идеала. Всякий идеал предполагает наличие субъекта, который призван добиваться его осуществления. Консервативная внешнеполитическая идеология допускает широкий спектр субъектов, а радикальная предполагает лишь одного («мессианство»), который при этом может создавать некую коалицию. «Мессианскими» субъектами могут быть не только государства, но и другие политические участники международных отношений, в частности политические партии или движения, но лишь потенциально, до тех пор, пока не захватят власть в определенном государстве (например, большевики в России). Радикальная внешнеполитическая идеология всегда является и «мессианской», хотя отнюдь не в одинаковой степени.

4. *Нормативный аспект* – выбор метода реализации идеала. Реализация идеала всегда предполагает выбор некоего образа действий: отсутствие каких-либо норм (правовых или морально-этических), ограничивающих его применение, делает внешнеполитическую идеологию экстремистской («Кто не с нами, тот против нас»), и наоборот, их наличие позволяет считать ее умеренной.

Внешнеполитическая идеология задает общую ориентацию всему процессу осознания. В качестве альтернативы ей в настоящее время выступает наука. Значимость последней возрастает. Наглядным подтверждением является быстрый рост числа научно-исследовательских институтов и центров. Однако наука не может потеснить идеологию, ибо наука не призвана формулировать идеал. Есть принципиальное различие между наукой и идеологией. Идеология опирается на ценности, на основе которых она структурирует общественное сознание, а наука опирается на факты и преследует цель – познать истину. Все научные истины относительны, а идеал – это абсолют.

В силу своей абстрактности внешнеполитическая идеология определяет лишь общие контуры внешнеполитической деятельности, причем опосредствованно через внешнеполитические доктрины. Они всегда конкретны и достаточно динамичны. Срок их «функционирования» лимитирован (долгосрочная политическая цель – 10–12 лет). В случае необходимости они могут корректироваться.

Внешнеполитическая идеология отражает перспективную цель (цели) и принципы, а внешнеполитическая доктрина – долгосрочные и среднесрочные цели и соответствующие стратегии. Доктрины предполагают разработку плана внешнеполитических мероприятий (операций) по ее реализации. Его выполнение представляет собой целенаправленную внешнеполитическую деятельность, т. е. внешнеполитический курс. Характер поставленных целей делает его активным (активные цели) или реактивным (охранительные цели). Экстремальным вариантом активности является экспансионизм и агрессивность. (Внешнеполитическая идеология: перспективные цели и принципы; внешнеполитическая доктрина: стратегия реализации целей с разбивкой на долгосрочные и среднесрочные.) Доктрина обладает четко выраженной пространственной ориентацией, что создает геополитическую иерархию доктрин. В зависимости от размера геополитической сферы целеполагания можно выделить *масштабный* (глобальный, континентальный) и *партикулярный* (субконтинентальный, региональный) внешнеполитический курс. Значительное увеличение объема ресурсов порождает тенденцию к расширению геополитической сферы целеполага-

ния и, как следствие, преобразованию партикулярного внешнеполитического курса в масштабный и наоборот. Это особенно наглядно, когда государство оказывается в состоянии затяжного социально-экономического и политического кризиса.

В связи с этим нельзя не упомянуть вариант партикулярного курса, получивший название *прагматического*. Для него характерна не только крайне ограниченная сфера целеполагания, но и условное наличие внешнеполитической доктрины, так как планирование не идет дальше среднесрочных целей – в лучшем случае. О какой-либо четкой внешнеполитической идеологии в этом случае трудно говорить.

Внешнеполитический курс – это планируемая деятельность, где экспромт возможен и даже иногда желателен исключительно на тактическом уровне. Чем тщательнее и качественнее внешнеполитическое планирование, тем эффективнее курс. Обеспечение такого рода планирования (обычно используется термин «стратегическое планирование») – задача достаточно сложная. Хотя общество в принципе гораздо более индифферентно к внешним делам, чем к внутренним, однако общественное недовольство (особенно неудачные войны), достигнув определенной критической черты, порождает ультимативное требование смены внешнеполитического курса (как правило, локального).

Удовлетворение требований об изменении внешнеполитического курса означает как минимум отказ от какой-то доктрины и как максимум смену всей внешнеполитической идеологии. В этом последнем случае налицо кардинальный переворот, т. е. замена одного общего внешнеполитического курса другим. В этом случае нарушается преемственность внешней политики данного государства. Это сопровождается официальной или неофициальной денонсацией ранее заключенных договоров и соглашений. Не обязательно, естественно, всех и сразу. Какие-то могут сохраняться, а другие денонсироваться или не пролонгироваться по истечении некоторого периода (изменение внешнеполитического курса РФ в 1990-е гг.).

Кардинальное изменение общего внешнеполитического курса – явление достаточно редкое, чего нельзя сказать о локальном. Это объясняется тем, что в локальных рамках внешнеполитический курс в некоторых случаях подвержен влиянию случайностей, среди которых главную роль играет степень противодействия со стороны оппонента или противника. Корректировке подвергаются все же в основном стратегия и тактика.

Следует иметь в виду, что неадекватная стратегия самым негативным образом влияет на эффективность тактики, и наоборот. Тактика в наибольшей степени зависит от таких случайностей, как субъективные особенности и психологическое состояние исполнителя (исполнителей). Само по себе правильное тактическое планирование не является гарантией успеха.

Будучи сформулированными, внешнеполитические интересы предполагают наличие соответствующих ресурсов. Под *ресурсами* понимается *все то, что дает возможность субъекту действовать и воздействовать на других*. Воздействие может быть материальным и информационным. Оно протекает во времени и пространстве и должно быть упорядоченным. Выделяют пять основ-

ных категорий ресурсов: материальные, информационные, время, пространство (геопространство) и организационные.

Материальные ресурсы распределяются по следующим типам: природные, людские (демографические), военные (военная сила) и экономические (экономическая мощь). Материальные ресурсы оказывают влияние самим фактом своего наличия.

Информационные ресурсы – это средства политического, идеологического, научного и культурного влияния. Все эти виды влияния являются управляемыми, т. е. субъект может их использовать строго направленно.

Пространственные ресурсы – общая протяженность пространства, выгодное географическое положение, защищенность естественными границами, климат и пр.

Организационные ресурсы – способность государственного аппарата правильно формулировать государственные интересы и рационально использовать имеющиеся ресурсы (все четыре категории) для их удовлетворения (наличие институтов, ориентирующих на развитие). Политическая элита должна обеспечить реализацию адекватных политических решений. В противном случае коэффициент полезного действия государственного аппарата резко снижается, что неизбежно ведет к бесполезной растрате всех других их категорий. И. В. Сталин выразил это известным тезисом: «Кадры решают все».

Особенностью организационных ресурсов является то, что их дефицит в принципе не может быть компенсирован другими, ибо организационные ресурсы призваны обеспечивать рациональное использование всех прочих категорий.

Ресурс времени (физическое время и политическое время). В зависимости от возможности немедленного использования ресурсы могут быть подразделены на реальные и потенциальные. Ресурсы первой категории субъекты международных отношений и, в частности, государства в состоянии задействовать немедленно, а вторые – лишь через некоторый период, причем с той или иной степенью вероятности. Она тем выше, чем большим ресурсом времени располагает субъект. В условиях дефицита времени ему это, может, и не удастся. Следует учитывать не только физическое время, но и то, что принято называть политическим временем. Например, в процессе переговоров оба участника склонны пойти на компромисс. Если ни одна из сторон не предпримет шагов по его достижению, то ресурс политического времени не будет использован. Однако в последующем подобного рода ресурс политического времени может вновь появиться, и в этом коренное отличие политического времени от физического, которое невозпроизводимо. Физическое время в этом смысле абсолютно, а политическое – относительно.

Ресурсы предназначены для удовлетворения интересов, и, соответственно, по отношению к этим последним они могут быть достаточными, недостаточными (дефицитными) и избыточными. Избыточность ресурсов в основном относится к материальным ресурсам и ресурсам пространства. В современном мире ресурсный дефицит возрастает (в частности, энергетический).

У подавляющего большинства государств дефицит одного вида ресурсов компенсируется за счет других. Ресурсный дисбаланс (временный или постоянный)

ный) преодолевается с большими трудностями. Для Китая на протяжении всей его истории была характерна избыточность людских ресурсов. Для современной России характерно соотношение пространственной избыточности и быстрого сокращения людских ресурсов (так называемый русский крест).

В рамках системы международных отношений именно состояние ресурсов государств является основным критерием их статусной иерархии: великие державы, крупные, средние, малые и карликовые государства.

Базовым элементом внешнеполитической программы выступает интерес. Состояние ресурсов государства определяет возможность его удовлетворения, что находит свое выражение в процессе целеполагания. Интерес – это желательное, цель – возможное желательное. Интерес преобразуется в цель, будучи подкрепленным соответствующими ресурсами.

Переоценка степени достаточности ресурсов ведет к постановке недостижимых целей, что дезорганизует процесс целеполагания. В этой связи следует остановиться на так называемом эффекте пропагандистского бумеранга, когда собственная пропаганда начинает негативно влиять на целеполагание. Пропаганда ориентирована на гипертрофирование успехов и замалчивание неудач. Сфера внешней политики объективно дает для этого немалые возможности, вплоть до интерпретации неудач как успехов. В результате пропаганда формирует неадекватную картину мира, которая начинает влиять даже на осознание ситуации правящей политической элитой, которая в той или иной степени становится объектом собственной же манипуляции.

Процесс внешнеполитического целеполагания ориентирован на разработку строго структурированной системы целей. Она может быть представлена в следующем виде (табл. 4.1).

Таблица 4.1

Матрица целеполагания

Пространство	Время			Перспективные (без срока фиксации)
	Краткосрочные (до одного года)	Среднесрочные (до пяти лет)	Долгосрочные (до десяти лет)	
Локальные				
Региональные				
Субконтинентальные				
Континентальные				
Глобальные				

Под *локальной целью* подразумевается определенный субъект международных отношений, причем не только государство, но и политическая или общественно-политическая организация. Разделение пространственной сферы на пять уровней позволяет более или менее четко представить размер того поля целеполагания, которое присуще тому или иному государству в зависимости от его статусного ранга в рамках системы международных отношений.

Малые и средние государства, как правило, не выходят за пределы регионального, крупные – субконтинентального, а великие державы выходят на гло-

бальный уровень, хотя могут ограничиваться и континентальным (доктрина Монро). В настоящее время в строгом смысле слова лишь США осуществляют целеполагание на глобальном уровне.

Наряду с пространственной сферой целеполагания в табл. 4.1 прочерчен и его временной диапазон: цели дифференцированы по срокам их реализации. Соответственно, краткосрочные – до года, среднесрочные – до пяти лет, долгосрочные – до десяти лет и, наконец, перспективные – без фиксированного срока реализации. Это вполне объяснимо, ибо чрезвычайно сложно спрогнозировать состояние ресурсов через несколько десятков лет.

После окончания холодной войны и развала СССР США открыто декларируют свою глобальную перспективную внешнеполитическую цель – создание «нового мирового порядка», т. е. тотальную «американизацию» мира. В контексте «нового мирового порядка» он выражен в идее демократизации мира, что означает ликвидацию всех авторитарных политических режимов в мире, идея демократизации сочетается с идеей установления тотального мирового господства США.

Идея демократизации мира официально позитивно воспринимается большинством государств, но этого никак нельзя сказать об идее тотального американского мирового господства. Даже союзники США по НАТО упрекают за ту поспешность, которая преобразует перспективную цель в долгосрочную. Подобного рода поспешность, видимо, не случайна. В этом отношении весьма показательным утверждением Дж. Буша – младшего в сентябре 2002 г.: «Время не на нашей стороне». Его трудно интерпретировать иначе, как констатацию дефицита ресурса социального (точнее, конечно, политического) времени. Является ли данный дефицит реальным или мнимым, трудно утверждать определенно, но факт его осознания несомненен.

Дефицит ресурса времени (как физического, так и социального) стимулирует тенденцию сокращения временного диапазона реализации цели, а также использование вооруженного насилия в качестве наиболее мощного средства воздействия, что повышает вероятность превращения достижимой цели в недостижимую. Следствием этого является бесполезный расход ресурсов. Выбор неадекватного образа действий ведет к понижению данной вероятности, иногда вплоть до нулевой величины. Следовательно, цель временно, до смены образа действий, оказывается недостижимой.

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите основные элементы модели внешнеполитического курса.
2. Какие ведомства оказывают наибольшее влияние на формирование внешнеполитического курса государства?
3. Сформулируйте роль идеологии в оформлении внешнеполитического курса государства.
4. В чем отличие внешнеполитической идеологии от внешнеполитической доктрины?
5. Назовите основные категории ресурсов. Какова их роль в осуществлении внешнеполитического курса?

4.3. Анализ международных политических процессов и взаимодействий

Наличие ресурсов обеспечивает достижение цели, но это отнюдь не является гарантией в каждом конкретном случае. Важная составляющая успешного достижения цели – выбор эффективного образа действий.

Внешнеполитические принципы в современном мире базируются на общепринятых морально-этических нормах и международном праве. Если первые оформились еще на заре существования цивилизации, то международное право возникло относительно недавно и еще продолжает развиваться. Последний инновацией в нем можно считать концепцию прав человека. США адаптировали данную концепцию к своим внешнеполитическим интересам, что фактически означает легитимацию «права сильного».

Декларирование принципов конвенциональности далеко не всегда тождественно их соблюдению. Оно может носить и маскировочный характер. История знает ряд примеров полного, причем как декларативного, так и реального отказа от них. Наиболее наглядным примером была гитлеровская Германия. Чаще всего имеет место отказ от соблюдения норм международного права в категоричной форме. Что же касается общепринятых морально-этических норм, то отказ от их соблюдения, как правило, не декларируется и, более того, тщательно маскируется. Таким образом, между декларируемыми внешнеполитическими принципами и реально действующими может быть «дистанция огромного размера».

Реально соблюдаемые такого рода принципы детерминируют выбор внешнеполитической стратегии и тактики. Если государство придерживается принципов конвенциональности, то и его стратегии в подавляющем большинстве случаев конвенциональны, и наоборот.

На соблюдение принципов, а следовательно, и выбор стратегии самым непосредственным образом влияет характер перспективной и долгосрочных целей. Охранительная цель коррелируется с конвенциональной стратегией, а решительная активная – с неконвенциональной. При ограниченной активной цели могут использоваться как тот, так и другой вид стратегии. При сотрудничестве применяются только конвенциональные стратегии, так как в противном случае оно неизбежно прекращается. Что касается переговорного процесса, то при инструментальном подходе используется неконвенциональная стратегия, которая должна очень хорошо маскироваться, а при конструктивном – конвенциональная.

Стратегия (как и тактика) предполагает организацию воздействия на оппонента или противника, что может быть достигнуто с помощью давления или маневрирования, а также их сочетания. Соответственно, можно выделить три вида внешнеполитической стратегии (давления, маневрирования и выжидания). Стратегия давления базируется на военной и экономической мощи, потенциальная угроза использования которых должна побудить оппонента или противника пойти на уступки. При использовании стратегии маневрирования основной упор делается на убеждение и поиск компромисса. Логика компромисса предполагает возможность не только уступок, но даже и корректировку намеченных целей, что придает стратегии гибкость, но зачастую в ущерб эффектив-

ности. Стратегия давления более эффективна, но лишена гибкости, ибо исключает компромисс.

Стратегия и тактика актуализуются в форме акций и операций. Акция является одноразовым действием, а операция представляет собой совокупность взаимосвязанных и согласованных акций, т. е. систему. Применительно к стратегии элементами данной системы являются операции, а к тактике относятся операции и отдельные акции (политические, дипломатические, пропагандистские, экономические, специальные и военные). Они могут быть как инициативными, так и ответными. Преобладание первых делает не только тактику, но и стратегию инициативной (активной), и наоборот, преобладание ответных является индикатором их пассивности (реактивности). Инициатива по самой своей природе дает определенное превосходство ее обладателю, так как объективно лимитирует ресурс времени на ответную адекватную реакцию.

Из шести выделенных типов акций четыре конвенциональны, один тип (военная акция) может быть конвенциональным или неконвенциональным. Что касается специальных акций, то тут явно преобладает неконвенциональность. Это относится не столько к добыче информации, сколько к акциям, направленным на физическое уничтожение персональных противников. Однако при этом может возникать противоречие между правовыми и морально-этическими нормами, когда эти персоналии виновны в тяжких преступлениях против человечества (геноцид, террор и т. п.).

В целом задачей внешнеполитического планирования является обеспечение минимума изменений и корректировок намеченного внешнеполитического курса, ибо только в этом случае он будет последовательным и, как результат, предсказуемым и понятным. Неопределенность всегда воспринимается как потенциальная опасность. В этом смысле непоследовательный внешнеполитический курс вызывает настороженность и препятствует налаживанию дружеских отношений.

Внешнеполитические интересы образуют базовые противоречия, а следовательно, и проблемы. Дуалистическая природа интереса как осознанной потребности в условиях ограниченных возможностей человеческого интеллекта приводит к тому, что некоторые оказываются неосознанными (неосознанные интересы), или потребность усматривается там, где ее в действительности нет (мнимые интересы). И в том, и в другом случае налицо ошибки в идентификации.

Не меньшую роль играют идеологии в завышении оценки значимости того или иного внешнеполитического интереса. Особенно наглядно она проявляется во взаимоотношениях между государствами, имеющими высший статус, с государствами, имеющими более низкий статус. В системе международных отношений, как и в обществе, равенство прав, декларируемых международным правом, не означает равенства возможностей.

Как уже отмечалось, по рангу значимости интересы подразделяют на три категории: жизненно важные (главные), приоритетные (основные) и неприоритетные (второстепенные). Вследствие этого возникают различные комбинации столкновения интересов между государствами. Одни из них порождают антагонистические противоречия, которые чреватые вооруженным кон-

фликтом, другие – трудноразрешимые противоречия, по третьим легко достигается компромисс.

Исходя из сказанного, внешнеполитическое проблемное поле государства подразделяют на две зоны – конфликтную и кооперативную.

Значимость конфликтного проблемного «узла» зависит не только от его пространственного положения, но и в первую очередь от наличия или отсутствия в нем неразрешимой проблемы (проблем), так как именно она в наибольшей степени порождает тенденцию к использованию вооруженного насилия. Берет на себя инициативу ее развязывания та сторона, которая обладает военным превосходством (реальным или мнимым). Статус государства продолжает определяться его военной и экономической мощью. Вместе с тем развитие переговорных процессов и сотрудничества ведет к постепенному росту значения информационных и организационных ресурсов.

Наличие достаточной информации представляет собой лишь предпосылку, использование которой обеспечивает соответствующий организационный ресурс, т. е. способность госаппарата эффективно распорядиться имеющейся информацией. При его оценке используется два базовых понятия – «превосходство» и «паритет». Под паритетом понимается отсутствие превосходства одной из сторон, т. е. в известном смысле его нулевое значение. Оба этих понятия имеют количественные и качественные характеристики. В процессе разоружения самые различные виды боевой техники получают количественный вес, на основе которого и определяется паритет. Единственное качественное различие, которое было при этом сохранено, – это деление на обычное вооружение и оружие массового уничтожения. Редукция осуществлялась только в рамках каждой из этих двух категорий военной техники, но не между ними.

Количественное превосходство принято подразделять на незначительное (1,5–2 : 1), значительное (3 : 1), подавляющее (5 : 1) и абсолютное (10 и более : 1).

Качественная характеристика превосходства обусловлена видами и подвидами ресурсов. Соответственно, оно может быть материальным, информационным, организационным, позиционным и мобильным.

В самом общем виде информационный ресурс есть совокупность знаний, которые может использовать политический субъект для оптимизации своего поведения, а также эффективного целенаправленного влияния на состояние и поведение других политических субъектов без применения открытого насилия. Если это удастся, то формируются предпосылки для поддержки соответствующего политического курса. Актуализация данных предпосылок происходит в процессе борьбы с альтернативными влияниями. Успех в подобном противостоянии свидетельствует об информационном превосходстве.

Преимущество в данной борьбе за тем государством, которое обладает наиболее полной и достоверной информацией о другом субъекте международных отношений и в то же время имеет возможность минимизировать информацию о себе («государственная тайна» плюс дезинформация). Это направлено на ограничение информационных ресурсов противника, а также на создание для него атмосферы неопределенности (функции разведки и контрразведки). Поэтому информационное превосходство обеспечивается следующими составля-

ющими: деятельность дипломатии, пропаганда, а также деятельность спецслужб.

Превращение даже большого объема информационных и материальных ресурсов в превосходство самым непосредственным образом связано с наличием организационных ресурсов, т. е. с состоянием государственного аппарата. Организационный ресурс связан с характером политического режима. В условиях авторитаризма особую значимость приобретает субъективный выбор решения диктатором. Если он ошибочен, то происходит дезориентация всего государственного аппарата. История знает немало примеров ошибок подобного рода.

При рекрутировании членов правящей группы в условиях авторитаризма базовым принципом является личная преданность, а деловые качества и профессионализм отходят на второй план. Допуск в ее состав людей с неординарными способностями обычно жестко блокируется во избежание появления конкурентов. Неизбежный результат в этом случае – пополнение подобного рода элиты посредственными фигурами, зачастую с криминальными наклонностями, что самым негативным образом отражается на дипломатии, пропаганде и спецслужбах.

При демократии роль субъективных факторов не столь значительна, и они могут быть заблокированы правящей политической элитой, состоящей из достаточно самостоятельных политических фигур. Бытие правящей политической элиты как таковой является временным и зависит от результатов выборов. На практике это ведет к постоянной *ротации* и *санации* (очищению от некомпетентных и криминализованных элементов) как ее самой, так и высшего эшелона руководящих кадров госаппарата, работа которого выступает объектом постоянного публичного критического анализа со стороны политической оппозиции и различного рода общественно-политических организаций. Конкурентные выборы также объективно влияют на профессионализацию бюрократии.

Вместе с тем вопрос эффективности политического режима остается открытым. Многие авторитарные политические режимы демонстрируют, несмотря на просчеты, вполне эффективный внешнеполитический курс. В связи с этим нельзя не привести пример количественной оценки организационного превосходства, осуществленной в рамках исследования коэффициента полезного действия госаппарата европейских государств. По глобальной шкале наивысшую оценку получил госаппарат Великобритании – 93 %.

Позиционное превосходство обусловлено также геополитическим положением государства (островное положение Англии и Японии обеспечивало им безопасность от иностранного вторжения). Вся история Российского государства проходила под знаком преодоления позиционного превосходства Речи Посполитой и Швеции, а затем и Османской империи, которые блокировали его выход к морским коммуникациям. Распад СССР привел к тому, что современная Россия оказалась почти в той же точке, с которой начиналась борьба за преодоление позиционного превосходства соседей.

Мобильное превосходство привязано к политическому времени. Проявляющий и сохраняющий инициативу субъект создает у других дефицит времени для принятия решения и его реализации и тем самым повышает вероятность

неадекватной реакции с их стороны. Постоянно сохраняющий за собой инициативу субъект более мобилен и обладает соответствующим превосходством.

В процессе реализации внешнеполитического курса государства не только выявляют совокупность, но и формируют систему оценочно-ориентационных отношений к другим субъектам международных отношений (политико-психологический климат). Можно выделить три основных вектора его формирования.

1. *Вектор «друг – враг»*. В рамках диапазона данного вектора существует спектр градаций (партнер, оппонент, конкурент, противник, братские отношения и т. д.). Огромную роль при этом играет историческая память (войны, геноцид...). По мере развития технологий манипулирования массовым сознанием возможности элиты в изменении традиционных стереотипов непрерывно повышаются.

2. *Вектор «зависимость – независимость»*. Формирование отношений зависимости происходит на основе соотношения сил. Отношение зависимости в большинстве случаев порождает чувство опасности.

3. *Вектор «доверие – недоверие»*. Отношения доверия находят свое конкретное выражение в соблюдении договоров, соглашений и в целом достигнутых договоренностей, включая так называемые джентльменские соглашения. В противном случае политика воспринимается как вероломная.

Различные сочетания данных векторов определяют общее состояние политико-психологического климата, в условиях которого государство вынуждено проводить свой внешнеполитический курс (благоприятный – неблагоприятный). Внешнеполитическая ситуация в целом самым непосредственным образом влияет на процесс формулирования внешнеполитической программы, а успехи или неудачи – на его состояние.

Вопросы для самоконтроля

1. Что является причиной базовых противоречий в системе международных отношений?
2. Какую роль играют информационные ресурсы в осуществлении внешнеполитического курса?
3. Выделите основные векторы формирования оценочно-ориентационных отношений к другим субъектам международных отношений.
4. Какие количественные характеристики применяются при оценке превосходства одного государства в области обычного оружия и оружия массового уничтожения?

4.4. Методология исследования переговоров

При анализе взаимосвязей между субъектами международных отношений необходимо исходить из того, что структурообразующими среди них являются политические, в их рамках доминирующими – межгосударственные отношения. Именно государство выступает системообразующим элементом системы международных отношений. Все геопространство находится в собственности государств (территориальный суверенитет), население мира через гражданство так-

же «прикреплено» к определенным государствам. Только католическая церковь сохранила свою государственность (государство Ватикан), что обеспечивает ей юридическую неподконтрольность.

Совокупность межгосударственных политических взаимосвязей формирует политическую структуру системы международных отношений. В рамках внешнеполитической субструктуры системы международных отношений можно выделить конфронтационные, кооперативные, нейтральные связи.

Конфронтационные взаимосвязи образуют конфликтные процессы. При этом необходимо развести понятия внешнеполитического и международного конфликта. Международный конфликт представляет собой более широкое понятие с точки зрения состава его участников. Субъектами международного конфликта могут быть не только государства, но также правительственные и неправительственные международные организации, политические и общественно-политические институты и движения. Внешнеполитический конфликт выступает составной частью международного. В отличие от конфликта, конфронтация в течение некоторого периода может быть и односторонней.

Конфликт – это всегда обоюдный обмен враждебными действиями со стороны его участников, вызванный противоречием их интересов. Конфликт характеризуется:

- динамикой;
- численностью участников (двусторонние, многосторонние и коалиционные конфликты);
- пространственным размахом (локальный, региональный, глобальный);
- напряженностью (переход от информационного к силовому воздействию на противоположную сторону);
- интенсивностью конфронтационных действий (численность враждебных акций).

Можно выделить три стадии напряженности:

- низкая стадия – это пропагандистская стадия, в ходе которой формируется желательный политико-психологический климат («мы – правы, они – неправы»);
- средняя стадия – на этой стадии давление осуществляется внешнеполитическими ведомствами и руководителями государства (предупреждения и угрозы);
- высокая стадия характеризуется применением санкций, демонстрацией силы (концентрация войск, маневры и т. п.).

XX век и особенно его вторая половина стали в известном смысле поворотным пунктом в эволюции войн, обусловленным колоссальным качественным скачком в развитии военных технологий. С одной стороны, оно ограничило возможность ведения войн, прежде всего между великими державами (сдерживающая роль ракетно-ядерного оружия), но, с другой стороны, стимулировало диверсификацию самих войн.

Кооперативные связи стимулируют процессы сотрудничества. Объективной предпосылкой внешнеполитического сотрудничества является наличие общих интересов. Если общие интересы жизненно важны, то государства идут на

«замораживание» имевшего места ранее конфронтационного взаимодействия. Обычно это происходит во время войны, от исхода которой зависит судьба государства. Однако подобного рода «заморозка» всегда явление временное, которое рано или поздно кончается, ибо само по себе это вынужденное сотрудничество.

Критериями оценки процесса сотрудничества служат те же критерии, что и в случае с внешнеполитическим конфликтом (число участников, масштаб, интенсивность). Критерием качества выступает степень дополнения внешнеполитического сотрудничества другими его видами, и особенно военным. Чем более комплексным является внешнеполитическое сотрудничество, тем оно стабильнее. Исключений данная закономерность не знает.

Можно выделить четыре стадии дружественного развития: консультативную, координационную, коалиционную и интеграционную.

Консультативная стадия предполагает регулярный обмен информацией между участниками по международным проблемам (контакты личные либо по техническим средствам).

Стадии координации – информационный обмен сочетается с согласованием позиций.

Коалиционная стадия – выработка общей позиции и стратегии ее реализации (в виде договора или соглашения). Отсутствие договора свидетельствует, что коалиция в большей степени носит временный, конъюнктурный характер. Но и договор не является гарантией долговременного сотрудничества. (Антигитлеровская коалиция была заведомо конъюнктурной, поэтому после разгрома нацистской Германии распалась.) По существу, правовое оформление не сыграло сдерживающей роли.

В долговременных коалициях сотрудничество дополняется взаимопомощью, экономической и военной. Такая помощь получает соответствующее правовое оформление (договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи) и часто трансформируется в военно-политический союз (блок). По своему составу такой блок может быть узким (два-три участника) или широким (например, НАТО).

В коалициях возникает проблема лидерства, а следовательно, симметрии или асимметрии их состава. В первом случае участники коалиции примерно равны по своим возможностям (например, в Антанте отсутствовал ярко выраженный лидер), а во втором лидер имеется, и в зависимости от его роли асимметричная коалиция может быть партнерской (лидер – это старший партнер), вассальной (лидер связан обязательствами и его возможности ограничены) или клиентельной (независимость от лидера носит чисто формальный характер).

Стадия интеграции – ориентация на объединение в новое единое государство (формирование «наднациональных органов», которым передается часть суверенитета).

Нейтральные взаимосвязи стимулируют процесс переговоров. При этом переговоры могут обладать самостоятельной значимостью, но быть инкорпорированы в процессы сотрудничества и конфликты.

Переговоры – это один из типов социальной коммуникации, представляющий собой дискуссию, ориентированную на разрешение проблем, возникаю-

щих вследствие различия интересов ее участников. Переговоры, в отличие от других типов социальной коммуникации (консультации, обмен мнениями и пр.), имеют целевую функцию – решение проблемы с помощью договоренности участников. Таким образом, идя на переговоры, участник формулирует для себя определенную систему целей, которая определяет его поведение.

Выделяют два различных подхода участника к переговорам: *конструктивный* (доминантная цель сохранена) и *инструментальный* (доминантная цель отсутствует).

Участник, придерживающийся инструментального подхода, заключая фиктивное соглашение, заведомо не собирается его выполнять. В 1997 г. Исполнительный секретариат СНГ привел данные, согласно которым из заключенных 880 договоров и соглашений реально выполнялись только 130 (менее 15 %).

Можно выделить семь типов переговорных стратегий:

1. *Ультимативная стратегия* опирается на постоянные требования односторонних уступок со стороны другого участника. Эти требования предъявляются в категорической форме и могут сопровождаться угрозами. Диктат является альтернативным типом социальной коммуникации, и поэтому такая стратегия может считаться переговорной условно.

2. *Конкурентная стратегия* ориентирована на компромисс, но односторонне выгодный: минимум собственных уступок и максимум уступок другого участника.

3. *Партнерская стратегия* ориентирована на взаимовыгодный компромисс, который рассматривается как правильный и справедливый. Ее применение обязательно требует взаимности. Обычно данная стратегия встречается при переговорах об интеграции.

4. *Имитационная стратегия* ориентирована на достижение мнимого компромисса (фиктивного соглашения). Основная часть дискуссионной активности концентрируется на придании соглашению такой формы, которая давала бы возможность игнорировать его в будущем.

5. *Обструкционная стратегия* не предполагает заключения соглашения и реализуется с пропагандистской целью. Переговоры затягиваются либо прерываются в нужный участнику момент времени.

6. *Смешанная стратегия* реализуется тогда, когда предметом обсуждения является комплексная проблема, отдельные аспекты которой (подпроблемы) отличаются высокой степенью автономности. Соответственно, по одним он может пойти на компромисс, а по другим нет.

7. *Неопределенная стратегия* реализуется тогда, когда участник еще не сделал окончательного выбора в силу дефицита времени, отсутствия необходимой информации, дестабилизации внутриполитического положения и т. д. Как правило, период применения этой стратегии невелик.

(Можно данные переговорные стратегии прокомментировать через Нормандский формат переговорного процесса по Украине.)

Решение о начале переговоров или отказе от них диктуется в основном логикой внешнеполитического курса. Выбор же стратегии зависит от проблемной и переговорной ситуаций. Первая детерминируется типом проблемы и характе-

ром интересов. *Интерес, понимаемый как осознанная потребность, представляет собой базовый элемент противоречия и проблемы.* Различие идеологий стимулирует появление и обострение политических противоречий. Однако общность идеологии не гарантирует отсутствия противоречий интересов: они объективно вытекают из различий в состоянии и положении субъектов (Россия – ЕС).

Наличие потребности побуждает субъекта предпринимать действия по ее удовлетворению. Встречая противодействие, он или прибегает к конфронтации (враждебным действиям), или пытается удовлетворить свой интерес с помощью компромисса. В первом случае складывается конфликтная, а во втором – кооперативная проблемная ситуация. Каждой из этих ситуаций может быть присуща определенная позитивная или негативная динамика. Негативная динамика конфликтной ситуации ведет к кризису и войне, а позитивная – к переходу в кооперативное состояние. Аналогичным образом обстоит дело и с динамикой кооперативной ситуации. Негативная ведет к конфликту, а позитивная – к формированию предпосылок интеграции. Вместе с тем та или иная ситуационная динамика не исключает возможности временного статического состояния – «замораживания» проблемы.

Таким образом, по критерию взаимодействия субъектов проблемные ситуации можно подразделить на конфликтные, кооперативные и статичные. Переговоры же всегда включены в кооперативную ситуацию. Они могут иметь место в конфликтной (дискретной) форме и отсутствуют в статической.

Применительно к межгосударственным отношениям под силой принято понимать военную, информационную и экономическую мощь определенного государства. Именно на основе данного понятия строится типология государств (малые, средние, крупные и великие державы). Но даже в военном деле наличие значительного материального превосходства не всегда гарантирует успех. Надо еще уметь его реализовать. В политике сделать это несравненно сложнее, хотя бы ввиду того, что слабейший в подавляющем большинстве случаев имеет возможность нивелировать превосходство политически с помощью «игры в баланс сил». Сущность «игры в баланс сил» сводится к тому, что слабейший стремится стимулировать создание некой коалиции, противостоящей сильнейшему. В нее включаются все те субъекты международных отношений, которые по данной проблеме поддерживают слабейшего. Особое значение имеет наличие в ее составе оппозиционных элементов из страны сильнейшего, в силу чего тот оказывается лишенным внутренней поддержки, что в принципе выравнивает соотношение сил. Обычно слабый прибегает к «игре в баланс сил», когда на стороне сильнейшего значительное превосходство. Если же оно не столь велико, то переговорную ситуацию можно считать равновесной (симметричной).

Если оба субъекта добровольно принимают решение о начале переговоров, то переговорная ситуация благоприятна.

Проблемная и переговорная ситуации детерминируют выбор стратегии, которая задает лишь общую ориентацию поведению субъектов – участников переговорного процесса. Чтобы обеспечить четкую целенаправленность их поведения, требуется конкретизация стратегии, что и достигается путем разработки позиции и тактики.

Позиция – это тот вариант решения проблемы, который представляются участнику оптимальными. Позицию можно считать жесткой, если участник строго придерживается только основной позиции, и, наоборот, гибкой, если он допускает переход на резервную. При квазипереговорах целью участника является сохранение статус-кво. Во избежание прекращения переговоров он вынужден тщательно маскировать свою позицию. Чем искуснее маскировка, тем надежнее симулятивная позиция.

Демаскировка симулятивной позиции может приводить к негативным результатам. Например, идя на переговоры о заключении Брестского мира, советская делегация во главе с Л. Троцким решила использовать обструкционную стратегию. Расчет строился на том, что в Германии в ближайшие месяцы должна произойти революция, и необходимо только потянуть время до этого момента. Однако советская делегация не заботилась о маскировке своей симулятивной позиции. Л. Троцкий выдвинул тезис: «Ни мира, ни войны». Публично озвучив его, члены советской делегации демаскировали свой симулятивный подход. Германская сторона прервала переговоры, и немецкие войска продолжили наступление. Когда по просьбе советского правительства переговоры возобновились, она прибегла к диктату, условия которого Советская Россия была вынуждена принять.

Маскируются не только симулятивные, но и реальные позиции. Различие состоит в том, что у первых маскировка постоянна и играет ключевую роль, а у вторых она временна и ее роль обычно второстепенна. Продолжительность ее существования является вопросом тактики.

Тактика переговорного процесса – это система приемов целенаправленного воздействия одного субъекта на другого. Его целенаправленность выражается в ориентации на получение пользы для себя. В данном смысле прием «своекорыстен», и в этом его принципиальное отличие от различного рода правил и процедур.

Тактики можно условно подразделить на шаблонную и нешаблонную, а также на инициативную, безынициативную и выжидательную.

Шаблонная (стереотипная) тактика – это малая замкнутая статическая система приемов. Их число достаточно ограничено. Нешаблонная тактика – это большая открытая динамическая система, в которой много легко модифицирующихся приемов, а включение новых и исключение старых происходит просто.

Инициативная тактика – это максимум активности и минимум реактивности, безынициативная – минимум активности и максимум реактивности, а выжидательная – минимум активности (которая тяготеет к нулю) и минимум реактивности.

При переговорной тактике воздействие одного субъекта (участника) на другого является только информационным. В зависимости от используемых лингвистических средств влияние выступает в виде убеждения, побуждения или принуждения.

Средством убеждения выступают аргументы: фактологические, логические и аксиологические. К последним, в частности, относятся морально-этические и правовые нормы. Без ссылок на международное право, как прави-

ло, не обходится ни одна официальная дискуссия в ходе международных переговоров. В современном международном праве отчетливо просматривается противостояние двух альтернативных базовых принципов: суверенитета государства и прав человека. Баланс (компромисс) между ними пока не найден.

В качестве средства побуждения выступает обещание. Давая обещание, субъект сохраняет за собой определенную «степень свободы», так как оно всегда содержит момент условности. Различие между ними хорошо видно при сопоставлении таких документов, как договор и декларация о намерениях. Первый содержит взаимные обязательства, вторая включает лишь взаимные обещания.

Принуждение осуществляется с помощью угроз. Их эффективность зависит прежде всего от их реальности.

Итак, в зависимости от вида влияния выделяется тактика убеждения (уговоров), побуждения (обещаний) и принуждения (угроз). Они могут использоваться как в «чистой» форме, так и в комбинации друг с другом. Наиболее распространенной комбинацией можно с полным основанием считать тактику обещаний и угроз (политика «кнута и пряника»).

Важной особенностью переговорной тактики можно считать специфику ее целенаправленности. В принципе, целью участника всегда является реализация его позиции, однако добиться этого он может лишь поэтапно. Принято выделять три таких этапа: подача (изложение) позиции, продвижение (отстаивание) позиции и согласование позиций.

Задачу каждого из этапов участник решает, используя те или иные приемы, которые, по его мнению, наиболее эффективны. Это своего рода искусство.

Например, чаще всего используется прием постепенной подачи позиции («салями» или «первоначальное значительное завышение требований» – традиционный прием всех торговцев восточного базара, так как он маскирует их позиции). Гораздо реже используется прием подачи позиции сразу.

Тактика всегда актуализуется в процессе переговорной дискуссии, что требует ее адаптации к особенностям последней. К ним относятся статус и число участников, содержание, структура и форма дискуссии, что позволяет предложить следующую классификацию переговоров:

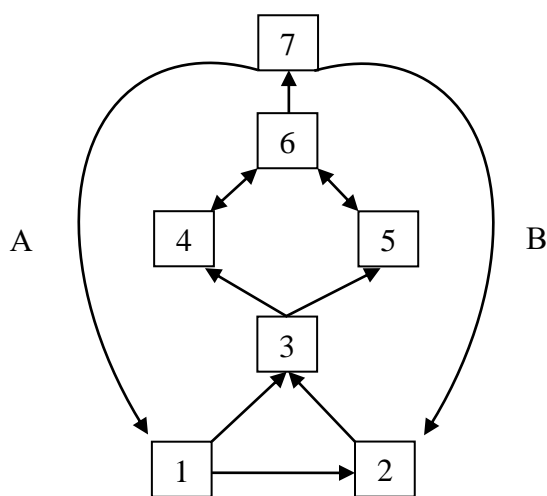
- по статусу – переговоры на высшем политическом, дипломатическом и экспертном уровнях;
- по числу участников – двусторонние и многосторонние;
- по содержанию – комплексные (несколько предметных сфер) и некомплексные (одна предметная сфера), монопроблемные и многопроблемные;
- по структуре – разовые, многотуровые и постоянные переговорные форумы;
- по форме – открытые (публичные), конфиденциальные и секретные.

Открытость переговорной дискуссии всегда весьма условна, так как параллельно ведется конфиденциальная дискуссия на двустороннем уровне – так называемая кулуарная дипломатия. Очень часто именно она и есть реальный механизм принятия решений, а публичная дискуссия в основном лишь фиксирует результаты его работы.

Результативность переговорной дискуссии может быть как реальной, так и номинальной (заключено фиктивное соглашение). Принято выделять два вида результативности: *урегуливание проблемы* и ее *разрешение*. При первом проблема остается неразрешенной, но проблемная ситуация переводится из конфликтного состояния в кооперативное. Окончательное урегулирование и разрешение проблемы оформляются только путем заключения договора или соглашения (взаимообмен обязательствами).

Предварительное урегулирование есть, в принципе, предпосылка урегулирования окончательного, которое, в свою очередь, является предпосылкой разрешения проблемы.

Все вышесказанное можно оформить в концептуальную модель (рис. 4.2).

1 – проблемная ситуация; 2 – переговорная ситуация; 3 – стратегия; 4 – позиция;
5 – тактика; 6 – переговорная дискуссия; 7 – исход дискуссии
А – разрешение проблемы; В – урегулирование проблемы

Рис. 4.2. Модель переговорного процесса

Данная модель, не претендуя на полноту, тем не менее обладает необходимой достаточностью как методологический инструмент анализа переговорного процесса.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем отличие внешнеполитического конфликта от международного?
2. Назовите основные стадии напряженности международного конфликта.
3. Назовите основные стадии дружественного сотрудничества между государствами.
4. Какие взаимосвязи между государствами стимулируют процесс переговоров?
5. Сформулируйте основные типы переговорных стратегий.
6. Что понимается под тактикой переговорного процесса?
7. По каким критериям классифицируют переговоры?

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев Л. Ч. Об актуальных подходах к моделированию международных отношений / Л. Ч. Абаев // Проблемы национальной стратегии. – 2011. – № 2. – С. 31–48.

Аллисон Г. Обречены воевать / Грэхам Аллисон ; [пер. с англ. В. Желнинова]. – Москва : АСТ, 2019. – 416 с.

Алтунян А. Г. Анализ политических текстов : учеб. пособие / А. Г. Алтунян. – Москва : Логос, 2015. – 384 с.

Боришполец К. П. Методы политических исследований / К. П. Боришполец. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2010. – 230 с.

Бородкин Л. И. Методология анализа неустойчивых состояний в политико-исторических процессах / Л. И. Бородкин // Международные процессы. – 2005. – Т. 3, № 1 (7). – С. 4–16.

Бромлей Ю. В. Очерки истории этноса / Ю. В. Бромлей. – Москва : Наука, 1983. – 416 с.

Глобальный прогноз РСМД 2019–2014 : сборник. – Москва : НП РСМД, 2019. – 268 с.

Глухова А. В. Политические конфликты. Основания, типология, динамика. Теоретико-методологический анализ / А. В. Глухова. – Москва : Либроком, 2010. – 280 с.

Давыдов Ю. П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений / Ю. П. Давыдов // Международные процессы. – 2004. – № 4. – С. 69–80.

Дегтерев Д. В. Количественные методы в международных исследованиях / Д. В. Дегтерев // Международные процессы. – 2015. – Т. 13, № 2. – С. 35–54.

Дмитриев А. В. Насилие. Социально-политический анализ / А. В. Дмитриев, И. Ю. Залысин. – Москва : Рос. полит. энцикл., 2000. – 328 с.

Копылов И. Армии мира и их модели в XXI веке: социально-политический анализ / Игорь Копылов. – Москва : LAP Lambert Academic Publishing, 2013. – 236 с.

Королев В. А. Страновой брендинг и его отражение в глобальных рейтингах «мягкой силы» / В. А. Королев, А. В. Владимирова, А. А. Трунина // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – Т. 9, № 2. – С. 209–228.

Коротина Н. Ю. Подходы к измерению «мягкой силы» / Н. Ю. Коротина // Дискурс-Пи. – 2014. – № 4 (17). – С. 56–61.

Мазалов В. В. Математическая теория игр и приложения / В. В. Мазалов. – Санкт-Петербург ; Москва ; Краснодар : Лань, 2010. – 446 с.

Мельвиль А. Ю. Могущество и влияние современных государств в условиях меняющегося мирового порядка: некоторые теоретико-методологические аспекты / А. Ю. Мельвиль // Политическая наука. – 2018. – № 1. – С. 173–200.

Мир через 100 лет : сб. ст. – Москва : НП РСМД, 2016. – 408 с.

Никитин А. И. Новая система отношений великих держав XXI века: «концерт» или конфронтация? / А. И. Никитин. – DOI: 10.17976/jpps/2016.01.04 // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 1. – С. 44–59.

Ожиганов Э. Н. Моделирование и анализ политических процессов / Э. Н. Ожиганов. – Москва : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2009. – 190 с.

Плимак Е. Г. Драма российских реформ и революций: сравнительно-политический анализ / Е. Г. Плимак, И. К. Пантин. – Москва : СИНТЕГ, 2001. – 360 с. – (Сер.: «Тема»).

Подберезкин А. И. Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки / А. И. Подберезкин, К. П. Боришполец. – Москва : МГИМО-Университет, 2014. – 874 с.

Политика санкций: цели, стратегии, инструменты : хрестоматия / [сост. И. Н. Тимофеев, Т. А. Махмутов]. – Москва : НП РСМД, 2018. – 280 с.

Славко Т. И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях / Т. И. Славко. – Москва : Наука, 1981. – 156 с.

Фененко А. Статистика против истории. Размышления о количественных методах в международных исследованиях / А. Фененко // Международные процессы. – Т. 16, № 3 (54). – 2018. – С. 56–83.

Хаас Р. Мировой беспорядок / Ричард Хаас ; [пер. с англ. В. Желнинова]. – Москва : АСТ, 2019. – 320 с.

Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза : учеб. пособие / М. А. Хрусталева. – Москва : Аспект пресс, 2016. – 208 с.

Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза : учеб. пособие для вузов / М. А. Хрусталева. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2019. – 224 с.

Учебное издание

Шалак Александр Васильевич

Прикладной анализ международных отношений

Учебное пособие

Издается в авторской редакции

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 27.06.20. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 6,4. Тираж 100 экз. Заказ .

Научное издательство Байкальского государственного университета.

664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУ.